

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

4/2017 (8)

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

выпуск 11

Апатиты
2017

Российская Академия Наук

4/2017 (8)

издается с декабря 2010 г.

УДК 621.314

ISSN 2307-5252

ТРУДЫ

Кольского научного центра

Главный редактор –
д.г.-м.н., проф. Ю. Л. Войтеховский

Заместители главного редактора:
д.г.-м.н., проф. В. П. Петров
д.т.н., проф. Б. В. Ефимов

Редакционный совет:
академик Г. Г. Матишов,
академик Н. Н. Мельников,
чл.-корр. В. К. Жиров,
чл.-корр. А. Н. Николаев,
д.э.н. Ф. Д. Ларичкин,
д.т.н. В. А. Маслобоев,
д.г.-м.н. В. П. Петров (зам. главного редактора),
д.т.н. В. А. Путилов,
д.ф.-м.н. Е. Д. Терещенко,
к.г.-м.н. А. Н. Виноградов (отв. секретарь)

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

выпуск 11

Редакционная коллегия серии
«Гуманитарные исследования»:
д.г.-м.н. В. П. Петров (отв. редактор),
д.и.н. И. А. Разумова (зам. отв. редактора),
д.и.н. И. Ю. Винокурова,
д.филол.н. Н. В. Дранникова,
к.филол.н. Н. Н. Измоденова,
к.социол.н. Э. С. Клюкина,
д.э.н. Т. П. Скуфьина,
д.и.н. П. В. Федоров,
к.и.н. О. В. Шабалина,
к.и.н. О. А. Бодрова (секретарь)

Научное издание

Технический редактор: В. Ю. Жиганов

Подписано к печати 15.05.2017. Формат бумаги 70×108 1/16.

Усл. печ. л. 8. Заказ № 26. Тираж 300 экз.

ФГБУН КНЦ РАН

184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14

184209, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, ул. 14,

Кольский научный центр РАН

Тел.: (81555) 79393, 79380, факс: (81555) 76425

E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

© Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Федерального государственного бюджетного учреждения науки Кольского научного центра Российской академии наук, 2016

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Кольского научного центра Российской академии наук, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Разумова И. А. Биография советского ученого: прагматика текста	5
Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. История послевоенного развития академической науки по материалам сессий Ученого совета Кольской научно-исследовательской базы АН (1948–1949).....	18
Дюжилов С.А., Богдан Я. Е. Полярное отделение ВИА на рубеже 1920–1930-х годов: новые векторы развития в научной деятельности.....	35
Салимова С. М. Особенности развития культуры в Кировске в 1930-е годы.....	56
Шабалина О. В. Литературно-изобразительные материалы персональных фондов Г. Д. Рихтера и В. В. Чарнолуского как источники по истории организации и проведения арктических и субарктических экспедиций в аспекте их финансового и продовольственного обеспечения....	66
Сулейманова О. А., Бодрова О. А. «Саами приглашают»: культурно-массовые мероприятия как форма сохранения культурного наследия коренного населения Кольского Севера....	83
Казакова К. С. Проблема грамотности населения Кольского Севера в этнографических источниках конца XIX – начала XX вв.....	97
Полищук- Молодоженя Т. Р. Правовые проблемы определения статуса коренных малочисленных народов Севера в России (на примере Мурманской области).....	106
Вицентий И. В., Стрельников В. В. Религиозная толерантность населения Мурманской области.....	121
Научная жизнь	
Давыдова А. С. О XII Конгрессе антропологов и этнологов России...	133

Russian Academy of Sciences

4/2017 (8)

UDC 621.314
ISSN 2307-5252

transactions

Kola Science Centre

Editor-in-Chief –
Yu.L. Voitehovsky, Dr.Sc. (Geology and Mineralogy)

Deputy Editors-in-Chief:
Prof. V. P. Petrov,
Prof. B. V. Efimov

Editorial Council:

Acad. G. G. Matishov,
Acad. N. N. Melnikov,
Cor. Member V. K. Zhironov,
Cor. Member A. N. Nikolaev,
Prof. F. D. Larichkin,
Prof. V. A. Masloboev,
Prof. V. P. Petrov (Deputy Editor-in-Chief),
Prof. V. A. Putilov,
Prof. E. D. Tereshchenko,
Prof. A. N. Vinogradov (Executive Secretary)

HUMANITARIAN STUDIES

series 11

Editorial Council of
«Humanitarian studies» Series:

Prof. V. P. Petrov (Editor-in-Chief),
Prof. I. A. Razumova (Deputy Editor-in-Chief),
Prof. I. Ju. Vinokurova,
Prof. N. V. Drannikova,
PhD (Philosophy) N. N. Izmodenova,
PhD (Sociol.) E. S. Klyukina,
Prof. T. P. Skufina,
Prof. P. V. Fedorov,
PhD (History) O. V. Shabalina,
PhD (History) O. A. Bodrova (Secretary)

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel. (81555) 79393, 79380. Fax: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

© Barents Center of Humanities KSC RAS, 2016
© Kola Science Centre of Russian Academy of Sciences, 2016

CONTENTS

	Page
Razumova I. A. Biography of a Soviet scientist: pragmatics of the text.....	5
Makarova E. I., Petrov V. P., Tokarev A. D. The history of the academic science post-war evolution based on the materials of the sessions of the Scientific council of the Kola research base of the USSR Academy of Sciences (1948–1949).....	18
Dyuzhilov S. A., Bogdan Ya. Ye. The polar branch of the all-union plant-growing institute in the 1920–1930s: new vectors of development and scientific activity.....	35
Salimova S. M. Features of the culture in Kirovsk in 1930-ies.....	56
Shabalina O. V. Literary and pictorial materials of personal funds G. D. Richter and V. V. Charnoluskiy of the Museum- Archive of the BCH KSC RAS as sources on the history of organizing and conducting Arctic and Subarctic expeditions in the aspect of their financial and provision securit.....	66
Suleymanova O. A., Bodrova O. A. "Saami invite": cultural and mass activities as a form of conservation of the cultural heritage of the indigenous people of the Kola North	83
Kazakova K. S. The problem of literacy of the population of the Kola North in ethnographic sources of the late XIX – early XX centuries.....	97
Polishchuk- Molodozhenya T. R. Legal problems of defining the status of the Northern indigenous peoples in Russia (on the example of Murmansk region).....	106
Vicentiy I. V., Strelnikov V. V. Religious tolerance of the Murmansk region population...	121
Scientific Life	
Davydova A. S. The XII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia.....	133

БИОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО: ПРАГМАТИКА ТЕКСТА¹

Аннотация

Статья посвящена социальным функциям биографий ученых. Рассматриваются институциональные биографии. Они представлены несколькими жанровыми разновидностями, которые различны по целевому назначению, но идентичны по структуре и риторике. Основные функции институциональной биографии – ритуальные. Вариативность содержания и прагматики обусловлена социальными рамками публикации как события. Прагматика биографии ученого основывается на утверждении статуса науки через акт признания определенной личности, а следовательно, его приверженцев, коллег, учеников. В исторических исследованиях биография выполняет инструментальные функции в качестве «метода» или «источника». Выделены основные траектории биографий ученых. Траектория взаимодействия с властью помещает биографию в фокус общественных дискуссий по поводу определения социальных статусов. Понятие «советский ученый» наделяется разными смыслами и оценочными значениями. В качестве примера рассмотрены несколько биографических текстов об А. В. Сидоренко (1917–1982). Его статус определяется званием академика и должностью министра СССР. Для региональной научной корпорации значение этой личности связано с руководящей деятельностью в Кольском филиале АН СССР (1951–1961). С его именем ассоциируется успешность советского проекта «Академия наук – город Апатиты». Анализ текстов демонстрирует, каким образом каждая группа, институт, индивид могут подтвердить причастность к герою биографии.

Ключевые слова:

биография, просопография, статус, советский ученый, прагматика текста, А. В. Сидоренко.

I. A. Razumova

BIOGRAPHY OF A SOVIET SCIENTIST: PRAGMATICS OF THE TEXT

Abstract

The article is devoted to the social function of biographies of scientists. The institutional biography is under discussed. It is represented by several varieties, which vary according to the intended purpose, but identical in structure and rhetoric. The main functions of the institutional biography are ritual. Variability of the content and pragmatics depends on the social frames of the publishing process as event. Biography of a scientist claims the status of science through the act of recognition of a certain personality. In historical research biography performs tool functions as a "method" or "source". The basic trajectories of biographies of scientists are highlighted in the article. The trajectory of the interaction with the government places the biography in the focus of public debate regarding the definition of social status. The concept of "Soviet scientist" is endowed with different meanings and estimated values. As an example, we have examined several biographical texts about A. V. Sidorenko (1917–1982). Their status is determined by academic title and office of Minister of the USSR. For the regional scientific Corporation the value of this personality is associated with

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ по проекту № 16-11-51002 а(р) «Осмысление опыта советской урбанизации арктической территории в мемуарно-биографических источниках: социально-антропологический ракурс».

leadership in the Kola branch of the USSR (1951–1961). His name is associated the success of the Soviet project "Academy of Science and the city of Apatity". Analysis of texts showing how each group, institution, individual can confirm his involvement in the hero's biography for his own purpose.

Key words:

biography, prosopography, status, Soviet scientist, text pragmatics, A.V. Sidorenko.

Институциональные рамки просопографии

Одна из тенденций, наблюдаемых в современной российской науке, – обращение к историческому опыту ее развития, продиктованное стремлением осмыслить социально-культурный феномен «советской науки». Переиздаются труды, публикуются мемуары ученых и организаторов науки, воспоминания о них самих, об обстоятельствах проведения исследований, открытиях и т. д. Одной из сторон этого процесса является биографирование. Биографии в разных видах и жанрах пишут не только профессиональные историки и литераторы. Когда речь идет об ученом, написание биографии становится также делом представителей научного цеха, к которому он принадлежал.

Прагматика биографии «человека науки» основывается на утверждении статуса науки (института в целом и конкретной дисциплины) через акт признания биографируемой личности как ученого, а следовательно, его приверженцев, коллег, учеников, и далее – всех непосредственно и опосредованно к нему причастных.

Проблемы биографирования ученых рассматривались в советском науковедении весьма внимательно. Об этом свидетельствует сборник статей «Человек науки», составленный из статей участников симпозиума по проблемам биографии творческой личности в 1972 году [Человек науки, 1972]. Среди авторов были профессиональные литераторы и филологи (в том числе д. ф. н. Б. С. Мейлах), но в большинстве своем – доктора и кандидаты технических, философских, физико-математических, медицинских, химических наук (включая академика Б. М. Кедрова). Принципы построения биографии выделялись в самостоятельную научную проблему, требующую междисциплинарных решений. Они увязывались с вопросами «психологии научного творчества», мотивации научной деятельности, взаимоотношений в среде ученых, с наукометрией и многими другими аспектами изучения личности в науке.

Очевидно, что биографии значительно различаются по способу представления, функции, жанру: от жизнеописания в романной форме и биографического очерка до схематизированной информации в биографическом словаре; биографии бывают исторические, литературные, официальные, некрологи, энциклопедические справки и т.д. В конце концов, биография может быть представлена и как история болезни. Полной и построенной по совокупности критериев типологии биографий нет, но исследования проводятся постоянно и достаточно интенсивно.

В последние десятилетия XX – начале XXI веков поле биографических исследований расширилось настолько, что позволило говорить о «биографическом буме» или даже о «биографическом повороте» в гуманитарном знании. В социологии этот поворот был вызван (или сопровождался) разработкой биографического метода, который стал активно применяться в работах, основывающихся на качественной стратегии. Социологи

сосредоточились большей частью на изучении автобиографий, которые, являясь формой самопрезентации «я», существенно отличаются от биографий, составленных другими. В частности, они не могут представить завершённый жизненный путь, даже если создаются на склоне лет автобиографа. Вместе с тем «всякий рассказ о своей жизни заимствует взгляд на жизнь у литературных (внешних социально-культурных форм)» [Голофаст, 1995] (социолог в этой связи сошлется на П. Бурдьё, филолог, скорее, на Ю.М. Лотмана), – это в равной мере справедливо по отношению и к автобиографии, и к рассказу о жизни другого.

В исторических штудиях биографический фокус связан с увлечением антропоцентристской, «микроисторической» оптикой и одновременно с легитимацией устной истории в качестве полноценного источника, содержание которого опирается на персональный жизненный опыт рассказчика. В рамках «интеллектуальной истории» (как сейчас принято обозначать одно из наиболее успешно развивающихся и теоретически основательных направлений антропологически ориентированной исторической науки) биография рассматривается в качестве «средства исторического познания» [Репина, 2011: 287–324]. В свою очередь, методологические возможности интеллектуальной истории признаются оптимальными для развития «биографического жанра», иными словами, служат совершенствованию практик биографирования [Петрина, 2010].

По мнению Б. Дубина, социология повседневности, устная история, биографический метод, «как и биографии “незамечательных людей” в литературе, фактически лишают их объект повышенной нагрузки, эмблематической значимости, а жанр биографии – его основных и, казалось, неотчуждаемых исторических и педагогических привилегий»; «биографический жанр в целом все больше отходит в репродуктивные подсистемы, выполняя функции популяризации, перевода ценностей науки или художественной культуры на языки других групп и субкультур, служа для исследователя рабочей формой предварительной организации материала» [Дубин, 2001: 103]. В исследовательском процессе биография и биографирование выполняют в первую очередь инструментальные функции, являясь «методом» или «источником», при помощи которых добывается знание о социально-исторической реальности иного порядка. Наряду с генеалогией и исторической демографией в качестве вспомогательной исторической дисциплины развивается просопография, которая рассматривается как метод изучения массовых источников биографической информации с применением статистической обработки данных для создания коллективных (социальных) портретов социальных слоев и групп [Юмашева, 2015]. В начале 2000-х годов обширная историография просопографии позволила даже сделать заключение, что феномен данного метода представляет «удачный практически реализованный опыт преодоления кризисных явлений в исторической науке» [Там же: 98]. Современные мультимедийные технологии открывают большие возможности для реализации масштабных проектов по созданию сетевых информационных ресурсов, баз данных, биографических словарей и т.п.

Просопография базируется на «вехах» официальной биографии. С социологической точки зрения она представляет собой фиксацию событий, связанных с пересечением индивидом рамок институциональной структуры общества (семьи, образования, профессии и т. д.) «в процессе нормативно же

заданной карьеры того или иного типа» и «удостоверяет социальную (в нашем, советском, случае – официально-государственную) полноценность индивида, его общественную сортность» [Дубин, 2001: 112–113]. «Личность реальна тут лишь в той мере, в какой архивирована. <...>. Индивид предстает в виде растущей и упорядочиваемой коллекции официальных справок, свидетельств и т.п. документов» [Там же: 113]. Б. Н. Дубин считал, что биографический историк чаще всего ограничивается «простыми, рутинными, нормативными либо традиционалистскими компонентами реконструируемого действия, понимая субъекта исключительно как агента репродуктивных систем» и «вытесняет при этом иную, небиографируемую реальность» [Там же: 111].

Жизнеописание в институциональной биографии имеет вид послужного списка, который может, тем не менее, приобретать ту или иную литературную форму – в зависимости от целевого назначения текста и возможностей автора. Противоречие между необходимостью, с одной стороны, реализовать схему, которая именно в силу институционального характера представляется «естественной», и, с другой стороны, создать рассказ о человеке является предметом рефлексии пишущих профессионалов. Сотрудник Архивохранилища русского флота РГАВМФ в Петербурге, занимающийся биографиями видных военнослужащих, констатировал: «Оценить успешность карьеры можно лишь с использованием элементов просопографии, сравнивая движение по службе основного объекта исследования с судьбами его товарищей. С другой стороны, послужные списки ничего не сообщают о свойствах человеческой личности, которые, зачастую, оказывали самое непосредственное воздействие на карьерный рост военнослужащих» [Емелин, 2011]. Журналист газеты «Вечерний Петербург» обобщил свой аналогичный опыт: «Написание биографии в новостных СМИ – это постоянное балансирование между формальной, механически воспроизведенной “биографической справкой” и максимально личным отношением к герою текста, включающим эмоциональную оценку и попытку экзистенциального анализа судьбы персонажа. Различные жанры биографии и другие аспекты требуют разного соотношения этого “гуманизированного” и “энциклопедического” дискурсов» [Дубшан, 2012]. В большинстве случаев, когда просопографическая биография подвергается критике или проблематизации, альтернатива связывается с выявлением «особенностей личности» и «мотивов» развития профессиональной, служебной карьеры.

Одним из направлений просопографических исследований является изучение истории корпораций, состав которых квалифицируется как «культурная (интеллектуальная) элита». В частности, такую работу проводят историки Санкт-Петербургского университета [Ростовцев, 2016; Сидорчук, 2016]. По замыслу исполнителей серии проектов собирание и систематизация просопографических данных позволяет составить комплексную картину истории университета, отдельных факультетов и в целом сообщества петербургских ученых разного гуманитарного профиля. Стратегически нацелены на тот же результат биографические исследования по воссозданию истории региональных школ библиотековедения [Медведева, 2013]. Симптоматичным, хотя и спорным, является предложение считать отдельной отраслью педагогики «биографику социально-культурной деятельности», то есть изучение и составление биографий видных библиотековедов [Рябков, 2015]. В списке литературы к статье П. М. Рябова привлекают внимание заглавия

публикаций, в которых используются перифрастические наименования героев биографий: «Партитура биографии уральского ученого», «Мастодонты кафедры социально-культурной деятельности», «Книжник-интеллигент всея Руси Библиотечной», «Сакральный образ рыцаря культуры» [Там же: 21–22]. Перифразы заглавий выражают смысловую доминанту биографии. Значимость персонажей определяется пространственными масштабами («уральский», «всея Руси»), институциональными или организационными рамками («Русь Библиотечная», «кафедра»), социально-культурными статусами («книжник-интеллигент», «рыцарь культуры», «ученый»).

Отдельные факты жизни и деятельности превращаются в биографию благодаря смысловой цельности, которая им придается. Цельность биографии с социологической точки зрения связана с интересами и идеями групп, культурными значениями и традициями, вовлеченными в процесс биографирования [Дубин, 2001: 105]. Биография – это выражение нормативного порядка в обществе, она представляет образец, особенно если речь об институциональной биографии. С одной стороны, селекция «биографического материала», документально подтвержденных фактов осуществляется автором (исследователем) на основе принятых ступеней социализации, с другой стороны, в институциональной и персональной практике документируются, то есть санкционируются в качестве «событий» именно те факты, которые соответствуют нормативной модели.

Биографические траектории советского ученого

С точки зрения структурной жизненный путь представляет собой траекторию. Она размечается стандартными событиями, на которые ориентируются биографы. Основных векторов два. Первый направлен от рождения к смерти через события «семейного цикла», включая пролог (предков) и эпилог (потомков, социальную память). Второй образует линию достижительных статусов, которая может быть восходящей, нисходящей, ровной или неровной. Институциональным биографиям, естественно, свойственна ориентация на восходящую «карьерную» статусную траекторию. Каноны профессиональных биографий зависят от того, успешной или неуспешной признается карьера. По отношению к ней определяется значение остальных жизненных векторов как факультативных или таких, которыми можно пренебречь. В соответствии с целевым назначением, изданием, в котором публикуется биография, временем написания, авторской установкой избираются те или иные траектории. Одну из главных проблем формирования биографического текста составляет корреляция собственно профессиональной (или административной) траектории с иными личностными опытами.

Для ученого могут быть выделены следующие траектории, сочетание и переплетение которых создает варианты биографий:

1. научная социализация: высшее, поствысшее образование, защита кандидатской, докторской диссертации;
2. карьерный рост: научные и административные должности;
3. развитие тематики исследований и научный поиск;
4. взаимодействия в научном поле (контакты, полемики, конфликты);
5. траектории вне научного поля:

- семейная;
- общественно-политическая (взаимодействие с властью и другими институтами);
- пространственная (миграционная);
- личностная (мировоззренческая);
- психо-физическая (эмоциональные состояния, здоровье);
- возможно иные.

Политический фактор играет очень важную роль в конструировании биографий ученых, как и других деятелей XX века. В случае «советского ученого» его действие неопровержимо, так как само определение означает отношение к конкретной государственной власти. Советский ученый – это не только указание на национально-государственную и культурную принадлежность, эпоху и хронологические рамки деятельности, но и достижительный социальный статус, который и фиксируется биографией. Анализируя жизненный путь Н. В. Устрялова, профессора права, который принял советское гражданство, возвратился в СССР из эмиграции и был вскоре расстрелян, М. Кротова подчеркивает: «Советскую биографию, считал Устрялов, нужно “заслужить”, подчинить свой индивидуальный рассудок “большому разуму государства”» [Кротова, 2011]. Ни по мировоззрению, ни по объективным социальным характеристикам человек прежней формации не мог обладать такой биографией. Он мог ее «достичь» лишь в результате целенаправленных усилий (или насилия над собой). Как считает биограф, именно поэтому финал жизни Устрялова столь же трагичен, сколь и закономерен, он может рассматриваться как добровольная жертва.

В постсоветский период символическую цельность биографий ряда ученых советского времени обусловила их принадлежность к «репрессированной науке», представляющей собой мартиролог. Один из лучших образцов – двухтомное собрание биографий этнографов [Репрессированные этнографы, 2002, 2003]. Сюжет взаимодействия с властью наполняет биографию смыслом, который делает ее фактом повышенной общественной значимости, активно дискутируемым (например, в случаях книги С. Э. Шноля «Герои, злодеи, конформисты отечественной науки» [Шноль, 2010] или романа Д. Гранина «Зубр»). Фокусом общественных дискуссий является определение статусов, которые не ограничиваются «праведниками» и «мучениками» (одно из свидетельств – заглавие книги С. Э. Шноля).

Е. Новак – живущий в Германии польский орнитолог и биограф ученых-естествоиспытателей – сгруппировал варианты судеб европейских коллег XX века следующим образом: «Большинству из них выпало жить в пору господства фашистских и коммунистических режимов и встречать в своей работе множество препятствий, порожденных общественно-политической обстановкой той эпохи. <...>. Многим пришлось пережить политически обусловленные преследования <...>, пребывание в тюрьмах и лагерях. Некоторые покончили жизнь самоубийством или были казнены по приговору суда. Но были и такие, кто неплохо приспособился к существующему строю и даже сумел извлечь для себя определенные преимущества, весьма способствовавшие их личному преуспеянию и успешной научной деятельности» (из предисловия автора к русскому изданию книги «Ученые в вихре времени») [Новак, 2009: 5]. В этом рассуждении представлены несколько траекторий, которые выстраиваются

в зависимости от того, каким образом персонажи переживали (или не пережили) политические обстоятельства. Прежде всего, подразумевается и отделяется от «большинства» некое «меньшинство», которое оказалось вне действия политических режимов и, следовательно, свободно от опыта взаимодействия с властью. В отличие от «меньшинства» «большинство» имеет биографию, которая тематизируется в виде сюжета о преодолении испытаний, вызванных внешними политическими силами. Эта категория лиц распределяется на «переживших» (преодолевших испытания уже потому, что «выжили»), погибших (насильственно или добровольно) и «приспособившихся».

Конкретные жизнеописания европейских ученых XX века, в том числе российских советских, свидетельствуют о возможностях науки и ее представителей адаптироваться к самым разным обстоятельствам, включая политическое давление. Согласно концепции социального поля науки одной из его особенностей является способность к преломлению внешних принуждений к возможной пользе для науки (рефракция) [Бурдье, 2005: 376–377]. Если исключить трагическую коллизию насильственной гибели, убийства, то следует признать, со всеми необходимыми оговорками, возможность выбора ученым линии поведения, которая во многом определяет линию жизни. В середине 1990-х годов Н. Е. Покровский предложил типологию социального поведения, которым руководствовалась российская интеллигенция послеоктябрьского периода: 1) эмиграция, 2) уход в «духовное подполье», 3) попытка достойного партнерства с властью на принципах невмешательства, 4) умеренное сотрудничество, честный труд в областях деятельности, которые мало связаны с нравственными компромиссами, 5) сознательное служение на основе разделяемых с властью ценностей, 6) конфронтация (диссидентство) [Покровский, 1994]. Разумеется, само осознание возможности выбора отделяло тех, кто по воспитанию принадлежал к «старой культуре», от так называемого «свежего человека», социализированного в рамках новой ценностной системы [Козлова, 1990].

Понятие «советский ученый» наделяется разными смыслами во взаимозависимости с политическими, научными, историческими и иными контекстами. В настоящее время оценочные значения располагаются в широком диапазоне между апологетикой советской науки, с одной стороны, и ее стигматизацией, с другой стороны. Динамика оценок и переоценок тесно связана с конкретными личностями, сыгравшими заметную роль в развитии той или иной научной дисциплины и на определенном этапе развития науки.

Прагматика институциональной биографии (пример академика А. В. Сидоренко)

Институциональная биография воплощается в нескольких жанровых разновидностях: юбилейная статья, некролог, служебная характеристика, информационное сообщение, объем которого зависит от функции и типа издания (статья в энциклопедии, биографическом справочнике, исторической хронике, на информационном сайте и т.п.), биографический очерк, не связанный с датами жизни данного лица, а приуроченный к какому-либо событию. Целевое назначение текстов различается, но их структура, рамочная композиция, а также формульная стилистическая стереотипия (этикет) идентичны. Вместе с тем можно наблюдать вариативность содержания, обусловленную интересами групп и, в целом, социальными рамками публикации как события.

Сказанное можно проиллюстрировать на примере нескольких биографических текстов об Александре Васильевиче Сидоренко (1917–1982), официальный социальный статус которого определяется, в первую очередь, такими «вершинами», как звание академика и пост министра СССР. Для научной корпорации регионального уровня значение личности Сидоренко связано с руководящей деятельностью в Кольском филиале АН СССР. Он возглавлял академический филиал в 1951–1961 годах и занял тем самым место в пантеоне как «один из организаторов и руководителей региональной науки, наряду с академиками А. Е. Ферсманом и Д. С. Белянкиным» [Предовский, Митрофанов, ЭР]. Организационный процесс структурного преобразования и становления научного учреждения, изменение его статуса (вместо «базы» – «филиал») сопровождалось ростом и развитием инфраструктуры города, в котором оно размещено и для которого является одним из градообразователей. В биографии история преломляется и осмысливается через личностную (в том числе лидерскую) модель. Успешность советского проекта «Академия наук – город Апатиты» ассоциирована с именем того, кто руководил учреждением в обозначенный период. Выполнение должностных обязанностей, заданий более высокого руководства представляется в биографическом тексте в виде личных действий, а профессиональные компетенции, без которых невозможно выполнение возложенных функций (организаторские данные, коммуникативные навыки, специальные знания, владение технологиями администрирования и т. д.), – в виде личных качеств успешного руководителя. То же касается результатов: «А. В. Сидоренко вдохнул новую жизнь в Кольскую базу АН СССР, превратив ее в филиал – сложное, многоцелевое, комплексное научное учреждение. Он стоял у истоков рождения города Апатиты, первые шаги становления которого прямо связаны с этим этапом формирования Кольского центра науки» [Там же].

Символична сама дата рождения академика А. В. Сидоренко, которая дает основания экстраполировать жизненный путь ученого на историю страны. Он родился не только в 1917 году, но и в октябре, что обусловило его принадлежность к символическому поколению. Недавняя публикация в газете «Политехник» Ухтинского государственного технического университета, посвященная юбилею Сидоренко, предсказуемо названа «Ровесник Октябрьской революции» [Плякин, 2017]. Другой биографический текст начинается словами «Александр Васильевич Сидоренко – ровесник Великого Октября. Это во многом определило его творческий путь, формирование творческого характера, развитие как ученого, общественного и государственного деятеля» [Александр Васильевич Сидоренко, ЭР]. В соответствии с жанром необходимо стандартное заключение биографии, которое является удостоверением статуса: «Советское государство высоко оценило деятельность А. В. Сидоренко. Он был удостоен Ленинской премии. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, был награжден тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, многими медалями» (в том же тексте).

Жизненный путь А. В. Сидоренко просто призван иллюстрировать возможности социальной мобильности в советский период. Его траектория является образцовой: рождение в селе – рабфак – университет, начало научной траектории – война, фронт – продолжение научно-административной карьеры, все прямо по восходящей линии. Война и ранение, а также смерть при особых

обстоятельствах драматизируют биографию А. В. Сидоренко. Участие в боевых действиях и профиль научной деятельности, которая полностью соответствовала задачам индустриального развития страны и способствовала ему, делают индивидуальную траекторию идеальной проекцией истории государства, отраженной в учебниках. При этом каждая институция, общность, границы которой пересекала линия жизни этого человека, имеет возможность продемонстрировать к нему причастность и тем самым увеличить свой символический капитал или утвердить свою значимость перед лицом государства и общества.

В первую очередь это касается научной корпорации. Биография А. В. Сидоренко приводится в книге «История Всесоюзного Минералогического общества и его роль в развитии геологических наук» [Соловьев, Доливо-Добровольский, 1992: 270–273]. По функции текст является некрологом, поскольку биография помещается в летописи Общества в связи с датой смерти Сидоренко и начинается с информации о печальном событии. После этого формулируется «определение статуса»: «Крупнейший ученый и организатор науки, А. В. Сидоренко своей многогранной деятельностью внес огромный вклад в развитие советской геологической науки и практики. Особенно значительны его научные достижения, относящиеся к проблеме ранних этапов эволюции Земли и позволившие ему заложить основу нового научного направления — осадочной геологии докембрия» [Там же: 270]. Затем следует биография, изложенная в соответствии с основными ступенями научно-административной карьеры. Точкой отсчета служит начало интереса к избранной области (без указания времени, но с указанием места): «Интерес и внимание к вопросам литологии, минералогии и геохимии осадочных образований А. В. Сидоренко впервые проявил при проведении исследований молодых терригенных отложений аридных областей, в частности в пустыне Каракумы». Все, что предшествовало «первому проявлению» научного интереса: место рождения, получение образования, годы войны, – в этой биографии отсутствует. Следующий этап на линии жизни знаменует смена места деятельности, сопряженная с должностным продвижением: «С 1950 г. А. В. Сидоренко начинает свои геологические исследования на Кольском полуострове, где он в 1952 г. становится во главе Кольского филиала Академии наук» [Там же].

Центральная часть биографии представляет собой перечень достижений. Она выстроена и текстуально выполнена таким же образом, как это делается в характеристике или отчете о результатах научных исследований: «А. В. Сидоренко показал <...>. А. В. Сидоренко и руководимый им коллектив исследователей сумели доказать <...>. А. В. Сидоренко отметил <...>. Крупнейшим научным достижением А. В. Сидоренко и его школы было установление <...>. А. В. Сидоренко привел убедительные доводы в пользу <...>. А. В. Сидоренко продолжил и развил учение В. И. Вернадского <...>. Принципиальное значение имело установление А. В. Сидоренко, его учениками и сотрудниками явления <...>» [Там же: 270–272]. Заметим, что биографируемый последовательно вписывается в определенное сообщество, объединяясь вначале с научным коллективом, затем с учениками (школой) и теми, кем руководил. Хронология в этой части биографии отсутствует. Далее в качестве вех жизни фигурируют дата назначения руководителем международного научного проекта ЮНЕСКО (1976 год) и сроки занимаемых высоких должностей: с 1962 по 1975 годы А. В. Сидоренко возглавлял

Геологическую службу Советского Союза, в 1976 году был избран президентом Всесоюзного минералогического общества (ВМО). Помимо указанных дат в биографии присутствует еще только одна: 1955 год, когда было организовано Кольское отделение Всесоюзного минералогического общества, чему «активно способствовал» ученый. Завершается текст подытоживающими утверждениями о значении деятельности Сидоренко с акцентом на работе ВМО и укреплении позиций научной отрасли: «он отдавал много сил и времени дальнейшему совершенствованию работы Общества, выработке важнейших направлений его развития, укреплению международных контактов ВМО, поднятию роли минералогии как фундаментальной научной дисциплины» [Там же: 273]. Таким образом, принципы селекции фактов и особенности текста полностью определяются институциональными рамками.

Другой пример – публикация 1998 года в «Вестнике Воронежского университета». Автор – академик В. В. Ляхович, повод – 80-летие А. В. Сидоренко. В этом случае биография ученого призвана подтвердить его символическое родство с вузом: «А. В. Сидоренко принадлежит к числу тех ученых, составляющих гордость Воронежского университета не только тем большим вкладом, которые они внесли в науку, но и тем примером гражданственности и патриотизма, которые они пронесли через всю свою жизнь, и основы которых были преподаны им в стенах Воронежского университета»². Риторическая формула «один из тех, кто составляет гордость» связывает биографируемого уже с другой преемственной корпорацией – областным вузом. Финальный пассаж биографии подчеркивает ее воспитательное значение: «А. В. Сидоренко приумножил славу выпускников ВГУ. Его портрет и его работы в геологическом музее ВГУ еще долго будут напоминать студентам о том, что знание, упорство и труд позволяют многого достичь в жизни» [Ляхович, 1998].

Еще одна публикация, тоже юбилейная (2012 года, в заголовке ошибочно указано: к 85-летию А. В. Сидоренко), связывает имя ученого с общностью этнолокальной, по месту его рождения. Статья была помещена в луганской газете «Слово Хлібороба», и она обращает к «корням» биографии, детству академика: «Александр Васильевич Сидоренко родился 19 октября 1917 года в селе Новоникольск Старобельского уезда Харьковской губернии (ныне Меловской район Луганской области) в простой крестьянской семье. Там прошло его босоное детство. После окончания Чертковской железнодорожной школы, в 1932 году, поступил на рабфак Воронежского университета и больше не был на своей родине до конца жизни» [Кислый, 2012]. Помимо изложения биографических фактов, касающихся образования, участия в Великой Отечественной войне, научных и административно-государственных заслуг, статья содержит сведения о вкладе академика и государственного деятеля в культурную жизнь района, «малой родины». Тем самым удостоверяется не только его связь с земляками, но пост «покровителя», который в идеале должны занимать все великие выходцы из «глубинки»: «За оказание помощи в газификации района мы все должны быть благодарны нашему выдающемуся земляку Александру Васильевичу Сидоренко. В 1975 г. Александр Васильевич подарил нашему Дому пионеров очень богатый геологический музей. При входе в музей висела вывеска “Пионерам Мелового – от геологов страны”. После ликвидации Дома пионеров остатки музея были переданы гимназии, которые

² Грамматика оригинала сохранена

хранятся там в виде отдельных экспонатов. В п. Черткове он построил новую железнодорожную школу, вместо той, которую он заканчивал. У него было много планов на будущее по улучшению социально-бытовых условий жителей района, строительству районного краеведческого музея и др.» [Там же].

Официальные стилистические клише, используемые при перечислении достижений, соседствуют в этой статье с «утепляющей», эмоционально окрашенной риторикой. Право время от времени переходить на регистр «интимности» дает отношение «родства» с прославленным земляком: «С какой тоской он вспоминал о родном крае, как желал побывать на родной земле. Общение с А.В.Сидоренко позволяло увидеть в нем великого человека, человека большой души и сердца, простого и неподдельного». Кроме того, автор отмечает, что лично был знаком с академиком, и на похоронах Сидоренко ему «довелось быть в составе родных и близких» (далее приводятся имена известных в стране людей, которые находились рядом во время церемонии) [Там же].

Большинство биографий заканчиваются перечнем мемориальных акций, мест и объектов. В данной статье так же, но окончательным итогом все-таки является место в памяти благодарных земляков: «Мы должны всегда помнить и чтить светлую память о великом сыне нашего народа, беззаветно служившего на благо Родине, оказавшего неоценимую помощь в газификации нашего района, нашем земляке академике Александре Васильевиче Сидоренко» [Там же].

Совсем иной жанр – научная статья. Обращение к биографическому аспекту развития науки способно придать ей существенную специфику. «Академик А. В. Сидоренко и его вклад в историю нефтяного дела», – так называется публикация в «Московском научном обозрении» [Вдовыкин, 2010]. Самый простой подсчет показал, что 55 % содержания весьма краткого текста составляет изложение биографии и научных достижений Сидоренко в полном соответствии с институциональным стандартом, далее сделан акцент на значении его работ для развития нефтяного дела (20 %), а затем следует перечень ситуаций, в которых автор «заочно пересекался» с ученым на столичных научных мероприятиях (25 %). Схематичной биографии и информации о сопричастии к биографируемому отдано значительно больше площади текста (4/5), чем заявленной теме, что придает статье «мемуарный» характер, служит самоутверждению автора и увеличивает объем публикации в рейтинговом журнале.

Наконец, любые биографические факты и обстоятельства могут быть избраны для представительства личности в определенном пантеоне. Советский ученый и «ровесник Октября» А. В. Сидоренко – воин-фронтовик. В российском культурном пространстве и социуме это очень высокий символический статус. В электронной книге памяти «Бессмертный полк» биография выглядит следующим образом: «Сидоренко Александр Васильевич. 19.10.1917–22.03.1982. Место рождения: город Воронеж. Место призыва: Воронеж. Звание, в котором закончил войну: Артиллерист. Дата призыва: 01.07.1941. Военная биография. Минское шоссе – осень 1941. Окончил воевать под Сталинградом, получив тяжелое ранение старшим лейтенантом-командиром <следует перечень наград и их изображение – И. Р.>. Биография после войны. В 1943 после госпиталя вернулся в геологию в Воронежский университет. Получил кандидата наук, далее доктора наук, далее член-корреспондент, а после вице-президент академии наук. Погиб в служебной командировке в Алжире» [Сидоренко, ЭР].

Разделение биографии на военную и послевоенную создает контрапункт, который нарушает стереотип восприятия просопографической схемы. Каждая из этих биографий позволяет по-новому осмыслить другую, поскольку они представляют и без оценок сопоставляют разные социальные опыты, или «жизненные миры» человека (в категориях социологии повседневности).

Основанная на фактах жизни конкретного человека, институциональная биография по существу надиндивидуальна и ритуальна, и выполняет она, в первую очередь, ритуальные функции, связанные с социальной легитимацией, интеграцией, идентификацией и т.д. При этом, будучи использована в различных контекстуальных рамках, она может служить разнообразным инструментальным целям.

Источники

Александр Васильевич Сидоренко (1917–1982) . Url: geokniga.org.

Вдовыкин Г. П. Академик А. В. Сидоренко и его вклад в историю нефтяного дела // Московское научное обозрение. Научно-практический журнал. 2010. № 3. С. 55–56.

Кислый Н. Академик Александр Васильевич Сидоренко // Слово Хлібороба. 2012. 20 жовт. С. 4.

Ляхович В. В. Гордость геологического факультета Воронежского университета (к 80-летию со дня рождения академика Сидоренко Александра Васильевича) // Вестник Воронежского университета. Серия геологическая. 1998. № 5. Url: <http://www.geol.vsu.ru/history/Doc/Сидоренко.pdf>.

Плякин А. М. Ровесник Октябрьской революции // Политехник. Газета Ухтинского государственного технического университета. 2017. № 1 (1062), 15 марта. С. 7.

Предовский А., Митрофанов Ф. Александр Васильевич Сидоренко. Url: <http://www.kolasc.net.ru/russian/Sidorenko.html>.

Сидоренко Александр Васильевич // Электронная книга памяти «Бессмертный полк». М. Url: <http://www.polkmoskva.ru/people/1064917/>.

Соловьев С. П., Доливо-Добровольский В.В. История Всесоюзного Минералогического общества и его роль в развитии геологических наук. СПб.: Наука, 1992. 334 с.

Список литературы

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социология. 1995. № 1. Url: <http://smolsoc.ru/index.php/2010-09-06-10-46-52>.

Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета. (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин Б.В. Обращенный взгляд / Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛЮ, 2001. С. 100–119.

Дубшан Ф. Фрагменты жизни. Рефлексии журналиста о создании биографических материалов в газетной периодике // Тезисы 10-х международных биографических чтений «Право на имя: Биографика 20 века» памяти Вениамина Викторовича Иофе. Санкт-Петербург, 21–23 апреля 2012 г. Url: <http://www.cogita.ru/nko/nic-memorial/10-e-biograficheskie-chteniya-pamyati-veniamina-iofe/10-e-iofovskie-chteniya-tezisy>.

Емелин А. Контр-адмирал Н. Л. Максимов: от послужного списка к реальной биографии // Тезисы докладов 9-х биографических чтений памяти В. В. Иофе. «Право

на имя». Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2011 г. Url: <http://www.cogita.ru/nko/nic-memorial/9-e-biograficheskie-chteniya-pamyati-veniamina-iofe>.

Козлова Н. Н. Упрощение – знак эпохи! // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 11–21.

Кротова М. «Советскую биографию нужно заслужить»: возвращение Николая Устрялова // Тезисы докладов 9-х биографических чтений памяти В. В. Иофе. «Право на имя». Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2011 г. Url: <http://www.cogita.ru/nko/nic-memorial/9-e-biograficheskie-chteniya-pamyati-veniamina-iofe>.

Медведева Е. В. Биографика в контексте региональных библиотечных исследований // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 3. С. 46–49.

Новак Е. Ученые в вихре времени. Воспоминания об орнитологах, защитниках природы и других натуралистах. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009. 473 с.

Петрина А. Б. Возможности современной интеллектуальной истории для развития биографического жанра // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 332–336.

Покровский Н. Е. Новые горизонты или историческая западня? // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 119–128.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 561 с.

Репрессированные этнографы / Сост. Д. Д. Тумаркин. М.: Восточная литература. Вып. 1. 2002. 344 с.; Вып. 2. 2003. 495 с.

Ростовцев Е. А. Информационные ресурсы как инструмент исследований по посопографии и исторической биографике (на примере сетевых проектов по университетской истории) // Научный вестник Крыма. 2016. № 4 (4). Url: <http://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/download/62/pdf>.

Сидорчук И. В. Биографика в контексте современных исследований по истории Санкт-Петербургского университета // Международные отношения и диалог культур [Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого]. 2016. № 4. С. 224–235. Url: <http://history.museums.spbu.ru/images/Sidorchuk-biografika.pdf>.

Человек науки / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Наука, 1972. 392 с.

Шноль С. Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. М.: Либроком, 2010. 720 с.

Юмашева Ю. Ю. Историко-биографические исследования: методы и базы данных // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 146–152.

Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. 2005. Вып. 10 (№ 39). С. 95–127.

Сведения об авторе

Разумова Ирина Алексеевна,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН

Razumova Irina Alekseevna,

Doctor of Science (History), Chief Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 061.62:94 (470.21)

Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев

**ИСТОРИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ
ПО МАТЕРИАЛАМ СЕССИЙ УЧЕНОГО СОВЕТА
КОЛЬСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БАЗЫ АН (1948–1949)**

Аннотация

По материалам рассекреченных документов деятельности Кольской научно-исследовательской базы АН СССР в первое послевоенное пятилетие рассмотрены особенности функционирования региональных научных учреждений Академии наук СССР. Охарактеризованы экономические и социально-политические условия, а также факторы развития научных исследований в северных регионах страны.

Ключевые слова:

Академия наук СССР, Кольская научно-исследовательская база АН СССР, Мурманский обком ВКП(б), Президиум АН СССР, Первая послевоенная закрытая сессия Ученого Совета Кольской научно-исследовательской базы АН СССР, Вторая послевоенная закрытая расширенная сессия Ученого совета Кольской научно-исследовательской базы АН СССР, Кольский филиал АН СССР.

E. I. Makarova, V. P. Petrov, A. D. Tokarev

**THE HISTORY OF THE ACADEMIC SCIENCE POST-WAR EVOLUTION BASED
ON THE MATERIALS OF THE SESSIONS OF THE SCIENTIFIC COUNCIL
OF THE KOLA RESEARCH BASE OF THE USSR ACADEMY
OF SCIENCES (1948–1949)**

Abstract

Based on the materials of the documents, made non-confidential, on the activity of the Kola research base of the USSR Academy of Sciences in the first post-war five years, considered are the peculiarities of the regional research institutes of the USSR Academy of Sciences. Both economic and social-and-political conditions and factors in the development of research in the northern regions of the country are characterized.

Keywords:

the USSR Academy of Sciences, Kola research base of the USSR Academy of Sciences, the Murmansk regional committee of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks), Presidium of the USSR Academy of Sciences, the First post-war closed session of the Scientific council of the Kola research base of the USSR Academy of Sciences, the Second post-war closed broadened session of the Scientific council of the Kola research base of the USSR Academy of Sciences, the Kola branch of the USSR Academy of Sciences.

В истории кольской академической науки первые послевоенные годы связаны с возобновлением деятельности возвратившейся из эвакуации Кольской базы АН СССР, которая создавалась фактически заново. Научный потенциал Базы АН СССР на кольской земле был не только возрожден в короткие сроки при активной поддержке Президиума АН СССР и региональных органов власти,

но и дал импульс к решению стратегических государственных задач по восстановлению и развитию экономики Мурманского региона. Таким образом, уже к концу послевоенного пятилетия была подготовлена почва для реорганизации Базы в комплексное научное учреждение – Кольский филиал Академии наук СССР, как это задумывалось и готовилось еще в предвоенные годы [Макарова, Петров, Токарев, 2016: 14–30].

Знаковым событием готовности к переходу на новый уровень институционализации академической науки на Мурмане явилось проведение первой послевоенной закрытой сессии Ученого совета Кольской базы АН СССР в 1948 году, показавшей масштабность выдвигаемых задач научного и народнохозяйственного значения [Макарова, Петров, Токарев, 2016: 29]. Решения, принятые на первой послевоенной закрытой сессии, определили программу научной деятельности Кольской базы АН СССР на перспективу. Так, были сформулированы конкретные задачи геологических исследований. Особое внимание было уделено проблеме кианитов (Большие Кейвы), редкометалльных пегматитов (Западные Кейвы), медно-никелевой проблеме (Печенгский район), проблеме редких и редкоземельных элементов (Ловозерский массив, Африкандское месторождение перовскита). Было обращено пристальное внимание на комплексное решение этих проблем, учитывая «огромное народно-хозяйственное значение Хибин, как мощной сырьевой базы целого ряда полезных ископаемых» [Макарова, Петров, Токарев, 2016: 27–29]. В связи с отказом ряда отраслевых институтов АН СССР от активного участия в решении «Хибинской проблемы» первая послевоенная закрытая сессия сформулировала ряд конкретных задач, поставленных как перед Кольской базой, так и перед другими научно-исследовательскими учреждениями страны – «в целях форсирования научно-исследовательских работ в Хибинских тундрах» [Там же]. На сессии были приняты также организационные решения, направленные на укрепление совместной работы КБАН с кафедрой минералогии Ленинградского государственного университета и с Институтом геологических наук АН СССР [Там же]. В дальнейшем это способствовало усилению кадровой базы геологического состава КБАН молодыми специалистами – геологами, минералогами, приехавшими на Базу после войны (среди них были А. М. Иванов, А. И. Морозов, А. В. Галахов, И. Д. Батиева, И. В. Бельков, А. С. Сахаров и др.) [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160-б. Л. 52–53; Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 82]. Важной составляющей программы первой сессии Ученого совета КБАН СССР являлось также обсуждение биологических направлений деятельности Кольской базы АН СССР. Была дана оценка исследованиям и намечен перечень мероприятий по решению проблем, включающих: экспериментальные работы с бобовыми растениями в целях повышения их зимостойкости и урожайности – по результатам совместных экспериментов Кольской базы АН СССР и Полярной опытной станции Всесоюзного института растениеводства (ПОВИР); исследования по перспективным силосным растениям, отобранных Ботсадом КБАН из дикой флоры СССР; координированную селекционную работу КБАН и ПОВИР, направленную на выведение сортов скороспелых, морозостойких, ракоустойчивых и высокоурожайных сортов картофеля и, особенно, на разработку приемов рационального хранения северных картофельных сортов картофеля и др. Сессия признала необходимым расширение исследований Кольской базы в области изучения географии и генезиса почв, их

агрономических свойств и приемов повышения плодородия. Эта работа в рамках темы НИР «Проблемы почв и их плодородия» была организована в послевоенный период по инициативе Кольской базы и нацелена на составление обзорной почвенной карты Мурманской области в масштабе 1:1.000.000 и 1:500.000, а также на разработку единой генетической классификации почв области, изучение состава, свойств и динамики превращения органического вещества в различных видах окультуренных почв с целью рационального использования естественного гумуса и органических удобрений, повышение плодородия почв, изучение микрофлоры почв для разработки эффективных методов активизации микробиологических процессов разложения органического вещества в почвах и другие исследования, связанные с решением этой проблемы [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160-б. Л. 54–55].

Пристальное внимание к работам биологической и сельскохозяйственной направленности было обусловлено проблемой продовольственного обеспечения быстро растущего населения Мурманской области в связи с мощным наращиванием ее промышленного потенциала [Дюжилов, 2016: 84].

Определенное значение имела и разворачивающаяся в отечественной научной среде острая политизированная дискуссия биологических парадигм. Это получило свое отражение в отчетном докладе Ф. М. Терновского о деятельности КБАН: «...Президиум Академии Наук своим постановлением от 26/УШ-48 года и последующими его и Совета филиалов и баз распоряжениями обязал все учреждения АН пересмотреть направление работ всех биологических учреждений и освободить их от последователей вейсманистско-морганистского направления в биологии, очистив тематические и издательские планы от работ названного направления и положить в основу наших исследований материалистическое мичуринское учение; <...> пересмотреть все труды научных работников, проверить их работу в соответствии с решением Президиума АН СССР от 26.08.1948 г. и провести расширенное заседание Ученого Совета, с привлечением научно-исследовательских и сельскохозяйственные учреждений области» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160-б. Л. 5].

В направлении организационных мероприятий по укреплению взаимосвязи с производственными предприятиями сессия признала первоочередными следующие задачи:

1) создание на Базе группы экономистов-технологов «для разработки вопросов экономики подлежащего использованию сырья с обоснованием наиболее эффективных методов его переработки, технологии и использования в народном хозяйстве»;

2) привлечение Института горного дела АН СССР «к разработке вопросов рационального развития мощных горнодобывающих предприятий Мурманской области, к всестороннему исследованию проблем трещиноватости в рудниках, борьбы с водоносностью отдельных горизонтов, предотвращению горных обвалов и т.д.». [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160-б. Л. 53].

Труды первой послевоенной сессии Ученого совета КБАН СССР 1948 года были подготовлены к печати, но из-за отсутствия издательства и типографии они остались неизданными и заняли место в архиве, попав в поле зрения как ценный исторический источник лишь спустя 68 лет [Макарова, Петров, Токарев, 2016: 27–29].

Решения первой послевоенной сессии Ученого совета Кольской базы АН СССР 1948 года были представлены в Президиум АН СССР и в Совет филиалов

и баз, а также направлены в соответствующие министерства. Следует отметить, что претворять в жизнь решения сессии приходилось в сложной обстановке. Ф. М. Терновский в отчете о работе КБАН СССР за 1948 год писал: «...После смерти А. Е. Ферсмана, почти в течение трех лет, Президиум Академии Наук СССР и, в первую очередь, его Совет по филиалам и базам ничего не предпринимали к тому, чтобы назначить нового директора базы, хотя об этом не раз ставился вопрос и самой базой и Мурманским Областным Комитетом ВКП/б/. Это лишний раз подтверждает правильность положения, высказанного Б.Н. Митрейкиным <ученый секретарь Совета филиалов и баз АН СССР – прим авт.>: “За последние три года Академия Наук СССР перестала интересоваться деятельностью периферийных: учреждений”» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160-б. Л. 1].

Непросто приходилось решать поставленные перед Кольской базой задачи и новому директору КБАН академику Д.С. Белянкину, что видно из его письма от 03 августа 1948 г., адресованного Президиуму АН СССР: «С возложением на меня обязанностей академика-секретаря ОГТН Академии, я начал весьма остро ощущать тяжесть некоторых моих совместительств; в особенности это касается должности директора Кольской научно-исследовательской базы АН СССР с весьма сложными исследовательскими ее разветвлениями, требующими постоянного и неусыпного внимания к себе. Обращаясь поэтому к Президиуму с просьбой освободить меня от этой должности, естественно, я не могу не выразить пожелания о том, чтобы она была передана в наиболее достойные руки...» [АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 171. Л. 120].

В соответствии с указанием Президиума АН СССР от 26 августа 1948 года в срочном порядке были просмотрены опубликованные и неопубликованные материалы научных исследований биологов за все годы существования биологического отдела Кольской базы «в целях освобождения от вейсманистско-морганистского направления» и, соответственно, от «последователей названного направления». Результаты акции «освобождения» нашли отражение в том же годовом отчете: «О положении в Биологическом отделе. Просматривая научные работы биологов базы, как опубликованные, так и рукописные, мы натолкнулись на стенограмму заседания сессии Ученого Совета Кольской базы АН от 01 января 1940 года, посвященной десятилетию города Кировска. Среди других докладов, здесь был обнаружен и доклад директора Ботанического сада базы Н. А. Аврорина об итогах 8-летней работы сада. <...> К сожалению, с этим докладом Н. А. Аврорина мы ознакомились совершенно случайно и уже тогда, когда был подготовлен доклад “О состоянии и задачах биологических исследований на Кольской базе АН” и назначен срок созыва Ученого Совета. *Обнаружение этого документа заставило нас пересмотреть заново все положения, развиваемые ранее в докладе, и заседание Ученого Совета отложить* <курсив здесь и далее авторский – прим. авт.>. В результате рассмотрения этого доклада и других рукописных работ Н. А. Аврорина, а также анализа его методов экспериментальных работ, мы объективно пришли к следующим положениям: По признанию самого Н. А. Аврорина, научно-исследовательские и экспериментальные работы Ботанического сада основывались на теоретических предпосылках немецкого дендролога Маира. Именно “теория” Маира явилась *рабочей гипотезой*, руководствуясь которой строилась вся экспериментальная

работа, проводимая как самим Аврориным, так и его сотрудниками (исключая отсюда работы т.т. Марченко, Тамберг, Неофитовой, начавших работать в саду только с 1946 года). *Не все благополучно и в других биологических лабораториях базы.* Лаборатория биохимии и физиологии растений, которой руководила с 1939 года по май 1948 года кандидат с/х наук С.А. Каспарова, опубликовала полтора десятка работ в академических журналах, что дало некоторую известность ее автору, но ничего не дало сельскому хозяйству. *Мы в настоящее время, особенно на местах, не можем оценивать работу того или иного сотрудника по количеству опубликованных им работ,* хотя это и важно и нужно, а исходим из того, что этот научный сотрудник принес полезного для практики народного хозяйства края. И вот, подходя к оценке работы Каспаровой с этой точки зрения, мы должны признать, что *практика сельского хозяйства Мурманской области от нее за 9 лет работы ничего не получила.* Значение ее научно-теоретических работ оценивается специалистами *не очень высоко* (докт. биол. наук Прокушев, Васильев, член- корреспондент АН СССР В.Л. Курсанов, акад. И. Г. Эйхфельд)» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160-б. Л. 7]. Сейчас уже трудно ответить на вопрос – почему ведущие ученые «не очень высоко» оценили деятельность Софьи Аркадьевны Каспаровой, кандидата сельскохозяйственных наук с 1937 года, руководившей биологическими исследованиями на Кольской базе с 1939 года, организовавшей во время эвакуации в Сыктывкаре отдел и лабораторию физиологии и биохимии растений и успешно внедрявшей в практику «рациональные способы хранения основных с/х культур и послеуборочного дозревания», разработавшей и применившей в условиях военного времени совместно с совхозами и колхозами в Коми АССР агротехнические мероприятия во исполнение распоряжения СНК СССР от 29 января 1943 г. в области биохимии сорта, биохимии иммунитета овощных культур в период вегетации и хранения, зимостойкости зерновых культур; наладившей после возвращения КБАН на Кольский полуостров работу по биохимической и физиологической оценке с/х культур для отбора наиболее устойчивых и высокоурожайных сортов в условиях Крайнего Севера. Она консультировала колхозы, совхозы, земельные органы и предприятия пищевой промышленности Коми АССР в военные годы и Кольского Севера – в послевоенные; в числе первых кольских ученых получила медаль «За трудовую доблесть» за заслуги перед страной в годы войны (1946) [Ученые Кольского научного центра, 2010: 205]. Более того, С. А. Каспарова, окончив докторантуру в институте биохимии АН СССР им. акад. Баха в Москве, 27 апреля 1945 г. защитила докторскую диссертацию, которая затем прочно «затерялась» в ВАКе. С. М. Каспарова не стала доктором наук, но, тем не менее, оставалась фактическим руководителем отдела биохимии и физиологии растений Кольской базы АН СССР уже в должности научного сотрудника в связи с оптимизацией вплоть до увольнения приказом по КФАН от 25 марта 1950 г. (не утвержденным, но и не отмененным в Президиуме АН СССР) [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 253. Л. 72, 127]. Увольнение С. А. Каспаровой, личности неоднозначной, но без сомнения яркой в

истории КБАН, совпало с периодом перемен в кадровом составе «новорожденного» Кольского филиала и, вполне возможно, мероприятиями по зачистке академической науки от «последователей вейсманистско-морганистского направления в биологии».

Этот период получил освещение и в отчете секретаря партбюро Кольского филиала АН СССР в период 1949–1950 гг. И.В. Белькова «О работе бюро парторганизации в период с апреля 1949 г. по май 1950 г.»: «...Коренная перестройка деятельности Кольской базы при ее преобразовании в филиал Академии Наук проходила под контролем и руководством со стороны партийного бюро. Необходимо подчеркнуть, что особое внимание партийное бюро уделило перестройке работы биологических секторов базы в соответствии с Постановлением Мурманского Обкома ВКП(б) от 9 мая 1949 года по работе по Кольской базе. <...> На открытом партсобрании 23 июня работа биологических секторов была подвергнута глубокому и всестороннему анализу в докладе, разработанном партийным бюро, и были приняты конкретные организационно-технические мероприятия, направленные на выполнение решений Обкома ВКП(б) от 9 мая 1949 г. <...> Наконец, надо отметить, что организационная перестройка сопровождалась укреплением кадров Биологического института» [ГАМО Ф. П-139. Оп. 1. Д. 8. Л. 70–72]. Партийное бюро приложило много усилий, чтобы очистить коллектив сотрудников биологических секторов от таких сотрудников, как Гребельский, Левина, Каспарова, Игуменов, печальная слава которых выходила далеко за пределы Кольской базы. «Печальная слава» упомянутых сотрудников оказалась недолгой, более того, их имена практически были преданы забвению – кроме вышеупомянутой С. А. Каспаровой в энциклопедическом справочнике Кольского научного центра РАН можно найти еще лишь сведения о Фаине Яковлевне Левиной (к.б.н., с.н.с.), руководившей сектором геоботаники в Полярно-альпийском ботаническом саду с 1945 по 1949 гг., участнице обследования Оленегорского железорудного месторождения (1945) и составления карты растительности Кольского полуострова (1947) [Ученые Кольского научного центра, 2010: 262.]. О Гребельском Самуиле Григорьевиче и Игуменове Порфирии Александровиче сведений в справочниках и других изданиях по истории кольской науки нет.

Существенный вклад в кадровую политику в ходе подготовки преобразования Базы в Филиал внесло назначение Президиумом АН СССР нового ученого секретаря Базы согласно распоряжению № 141 «Об утверждении Горбунова Г.И. ученым секретарем КБАН» от 14 февраля 1949 г. [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 164. Л. 17].

Так началась трудовая научная биография будущего председателя Президиума КФАН СССР Г.И. Горбунова (1971–1985), с именем которого связан наиболее стабильный этап развития кольской академической науки в советский период. К этому времени Г. И. Горбунов, выпускник Московского геологоразведочного института (1941), приобрел опыт работы не только по специальности в геолого-разведочных партиях Министерства цветной металлургии СССР, но и организаторские навыки партийной работы в должности второго секретаря Ловозерского РК ВКП (б) Мурманской области. [Ученые Кольского научного центра, 2010: 114].

Своим первым впечатлением о Г.И. Горбунове поделился в письме от 26 марта 1949 г. к Ф. М. Терновскому академик Д. С. Белянкин: «Дорогой Федор Михайлович! Наш новый секретарь Г. И. Горбунов проявил здесь довольно энергичную деятельность, с результатами, вполне отвечающими к современной ситуации. Конечно, достаточного опыта у него еще нет и, в связи с этим, я очень прошу Вас повременить с Вашей командировкой, чтобы помочь ему окончательно войти в курс наших дел, так, чтобы затем, после сессии ученого совета, когда Вы будете в командировке, мы могли быть спокойны за Базу» [НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 148. Л. 1] (рис. 1).

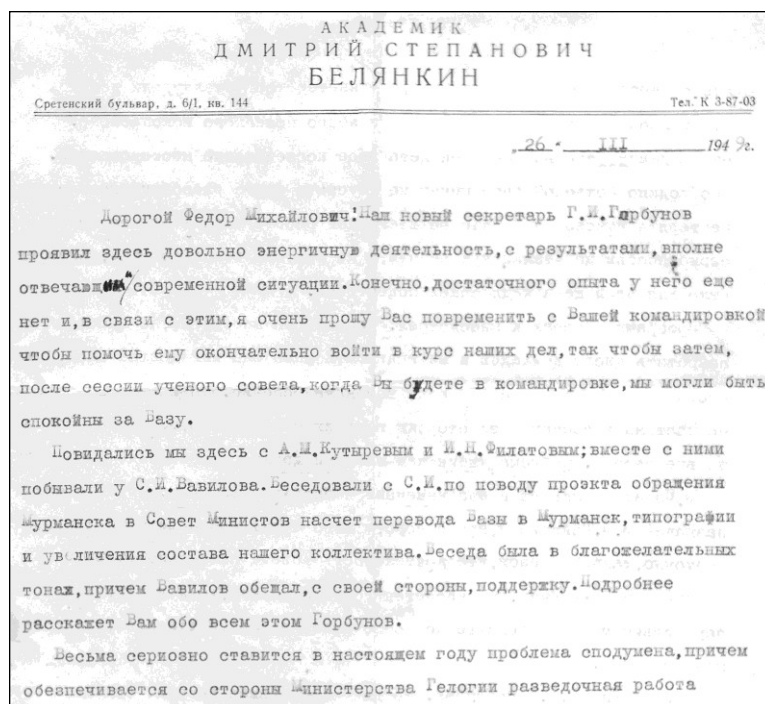

Рис. 1. Фрагмент письма от 26 марта 1949 года академика Д. С. Белянкина Ф. М. Терновскому

Появление Г. И. Горбунова на Базе существенно оживило работу по подготовке второй закрытой сессии Ученого совета Кольской научно-исследовательской им. С. М. Кирова базы Академии Наук СССР, которая прошла 14–18 июня 1949 года. На повестке дня в государственном масштабе стояло детальное исследование месторождений сподумена, и на Академию наук было возложено научное обеспечение решения этой задачи, о чем Д. С. Белянкин писал Ф. М. Терновскому: «...Весьма серьезно ставится в настоящем году проблема сподумена, причем обеспечивается со стороны Министерства Геологии разведочная работа для точного определения запасов, а Министерство металлургии должно будет продвигать вопрос о внедрении этого полезного ископаемого. На Академию наук возлагается детальное исследование месторождений. Необходимо Кольской базе никак не упускать этого благоприятного случая, не терять руководящей роли во всей этой работе и

бить уже со всею серьезностью на Сталинскую премию, а не так, как это было ныне, когда не было для этой цели надлежащей подготовки» [НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 148. Л. 1-об.]. Вторая закрытая сессия Ученого совета Кольской базы АН СССР начала свою работу в составе 327 человек в г. Мурманске 14 июня 1949 года в 19 часов во Дворце культуры им. С. М. Кирова под председательством академика Д. С. Белянкина (рис. 2–4).

КолФАН СССР
первый отдел
ИНВ. № 00120

НАУЧНЫЙ АРХИВ КНЦ РАН

ФОНД № 6
Опись № 167а
Дело № 167а

КАНЦЕЛЯРИЯ СЕКРЕТНОГО ОТДЕЛА
(название структурной части)

КНЦ РАН
ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ
Сб/о. № 1674се

№ 00120
(по номенклатуре—делопроизводственный)

ПРОТОКОЛ

Второй закрытой расширенной сессии
Ученого Совета Кольской научно-исследовательской базы им. С. М. Кирова
Академии наук СССР
14 – 18 июня 1949 года.

(заголовок единицы хранения)

Начато 14 июня 1949 г.
Окончено 18 июня 1949 г.
На 185 листах.

Пост. _____ лет (по перечню ст. № _____)
г. Кировск, изд. «Кировский рабочий», зак. 2812, тир. 10000

Рис. 2–4. Титульный лист протокола второй расширенной сессии
Ученого совета Кольской научно-исследовательской базы
им. С. М. Кирова АН СССР (14–18 июня 1949 г.).

Члены рабочего президиума академик Д. С. Белянкин (вверху справа) и
секретарь Мурманского обкома ВКП (б) А. М. Кутырев (внизу справа)

В состав рабочего президиума были избраны:

1. Секретарь Мурманского обкома ВКП (б) Кутырев А. М.
2. Член Президиума АН СССР, директор Кольской базы АН СССР, академик Белянкин Д. С.
3. Командующий Беломорским ВО, маршал СССР Мерецков К. А.

4. Секретарь Мурманского обкома ВКП (б) Прокофьев В. А.
5. Научный сотрудник ИГЕМ АН СССР, д.г.м.н. Воробьева О. А.
6. Председатель Мурманского облисполкома Шурыгин П. И.
7. Зав. отделом КБАН СССР д.г.м.н., профессор Курбатов С. М.
8. Секретарь Мурманского Обкома ВКП (б) Филатов И. Н.
9. Секретарь Мурманского Обкома ВКП (б) Анисимов В. В.
10. ЛГУ Мингео СССР, профессор Борисов П. А.
11. Профессор ЛГУ Елисеев Н. А.
12. Полковник Швыров
13. Институт Геологических наук АН СССР, д.г.-м.н. Борнеман-Старынкевич И. Д.
14. Зав. Отделом тяжелой промышленности Мурманского обкома ВКП (б) Оловянов П. А.
15. Институт Геологических наук АН СССР, д.г.-м.н. Петров В. П.
16. Председатель Облпрофсовета Моторин П. И.
17. Ученый секретарь Кольской Базы АН СССР Горбунов Г. И.
18. Зав. Отделом БИН АН СССР, д.б.н., профессор Соколов С. Я.
19. Зав. отделом с/хоз. Мурманского обкома ВКП (б) Разумов Г. А.
20. Директор ПОВИРа Маньков Ф. И.
21. Секретарь Кировского РК ВКП (б) Виноградов В. В.
22. Директор Ботсада КБАН СССР, к.б.н. Аврорин Н. А.
23. Директор комбината «Апатит» Селезнев М. И.
24. Старший научный сотрудник, к.э.н. КБАН СССР Коган Б. И.
25. Зав. отделом КБАН СССР, к.г.-м.н. Курбатов С. С.
26. КБАН СССР, к.г.-м.н. Барановская А. В.
27. КБАН СССР, зав. лабораторией, к.г.-м.н. Мелентьев Б. Н.
28. КБАН СССР, к.г.-м.н. Чумаков А. А.

В секретариат сессии вошли:

1. Старший научный сотрудник КБАН СССР, к.г.-м.н. Бельков И. В.
2. Старший научный сотрудник КБАН СССР, к.г.-м.н. Козлов Е. К.
3. Старший научный сотрудник КБАН СССР, к.г.-м.н. Денисова М. В.
4. Старший научный сотрудник КБАН СССР, к.б.н. Некрасова Т. П.
5. Ученый секретарь Ботсада КБАН СССР Марченко А. А.
6. Старший научный сотрудник КБАН СССР, к.б.н. Тамберг Т. Г.
7. Биологический отдел КБАН СССР, к.б.н. Неофитова В. К.
8. Научный сотрудник КБАН СССР Иванов А. М.

По традиции того времени был избран также почетный президиум сессии, куда вошли все члены Политбюро ЦК ВКП (б) с председателем – главой государства И. В. Сталиным [НА КНИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-а. Л. 5–10]. Выбор открытия и проведения пленарного заседания сессии в областном центре, г. Мурманске, также был не случайным, поскольку еще до начала сессии академик Д. С. Белянкин в ходе московской встречи с президентом АН СССР академиком С. И. Вавиловым с участием в ней первого секретаря Мурманского обкома ВКП (б) А. М. Кутырева и третьего секретаря Мурманского обкома ВКП (б) И. Н. Филатова обсуждал проект обращения в Совет министров по поводу перевода Кольской базы в Мурманск. Подробности встречи академик

Д. С. Белянкин описывает Ф. М. Терновскому в письме: «...Повидались мы здесь с А. М. Кутыревым и И. Н. Филатовым; вместе с ними побывали у С. И. Вавилова. Беседовали с С.И. по поводу проекта обращения Мурманска в Совет Министров насчет перевода Базы в Мурманск, типографии и увеличения состава нашего коллектива. Беседа была в благожелательных тонах, причем Вавилов обещал со своей стороны поддержку» [НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 148. Л. 1]. Слова Д. С. Белянкина подтвердились уже в начале пленарного доклада А. М. Кутырева, когда он говорил, «что первая в Мурманске сессия Ученого Совета Кольской базы Академии наук СССР – это проявление надежды на более тесную связь научных организаций с жизнью области. Иначе говоря, пора готовить условия для передислокации. Решение правительства об этом, по-видимому, не за горами» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-а. Л. 54].

Пленарное заседание сессии открыл вступительной речью директор Кольской базы АН СССР академик Д. С. Белянкин, затем с пленарным докладом выступил первый секретарь Мурманского обкома ВКП (б) А.М. Кутырев. Свой доклад «Развитие производительных сил Мурманской области и задачи научных учреждений» А. М. Кутырев начал с обзора научных и производственных достижений, полученных за год после принятия решений первой послевоенной сессии: «Результаты трудного и упорного труда *людей науки* воплощены в индустриальном первенце Заполярья – комбинате “Апатит”, бесперебойно снабжающим превосходным фосфорным сырьем все суперфосфатные заводы европейской части СССР и дающим государству доходы от экспорта апатита во многие страны мира. *Труды исследователей земных недр* позволили успешно решить задачу организации производства никеля и сопутствующих металлов на созданном в Мончегорске комбинате “Североникель”. В послевоенные годы трудящиеся Мурманской области в короткий срок достигли и превзошли довоенный уровень выпуска промышленной продукции, развернули в больших масштабах восстановление разрушенных, а также и новое строительство городов и поселков. С 1948 года область вступила в новый этап развития производительных сил. Известно, что начавшееся строительство Северо-Западного металлургического комплекса зиждется на использовании богатейших железорудных месторождений Ены и Оленегорска. *Кольская база Академии наук обязана* в будущем году закончить изучение минералогии Енского железорудного месторождения для установления генезиса, как самого месторождения, так и составляющих его минералов. Проведенное минералогическое и геологическое изучение никеленосных месторождений Каула и Пильгуярви в Печенгском районе позволило, во-первых, решить технологическую проблему обогатимости этих руд и, во-вторых, поставить в повестку дня вопрос об увеличении производств никеля, меди, кобальта и платиноидов в несколько раз, т.е. о скачке в развитии цветной металлургии области. <...> Развертывается строительство Кандалакшского алюминиевого завода, уже с будущего года мы будем давать стране этот металл. Мы строим предприятие для получения ниобиолантанового концентрата. Практически решено и находится в стадии организации строительство Африкандского предприятия для получения титана. Таким образом, Мурманская область, более известная по производству апатита, становится крупнейшим производителем самых разнообразных цветных металлов. Проблема Кейв и срединной части полуострова по-прежнему остается центральной проблемой. Именно поэтому

будет своевременным лозунг: лицом к востоку» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-а. Л. 54–55].

Вторую часть доклада А. М. Кутырев посвятил анализу работ Биологического отдела Кольской базы, продолжив критику деятельности отдела в контексте решений первой сессии 1948 года, «пока условно» сюда был включен и Ботсад: «Должен отметить, что этот сектор оказался самым неурожайным. Со своими задачами он пока справляется слабо и мало передает свои результаты народному хозяйству» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-а. Л. 57]. А. М. Кутырев поименно раскритиковал деятельность отдельных научных сотрудников: «т. Гребельского по биологии кожного овода»; «Савватимского по пресноводным рыбам озер – такие исследования рыбной промышленности не нужны, как не нужны и Академии», указав, что «...Народное хозяйство области от биологического сектора Кольской базы ждет, давно ждет рекомендаций, как поднять плодородие почв, какие растения перспективны для нужд народного хозяйства, как сделать картофель зимостойким, какие, в конце концов, деревья и как сажать для озеленения городов и поселков. Мы ожидаем широкого осуществления селекционной работы и прежде всего передового мичуринского метода вегетативной гибридизации для получения плодовых и ягодных растений, способных жить и плодоносить в не таком уж холодном Мурманском Заполярье». А. М. Кутырев проинформировал о решении Президиум АН СССР «наряду с планами исследовательских работ составлять планы внедрения законченных научно-исследовательских работ в различные отрасли народного хозяйства. *Этим решением кладется конец бесплодию некоторых научных учреждений. Лженаучные теории вейсманистов-морганистов были живучи и оказывали свое тлетворное влияние на научную молодь потому, что долгое время с них не спрашивали результатов, не критиковали, как следует, ожидали перестройки и каких-то плодов их научной деятельности.* Потребовалось вмешательство Центрального Комитета ВКП (б) для того, чтобы приоткрыть завесу и осветить деятельность тех, кто под флагом науки протаскивал антимарксистские концепции в биологию и тормозил развитие истинной биологической науки» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-а. Л. 58–62].

Свой доклад А.М. Кутырев закончил высокой оценкой индустриального освоения Мурманской области – «как результата научного планового осуществления индустриализации» страны, как результата успехов, достигнутых в развитии советской науки и техники и призвал ученых «*усовершенствовать и укрепить власть над природой, опираясь на народ, вдохновенно превращающий свою чудесную великую страну в страну расцвета, изобилия и счастья*», направив деятельность ученых не только на достижение научного результата проводимых работ, но и на их применение: «Задача заключается в том, чтоб пересмотреть свои планы, удалить из них то, что не актуально, установить реальные сроки не только окончания научных тем, но и внедрения результатов исследований в народное хозяйство» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-а. Л. 62–63].

Таким образом, Мурманский обком ВКП (б) в лице первого секретаря А. М. Кутырева не только определил политическое лицо сессии, но и роль власти в развитии академической науки на Кольском Севере в послевоенный период.

После пленарных докладов геологов «Итоги изучения геологии и полезных ископаемых Кольского полуострова» (Б. М. Куплетский,

О А. Воробьева) и «О приоритете русских ученых в геологической науке» (А. А. Чумаков) участники сессии обсудили и приняли приветственное письмо тов. И. В. Сталину. Ученые, таким образом и в духе того времени, продемонстрировали свою лояльность и высокое доверие к правительству страны за достигнутые успехи советских пятилеток, в ходе которых «суровый Заполярный край был превращен в один из важных промышленных центров Советского Союза, разрабатывающий залежи апатито-нефелиновых и медно-никелевых руд и создавший свою собственную сельскохозяйственную базу», а «маленькая горная станция Академии Наук СССР выросла в крупную научно-исследовательскую базу Академии Наук СССР» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-а. Л. 13–14].

После принятия аналогичного письма-обращения в адрес заместителя председателя Совета министров СССР В.М. Молотова была послана коллективная приветственная телеграмма президенту АН СССР академику С. И. Вавилову: «МОСКВА НАУКА ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ ШУК СССР АКАДЕМИКУ ВАВИЛОВУ. Участники открывшейся в городе Мурманске второй расширенной сессии Ученого Совета Кольской базы им. С. М. Кирова, посвященной развитию производительных сил Мурманской области, шлют Вам и в Вашем лице Президиуму Академии Наук СССР, сердечный привет. Сотрудники Академии Наук СССР внесли ценный вклад в дело изучения и освоения природных ресурсов Кольского Севера. Однако впереди еще много ответственных задач и обязанность ученых и научных работников – принять активное участие в их решении. Под Вашим руководством и при Вашей помощи коллектив ученых Заполярья, работающий в тесном содружестве с работниками промышленности, приложит все силы и знания к тому, чтобы успешно разрешить выдвинутые правительством проблемы, обогатить нашу великую и замечательную Родину новыми открытиями полезных ископаемых, новыми технологическими методами их переработки с комплексным использованием всех компонентов кольского сырья. Да здравствует и процветает советская наука, самая демократическая и самая передовая наука в мире» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-а. Л. 16–17]. Второй день заседаний сессии проходил уже в Доме техники г. Кировска, также под председательством академика Д. С. Белянкина. На вечернем заседании Секции минерального сырья была рассмотрена и представлена апатит-нефелиновая проблема в следующих докладах: 1. «Некоторые вопросы развития апатито-нефелиновой промышленности в пределах Хибин» (директор комбината «Апатит» М. И. Селезнев); 2. «Опыт геохимического изучения Кукисвумчоррского апатито-нефелинового месторождения» (зав.лаб. КБАН к.г.-м.н. Б. М. Мелентьев); 3. «Методы химического анализа минералов Кольского полуострова» (М. И. Волкова, КБАН), а также в сообщениях Я. Г. Горощенко «К вопросу образования фосфорной грязи при электровозгонке фосфора» и «Разложение апатита едким натром и содой при низких температурах» (КБАН). На утреннем заседании 16 июня рассматривалась медно-никелевая проблема, были представлены доклады: 1. «Рудный пласт Сопчи» (к.г.-м.н. Е. К. Козлов); 2. «Новые данные по минералогии месторождения Каула» (к.г.-м.н. М. В. Денисова); 3. «Околорудный метаморфизм в свите рудоносных филлитов Печенгского района» (геолог Б. И. Папушис); 4. «О Печенгской рудной брекчии» (д.г.-м.н., проф. Н. А. Елисеев); 5. «Результаты изучения

никеленосных интрузий и рудных месторождений Кольского полуострова в послевоенное время и задачи дальнейших исследований» (д.г.-м.н., проф. Н. А. Елисеев). Шестой доклад по медно-никелевой проблеме «Обогащение сульфидных медно-никелевых руд месторождения Каула» (к.т.н. Н. В. Зашихин) заслушивали уже на вечернем заседании, основной темой которого стал Кейвский комплекс. Здесь было представлено два доклада: 1. «Проблемы Кейвских кианитов» (к.э.н. Т. Г. Тихова); 2. «Обогащение кианитов – как сырьё для огнеупорной и алюминиевой промышленности». Утреннее заседание 17 июня продолжило тематику Кейвских кианитов докладами: 3. «Металлогения центральных водоразделов Кольского полуострова» (к.г.-м.н. А.А. Чумаков); 4. «Сподуменовое месторождение им. академика А.Е. Ферсмана» (к.г.-м.н. А. А. Гинзбург); 5. «Структурно-петрографическая характеристика вмещающих пород месторождения им. Ферсмана»; 6. «Перспективы промышленного использования лития» (к.э.н. Т. Г. Тихова); 7. «Гранитные пегматиты горы Лейвойвы» (к.г.-м.н. М. К. Янулова). Вечернее заседание 17 июня было посвящено перовскитовой проблеме, представленной в докладах: 1. «Выплавка из перовскитового концентрата титаносодержащих сплавов» (В. А. Боголюбов, ЦНИИЧермет); 2. «О состоянии сернокислотного метода переработки перовскита» (В. И. Рискин, ГИПИ-4); 3. «Хлорирование перовскита» (М. И. Манделов, ВИМС); 4. «Перспективы потребления двуокиси титана в лакокрасочной промышленности Союза» (В. В. Райко, ГИПИ-4); 5. «Разложение перовскита азотной кислотой» (Я. Г. Горощенко) [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-а. Л. 5–8].

Все доклады сопровождались активным обсуждением и принятием решений по проблеме Больших Кейв, апатитонелефелиновой, медно-никелевой, перовскитовой проблемам [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-а. Л. 46–50].

На Биологической секции, проходившей под руководством профессора С. Я. Соколова 16–18 июня 1949 г. в Доме техники г. Кировска, было заслушано 19 докладов, из них по проблемам почвы и плодородия – 4 доклада; сельского хозяйства – 9 докладов; растительных ресурсов – 3 доклада; лесоводства и озеленения – 3 доклада. Были представлены следующие доклады:

1. Перспективы и задачи развития сельского хозяйства Мурманской области – зав. отделом сельского хозяйства Обкома ВКП (б) Г. А. Разумов;
2. Почвы Печенгского района и их агропроизводственная характеристика – к.б.н. Н. П. Белов (КБАН);
3. Приемы активизации микробиологических процессов в почвах Кольского полуострова – к.б.н. Т. В. Аристовская (КБАН);
4. Об изучении состава и состояния гумуса в почвах Мурманской области – к.г.-м.н. А. В. Барановская (КБАН);
5. Способы повышения плодородия почв в Мурманской области – А. И. Ляхов (КБАН);
6. О ресурсах для создания новых культурных растений для Мурманской области – к.б.н. Н. А. Аврорин (КБАН);
7. Хозяйственное значение флоры Мурманской области – Е. Г. Чернов (КБАН);
8. Роль среды в формировании естественной растительности территории Полярно-Альпийского Ботанического сада – П. М. Медведев (КБАН);

9. Естественное возобновление лапландской сосны – к.б.н. Т. П. Некрасова (КБАН);

10. Выносливые кустарники для Мурманской области и методы их выращивания – Л. И. Качурина (КБАН);

11. Селекция и агротехника однолетних и многолетних травяных декоративных растений к.б.н. Т. Г. Тамберг (КБАН);

12. Болезни сельскохозяйственных декоративных и древесных растений Кольского полуострова – к.б.н. В. К. Неофитова (КБАН);

13. Селекция новых силосных растений – А. А. Марченко (КБАН);

14. Вредители сельского хозяйства Кольского полуострова – М. К. Знаменская (КБАН);

15. Селекция овощных растений на Кольском полуострове – Г. П. Гусев (ПОВИР);

16. Итоги работы и перспективы создания морозоустойчивых сортов картофеля для Мурманской области – Ф. И. Маньков (ПОВИР);

17. Подбор кормовых трав для Мурманской области – В. И. Душечкин (ПОВИР);

18. Селекция зерновых культур для Крайнего Севера П. П. Калинин;

19. Итоги исследования по биохимии картофеля и их практическое значение – к.с.-х.н. С. А. Каспарова (КБАН).

В обсуждении докладов приняло участие 29 человек, 22 человека участвовали в работе Комиссии. В решении по Биологической секции было отмечено, что сельское хозяйство Мурманской области в послевоенный период достигло крупных успехов в подъеме земледелия, расширения посевных площадей и повышения урожайности сельскохозяйственных растений. Однако успехи были бы «неизмеримо больше, если бы Кольская база АН СССР и Полярная станция Всесоюзного института растениеводства (ПОВИР) теснее были связаны в своей работе с совхозами и колхозами области и своими научными достижениями оказывали более реальную помощь производству в разрешении вопросов: повышения плодородия почв; создания и внедрения в производство лучших сортов кормовых (в частности, силосных), овощных и ягодных растений, более морозоустойчивых, скороспелых и крахмалистых сортов картофеля и зерновых, проведения эффективных мер борьбы с болезнями и вредителями растений. Особенно отстает от требований производства разработка мероприятий, связанных с введением в области травопольной системы земледелия и выведения для этой цели многолетних злаковых и бобовых трав. Недостаточно разрабатывается агротехника высоких урожаев и не обогащается опыт передовиков. Отстающими участками также являются механизация обработки торфяных почв и трудоемких процессов по окультуриванию почв, уходу за посевами и уборке урожая. Научные учреждения области не разрабатывают мер борьбы с сорняками, представляющими в настоящее время серьезную угрозу для урожаев. Семеноводство северных сортов в области не организовано и агротехника его для ряда культур не разработана, в связи с чем область не может обеспечить все посевы сортовыми семенами. “Сортсеменовощ” не обеспечивает размножения селекционных семян ПОВИРа. Леса Мурманской области никем не изучаются, т.к. в области отсутствуют производственные озеленительные питомники, нет настоящей ответственности за подготовку почвы, посадку, уход и охрану,

а Ботанический сад не занимался до сих пор агротехникой озеленения и не подобрал для области полноценных и выносливых деревьев. В Биологических секторах Кольской базы АН СССР нет достаточной целеустремленности к разрешению основных вопросов, связанных с развитием хозяйства и культуры в Мурманской области, нет комплексности в исследованиях; биологи и почвоведы оторваны от Ботанического сада и организационно распылены...» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 166-б. Л. 86–89].

По итогам работы Секции перед биологами был поставлен ряд задач по решению проблемы повышения плодородия местных подзолистых (минеральных) почв; по научному обоснованию перспективности растений для нужд народного хозяйства – как сделать картофель зимостойким, какие деревья и каким образом сажать для озеленения городов и поселков; как ускорить внедрение выведенных сортов многолетних трав; как проводить изучение болезней с/х растений и разработку борьбы с ними; каким образом КБАН СССР совместно с ПОВИРом оказывать помощь колхозам и совхозам области в создании и улучшении лугов и пастбищ; как лучше внедрять в совхозы и колхозы проверенные (и вновь выведенные) сорта овощных и ягодных растений. «Мы ожидаем широкого осуществления селекционной работы и прежде всего передового мичуринского метода вегетативной гибридизации для получения плодовых и ягодных растений, способных жить и плодоносить в не таком уж холодном Мурманском Заполярье» – призвал биологов А.М. Кутырев [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-а. Л. 62].

Было принято решение создать в составе Кольской базы лесную группу по изучению естественного возобновления лесов, а также посева и посадки лесных пород в различных условиях произрастания, по организации мер защиты леса от болезней и вредителей, изучению ползащитной и водоохраной роли леса в условиях субарктики на примере Мурманской области.

Для обеспечения качественного озеленения городов и поселков Мурманской области на базе работ ПАБС КБАН СССР было решено организовать работу по изучению местных деревьев с выделением декоративных видов местных и переселенных прижившихся к местным условиям деревьев, способствовать их размножению и передаче озеленительным питомникам, расширить работы по селекции кустарников, многолетних и однолетних цветов для озеленения городов и поселков области. Сессия приняла решение ходатайствовать в Мурманский облисполком и Облкомхоз о создании в 1949 году мощного озеленительного питомника в г. Мурманске, а также просить о принятии мер по повышению ответственности горкомхозов, УЖКХ ведомств и других организаций за подготовку к посадке, уходу и сохранности насаждений. В целях выполнения поставленных перед биологами КБАН задач по перестройке работы Биологического отдела – ходатайствовать об усилении штата Биологического отдела специалистами – селекционерами, агротехниками, химиками, микроклиматологами, лесоводами; обеспечить отдел работниками для сезонных биологических и почвенных работ, расширить рабочие питомники на территории Ботсада и создать опытное поле для полупроизводственного экспериментального участка; построить отапливаемые и летние теплицы, парники и холодильную установку, организовать лабораторию растительного сырья, оснащенную современным оборудованием для проведения исследований, обеспечить своевременную подготовку и высококачественное издание

монографии «Флора Мурманской области» с привлечением к ее разработке ведущих специалистов – монографов из авторского коллектива «Флоры СССР». С целью изучения микроклимата естественных и культурных площадей и помещений и разработки мер улучшения микроклимата обратиться с ходатайством в Гидрометеослужбу и Всесоюзный институт растениеводства (Отдел агроклиматологии) о расширении постоянных агроклиматических наблюдений в Мурманской области [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 166-б. Л. 92–95].

Заключительное пленарное заседание Сессии 18 июня было посвящено подведению итогов работы и оглашению решений. Но сначала – по традиции, заложенной на первой послевоенной сессии Ученого совета Кольской базы АН СССР в 1948 году, с докладом «Значение геохимических идей акад. А. Е. Ферсмана в выявлении природных богатств Кольского полуострова» выступила д.г.-м.н. О. А. Воробьева – первый ученый секретарь Кольской базы в 1930–1933 годах. Затем по предложению Г. И. Горбунова участники сессии приняли решение послать приветственную телеграмму в Мурманский обком ВКП (б), в которой сообщали «боевому штабу большевиков Заполярья – руководителю и организатору освоения природных богатств Кольского полуострова», что вторая расширенная сессия Ученого совета Кольской базы АН СССР, посвященная развитию производительных сил Мурманской области, «наметила практические мероприятия по дальнейшему развитию и размещению производительных сил Мурманской области», осуществлению которых участники сессии обещают «отдать все силы и знания» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-б. Л. 39–95]. После этого профессор С. Я. Соколов подвел итоги работы Биологической секции, а затем последовало оглашение приветственных телеграмм в адрес сессии от ведущих ученых и принятие ответных телеграмм в их адрес. Закрыл сессию академик Д. С. Белянкин, который в заключительной речи подвел итоги секции минерального сырья и всей сессии в целом.

Всего через несколько месяцев постановлением от 6 октября 1949 года АН СССР согласно протоколу № 23 заседания Президиума АН СССР (параграф 318) «Об установлении для филиалов и научно-исследовательских баз Академии наук СССР единого наименования “филиалы Академии наук СССР” Кольская база будет реорганизована в Кольский филиал АН СССР» [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 65–66].

Выводы

1. Между первой и второй расширенными послевоенными сессиями Ученого совета Кольской базы АН СССР 1948 и 1949 годов временной промежуток составляет всего год, но за этот сравнительно небольшой отрезок времени фактически произошел организационный прорыв в перестройке науки на нужды народного хозяйства Мурманской области.

Решения первой послевоенной сессии Ученого совета Кольской базы АН СССР 1948 года были направлены на организацию Кольской базы АН СССР в свете ускорения решения задач восстановления народного хозяйства Мурманской области и науки, слово «перспективы» так или иначе присутствует во всех названиях докладов.

2. Вторая закрытая сессия Ученого совета Кольской базы Академии Наук СССР вынесла на повестку дня уже конкретные вопросы повышения роли кольской науки в развитии производительных сил Мурманской области.

Задача ученых Кольской базы отныне заключалась не только в том, чтобы актуализировать планы научной работы и установить реальные сроки окончания научных тем, но и обеспечить внедрение результатов исследований в народное хозяйство.

Вторая закрытая сессия Ученого совета Кольской базы АН СССР явилась, по сути, завершающим организационным мероприятием в ходе подготовки Кольской базы к преобразованию в Кольский филиал АН СССР.

Список сокращений

АРАН – Архив Российской академии наук
АН – Академия наук
БИН – Биологический институт
ВИМС – Всесоюзный институт минерального сырья
ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВО – Военный округ
ГАМО – Государственный архив Мурманской области
ГИПИ-4 – Государственный научно-исследовательский и проектный институт лакокрасочной промышленности
ИГЕМ – Институт геохимии и минералогии
КБАН – Кольская база Академии наук
КФАН – Кольский филиал Академии наук
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
Мингео – Министерство геологии
НА КНЦ – Научный архив Кольского научного центра
ПАБС – Полярный альпийский ботанический сад
ПОСВИР – Полярная опытная станция Всесоюзного института растениеводства
РК – Районный комитет
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
УЖКХ – Управление жилищно-коммунального хозяйства
ЦНИИчермет – Центральный научно-исследовательский институт черной металлургии

Архивные источники

АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 171. Л. 120
ГАМО. Ф. П-139. Оп. 1. Д. 8. Л. 70–72
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160-б. Л. 1, 5, 7, 52–53, 54–55
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 164. Л. 17
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 166-б. Л. 86–89, 92–95
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-а. Л. 5–8, 13–14, 16–17, 46–50, 54, 54–55, 57, 58–62
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 167-б. Л. 39–95
НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 148. Л. 1, 1-об.

Список литературы

Дюжилов С. А. Полярное земледелие: постановка проблемы и ее решение в 1920- годы на Кольском Севере // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. Вып. 9. С. 71–88.

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Хроника послевоенного развития академической науки на Кольском Севере: от КБАН до КФАН СССР (1944–1949) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. Вып. 10. С. 14–30.

Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись 1930–2010. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2011. 320 с.

Ученые Кольского научного центра 1930–2010. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2010. 514 с.

Сведения об авторах

Макарова Елена Ивановна,

кандидат исторических наук, заведующая Научным архивом Кольского научного центра РАН

Петров Валентин Петрович,

доктор геолого-минералогических наук, профессор, директор Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Токарев Александр Дмитриевич,

заведующий сектором формирования и хранения цифровой информации Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Makarova Elena Ivanovna,

PhD (History), Head of the Scientific Archive of the Kola Science Centre RAS

Petrov Valentin Petrovich,

Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Director of the Barents centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

Tokarev Alexander Dmitrievich,

Head of the Sector of Digital Information of the Barents centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 631:94(470.21)''1920/1930''

С.А. Дюжилов, Я.Е. Богдан

ПОЛЯРНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВИР НА РУБЕЖЕ 1920–1930-Х ГОДОВ: НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье рассмотрены предпосылки перехода советского государства к планомерному сельскохозяйственному освоению северных территорий, выявлены место и роль Полярного отделения ВИР в научном обеспечении развития полярного земледелия.

Ключевые слова:

форсированная индустриализация и коллективизация, концепция полярного земледелия, Крайний Север, I Всесоюзная конференция по

размещению производительных сил Севера, социалистическая реконструкция сельского хозяйства, перестройка работы научно-исследовательских учреждений, зональные опытные станции.

S.A. Dyuzhilov, Ya.Ye. Bogdan

THE POLAR BRANCH OF THE ALL-UNION PLANT-GROWING INSTITUTE IN THE 1920–1930s: NEW VECTORS OF DEVELOPMENT AND SCIENTIFIC ACTIVITY

Abstract

The article deals with the preconditions for the Soviet state transition to the balanced agricultural development of the northern territories. The rank and role of the Polar branch of the All-Union Plant-growing Institute in science supply for the polar agriculture development have been revealed.

Keywords:

forced industrialization and collectivization, the conception of polar agriculture, the Extreme North, the 1-st All-Union conference on the territorial distribution of productive forces in the North, socialist reorganization of agriculture, reorganization of research institutions activities, zone experimental stations.

На переломе: «Я планов наших люблю громадь»

В соответствии со сталинской концепцией развития страны во второй половине 1920-х гг. началось форсированное строительство социализма. Главным же фронтом социалистической реконструкции всего народного хозяйства была провозглашена социалистическая индустриализация, открывшая широкий простор для развития производительных сил страны. Одновременно с развитием промышленности в старых промышленных центрах все более широко охватывались индустриализацией районы советского Севера, опыт научного изучения и хозяйственного освоения которых имеет мировое значение [Петров, Макарова, Токарев, 2012: 51].

Вместе с индустриализацией возросли и требования к развитию земледелия. В отчетном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) от 26 января 1934 г. И. В. Сталин достаточно убедительно раскрыл сущность этой причинно-следственной связи: «Развитие ведет к тому, что все области становятся у нас более или менее промышленными, и чем дальше, тем больше они будут становиться промышленными. Это значит, что <...> бывшие аграрные районы не могут уже больше отпускать на сторону, в промышленные центры столько продуктов, сколько отпускали они раньше, так как вынуждены кормить свои собственные города и своих собственных рабочих, количество которых будет расти. Но из этого следует, что каждая область должна завести у себя свою сельскохозяйственную базу, чтобы иметь свои овощи, свою картошку, свое масло, свое молоко и в той или иной степени – свой хлеб. свое мясо, – если она не хочет попасть в затруднительное положение. Вы знаете, что это дело вполне осуществимо и оно уже делается теперь. Задача состоит в том, чтобы довести это дело до конца во что бы то ни стало» [Сталин, 1955: 331].

Для планирования сельскохозяйственного производства в такой огромной стране, как Советский Союз, с исключительно разнообразными природными условиями необходимы были глубокие и разносторонние научные данные. Вера коммунистических вождей в науку побуждала их к коренной

перестройке научно-исследовательских учреждений. Всесоюзная сельскохозяйственная академия с 12 институтами, созданная в 1929 г., была подчинена Наркомзему СССР и включена в единую систему научно-исследовательских институтов, охватывавших все отрасли сельскохозяйственного производства. Небывалый размах в перестройке сельского хозяйства потребовал известной напряженности агрономической науки. Президент ВАСХНИЛ Н.И. Вавилов отмечал: «Осуществить план великого строительства сельского хозяйства Советской страны можно только при мобилизации науки. Наука ныне уже не придаток, не помощник, не друг, а один из главнейших рычагов в строительстве жизни на новых началах. От научных работников в области агрономии и смежных дисциплин страна ждет самого активного участия в осуществлении рационализации земледелия на социалистических началах...» [Вавилов, 1930 (б): 1]. Перспективным направлением в развитии сельского хозяйства ученый считал наступление на Север.

Лицом к Северу: постановка проблемы полярного земледелия «во весь рост»

Практические и научные проблемы северного земледелия являются в значительной мере привилегией России. Новая власть, покончив «со стихийной колонизацией Севера», задумала масштабное завоевание «целого материка» [Вавилов, 1931: 14–15]. Но прежде чем эти планы превратились в реальность, советской стране пришлось пройти через периоды так называемого «первоначального роста».

На основе исследовательских и опытных работ, проведенных под началом и при материальной поддержке Колонизационного отдела Мурманской железной дороги в 1920-е гг., были сделаны первые шаги по развитию сельского хозяйства как основы «быта колонизационного населения Карело-Мурманского края» [Федоров, 2009: 220]. Небольшой группой энтузиастов под руководством И. Г. Эйхфельда за короткий период были заложены основы земледельческого освоения Севера. Однако следует иметь в виду, что работы Хибинского опытного пункта в это время с точки зрения «смычки науки и практики» не выходили за рамки развития маломощных индивидуальных хозяйств. С переходом страны к форсированной индустриализации и коллективизации либеральные подходы к освоению Севера, не предъявляющие высоких требований к его масштабам и темпам, явно исчерпали себя.

Начавшаяся на рубеже 1920–1930-х гг. «революция в сельском хозяйстве», по словам президента ВАСХНИЛ акад. Н. И. Вавилова, «не замедлила обнаружить несоответствие наших знаний с нашими требованиями, <...> несоответствие темпа исследовательской работы и темпа строительства» [Вавилов, 1930 (а): 339–344]. Вступление сельского хозяйства «в период величайших сдвигов», обусловленное неотложными запросами социалистического строительства, способствовало мобилизации науки для решения проблем освоения огромных земельных пространств нашего Севера. Важнейшей вехой движения научной мысли в этом направлении стала разработка акад. Н. И. Вавиловым концепции северного земледелия, которая была озвучена в Ленинграде на второй чрезвычайной сессии Академии наук (1931 г., 25–30 ноября), посвященной обсуждению вопросов использования производительных сил и производственных ресурсов Ленинградской области

[Комков, Левшин, Семенов, 1977: 91–92]. На первый взгляд может показаться, что на фоне докладов академиков Г.М. Кржижановского – об энергетических ресурсах Ленинградской области, А.Н. Баха – о химизации промышленности, А. Е. Ферсмана – об ископаемом сырье Ленинградской области выступление Н. И. Вавилова о проблемах земледелия в северных районах «выпадает» из заявленной тематики сессии [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 33]. Однако, обратившись к его содержательной части, становится понятно, что такое впечатление обманчиво. В своем докладе ученый, определяя понятие «Север» в широком смысле слова, включил в него все районы нечерноземной полосы (в том числе и значительную часть Ленинградской области), достаточно хорошо обеспеченные влагой (за исключением полярных районов, подвергающихся засухам), с характерными для нее подзолистыми и болотными почвами, коротким вегетационным периодом, сравнительно малым количеством тепла. Территории же выше 65° сев. шир. Вавилов условно относил к Крайнему Северу (это так называемая область приполярного земледелия – холодная с очень коротким летом и вегетационным периодом менее 100 дней), включив в них Мурманский округ Ленинградской области, северные части Карелии, Северный край, Уральскую область, Якутию и Тихоокеанский край.

Как видно, на второй чрезвычайной сессии АН СССР речь шла о комплексном подходе в деле использования производительных сил и производственных ресурсов Ленинградской области. Но было бы неверно рассматривать проблемы, поднятые учеными в Ленинграде, исключительно через призму отдельно взятого региона страны. По сути, на сессии предлагалось превратить Ленинградскую область в своеобразный полигон для технологических испытаний, научно-практических разработок и новой техники. Подтверждением тому может служить постановка на сессии Н.И. Вавиловым широкомасштабных и амбициозных задач в области сельского хозяйства. Ученым была научно обоснована и гениально спланирована невиданная доселе по масштабам операция «Осеверение земледелия». И Ленинграду с Ленинградской областью в ее осуществлении предстояло сыграть пионерную роль. Такой выбор был вполне оправдан. Во-первых, здесь размещался ряд всесоюзных агрономических учреждений, насчитывающих в своем составе значительный коллектив ботаников и почвоведов. Во-вторых, самый крупный центр промышленности удобрительных туков в Хибинах примыкал к Ленинградской области. Наконец, поскольку ленинградский пролетариат «стоит у самого порога Советского Севера, то ему и надлежит первому начать великое организованное наступление на северном фронте земледелия» [Вавилов, 1931: 14–15], превратить регион из потребляющего в производящий (затем на его примере развернуть широким фронтом продвижение земледелия по всей нечерноземной полосе), распространить опыт Мурманского округа как первого участка Заполярья – опыт всесоюзного значения – на весь Крайний Север страны [Первая Полярная конференция, 2009: 164].

Задумав масштабное наступление сельского хозяйства на север, Н. И. Вавилов исходил из того, что только таким путем в перспективе можно обеспечить продовольственную безопасность такой великой северной страны, как Советский Союз. В основе этого постулата лежал ряд объективных факторов, нашедших отражение в таблице.

Таблица 1

Продвижение земледелия к Северу
[Вавилов, 1931: 1–15]

Факторы, влияющие на продвижение земледелия к северу	Обоснование акад. Н. И. Вавиловым целесообразности продвижения земледелия к северу
Исторический фактор	«В своем историческом развитии мировое земледелие движется к северу и в тропики, отнимая все большие и большие пространства у леса. И в том, и в другом направлении перед земледельцем открыт необъятный простор неосвоенных, неиспользованных земель»
Природный фактор	«Самым существенным фактом, определяющим целесообразность продвижения к северу, является устойчивость здесь урожаев в связи с увлажненностью в северных районах, меньшая зависимость северных урожаев от условий года, отсутствие засух»
Экономический (народнохозяйственный) фактор	«Земледелие севера неразрывно связано с развитием промышленности». «Вопрос идет о рациональном использовании всей нечерноземной полосы, о превращении потребляющей зоны в производительную, а также <...> о развитии приполярного земледелия», которое позволит обеспечить «промышленное» население трудно привозимыми с/х продуктами

В качестве конкретных доказательств больших возможностей продвижения земледелия на север служили как мировой опыт человечества в этом виде деятельности, так и географические посевы Н. И. Вавилова, организованные в 1923 г. Начавшись с 25 пунктов, они к 1928 г. распространились на 115. Часть из них была сосредоточена на Крайнем Севере, на Кольском полуострове, в Хибинах (67° 44' сев. шир.), на р. Печоре, в Усть-Цыльме (65° 27' сев. шир.), в Архангельске (64° 33' сев. шир.) [Вавилов, 1987: 435]. Эти опыты дали следующие результаты:

- предельной границей вызревания самых ранних сортов хлебных злаков является широта полярного круга (66° 30' сев. шир.); культура овощей, корнеплодов, клубнеплодов и кормовых трав может доходить не только до северной границы тайги, но и заходить в лесотундру и даже в тундру;
- к северу повышается продуктивность вегетативной массы, растения становятся выше и более развитыми;
- ограничивающим фактором земледельческой культуры является не холод, а заболоченность, с которой можно бороться дренажем [Вавилов, 1931: 4–5].

Доказав на практике правильность своих прогнозов, Н.И. Вавилов задумал масштабное наступление сельского хозяйства на север. У него не было

сомнений в том, что только советская страна может «выполнить огромную задачу осеверения земледелия в государственном масштабе, создать устойчивое земледелие, независимое от стихий и погоды» [Вавилов, 1931: 9, 14–15]. Однако для исполнения таких грандиозных замыслов нужны были «воля и разум сильного социалистического государства», готового немедленно приступить к принятию и реализации политических решений на основе мобилизационного планирования, а также мощная современная наука и техника, которой еще предстояло изобрести и построить новые инструменты и новые технологии. Об основных предпосылках развития земледелия на Севере, намеченных акад. Н. И. Вавиловым, можно судить по таблице 2.

Таблица 2

Развитие земледелия на севере: «что можно и должно сделать»
[Вавилов, 1931: 10–12]

Основные государственные мероприятия	Задания агрономической науке
Сокращение лесных площадей в результате развития земледелия.	Организация в кратчайшее время большого коллектива исследователей для выработки концептуальных основ земледельческого освоения севера.
Проведение известкования и осушительных работ на северных почвах.	Подготовка точных геоботанических и почвенных карт.
Развитие животноводства с применением жмыхов для кормления животных с целью повышения качества навоза.	Постановка и решение всего комплекса вопросов (почвы, физиология растений, селекция) применительно к северу в географическом разрезе, порайонно.
Постройка необходимых заводов для решения проблемы обеспечения севера минеральным удобрением.	Разработка наиболее рациональных приемов использования болот
Выделение капиталовложений, направленных на освоение Севера	

В масштабах, соответствующих грандиозности проблемы, одной из первых к осеверению земледелия приступила Ленинградская область. Вопросам колхозного движения и подъему сельского хозяйства исключительное значение придавал тогдашний руководитель Ленинградской партийной организации С. М. Киров, поддерживая приоритетные в то время направления советской науки [Кирилина, 2001: 185]. Известно его критическое отношение к скептикам, утверждавшим, что в силу бедности и неплодородности земель Ленинградская область может быть только потребляющей: «Не верно, товарищи, что наш край, какой-то особо бедный, озерный, болотистый. Нет такой земли, которая в умелых руках при советской власти не могла бы быть повернута на благо человечества» [Ленинградские большевики между XVI и XVII съездами ВКП (б), 1934: 238]. Настоячиво продвигая в жизнь планы осеверения земледелия, С. М. Киров в сжатые сроки сумел добиться разительных перемен в деле реконструкции сельского хозяйства Ленинградской области. Выступая

на XVII съезде ВКП (б) он с гордостью отмечал: «... если говорить о прошлом, совсем недавнем прошлом, дело складывалось так, что не только мы, работники, живущие в Ленинграде, жили привозным хлебом, но и крестьяне-псковичи. Им хватало своего хлеба до января – февраля самое большое, а дальше надо было из других районов завозить. Теперь мы добились того, что крестьяне Ленинградской области в привозном хлебе не нуждаются; больше того, мы кое-что заготавливаем и для государства» [Киров, 1934: 67].

Не остались без внимания руководителя Ленинградской партийной организации и районы Крайнего Севера. Под непосредственным руководством С. М. Кирова на Кольском полуострове, входящим в состав Ленинградской области, не только выросла новая промышленность по производству минеральных удобрений, но и возникло первое многоотраслевое сельскохозяйственное предприятие в Заполярье – совхоз «Индустрия». Таким образом, Мурманский округ оказался первым участком (первенцем социалистической стройки) на Крайнем Севере, где было намечено «полное освоение всех природных богатств (включая осеверение земледелия) и энергетических ресурсов» [Первая Полярная конференция, 2009: 164]. Опыт взаимодействия науки, власти и производства в овладении ресурсным потенциалом Кольского Севера мог служить поучительным примером для других. «Именно поэтому сельскохозяйственные работы в Мурманском округе, – считал И. Г. Эйхфельд, – являются не только Мурманской задачей, а задачей всесоюзного значения» [Там же].

Недаром Н. И. Вавилов, предусматривая быстрое хозяйственное развитие всех огромных территорий Крайнего Севера СССР, собирался создать специальный отдел в ВИРе. В письме к И. Г. Эйхфельду от 11 ноября 1931 г. он писал: «Очень существенно было бы знать Ваши соображения о том, что случится впереди в связи с новыми энергичными центрами на Крайнем Севере. Нет ли по этой части опыта за границей? Когда приедете в Ленинград, надо обдумать дело с секцией полярного земледелия в Ленинграде, чтобы она работала, делала сводки, была полезна Вам и работала под Вашим руководством» [На пути к обновлению земли, 1968: 15–16]. Насколько мало в сельскохозяйственном отношении тогда знали Север, можно судить из того, что именно научный руководитель Полярной опытной станции в ряде центральных учреждений страны выступал в качестве основного докладчика о перспективах развития северного земледелия. Так, в 1931 г. по предложению заместителя председателя ВЦИК П. Г. Смидовича, являвшегося одновременно председателем Комитета содействия народностям северных окраин при ВЦИК по вопросам развития сельского хозяйства на Крайнем Севере, был поставлен доклад И. Г. Эйхфельда в Госплане СССР на специальном совещании по вопросам Севера. В этом докладе он осветил задачи сельского хозяйства в северных районах, наметил сельскохозяйственные зоны в связи с климатическими условиями на всем пространстве Крайнего Севера СССР и внес предложение создать там сеть сельскохозяйственных опытных пунктов [На пути к обновлению земли, 1968: 10].

Если совсем еще недавно сама постановка вопроса о развитии сельского хозяйства на Крайнем Севере встречала такой резкий отпор, что не представлялось возможным даже выступить по нему на некоторых собраниях, то на последней конференции по Северу при Госплане СССР, по словам

И. Г. Эйхфельда, «на 300 человек участников нашелся только один, который выступил против нас, что, мол, никогда земледелия на Севере не было и не будет. Ему ответили, что “ты опоздал, товарищ, до большевиков много чего не было”» [Первая Полярная конференция, 2009: 168].

Такие метаморфозы, произошедшие в сознании политической и научной элиты, имели вполне логическое обоснование. Уже в «Пятилетнем перспективном плане исследования и освоения Арктического сектора владений СССР», рассчитанном на первую пятилетку, политика Советского государства в Арктике обосновывалась исследовательскими и хозяйственными задачами, реализация которых если не сейчас, то в будущем должна была обеспечить «крупнейшую роль» Арктики в экономике СССР. План составлялся с таким расчетом, чтобы Арктический сектор СССР уже во второй пятилетке стал бы «реальным данным» [Федоров, 2009: 235].

О том, какое значение на новом витке истории власть придавала освоению северных территорий страны, свидетельствует тот факт, что при подготовке второго пятилетнего плана на 1933–1937 гг. отдельной частью в его заданиях был выделен раздел «Освоение Советской Арктики», подготовленный группой Севера при Госплане СССР под руководством С. В. Славина. В вводной части к нему заявлялось, что «от отдельных мероприятий по изучению и хозяйственному освоению Арктики мы переходим к планомерному, рассчитанному на ряд лет, широкому изучению и промышленному освоению заполярных районов Советского Союза» [Тимошенко, 2013: 1].

Госплановская концепция «северного измерения», прежде чем «обрести плоть и кровь» и стать основой для принятия правительственных решений по Северу в 1930-е гг., сначала подверглась широкому обсуждению на I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Севера (24 февраля 1932 г.) – одной из первых в ряде конференций, которыми сопровождалась предварительная работа по подготовке второго пятилетнего плана. При ее открытии председатель Госплана В. И. Межлаук констатировал: «Только теперь мы можем поставить во весь рост проблему освоения советского Севера, представляющего собой 1/12 часть всей поверхности суши земного шара, изобилующего величайшими богатствами, к которым рука человека еще почти не прикоснулась» [Проблемы Севера, 1933: 7]. Главным и основным фактором в деле их освоения, считал докладчик, являются кадры: «Но закрепление рабочей силы на Севере зависит непосредственно от того, как мы поставим сельское хозяйство» [Проблемы Севера, 1933: 10]. Отсюда столь пристальное внимание участников конференции, проявленное к проблемам полярного земледелия. Итогом же их обсуждения стало принятие развернутой резолюции по вопросам развития сельского хозяйства непосредственно в районах Крайнего Севера, территория которого в то время определялась постановлением ВЦИК от 8 сентября 1930 г. Основные положения данной резолюции сводились к следующему:

- Крайний Север занимает территорию около 1 млн. га с населением в 1931 г. около 1 млн чел. и перспективой большого роста населения во втором пятилетии. Эта громадная территория имеет большое разнообразие природных условий в отдельных слагающих ее частях и в отношении сельскохозяйственных возможностей может быть разбита на три следующие зоны: 1) тундровую, 2) лесотундровую и 3) таежную.

- Задачей развития сельского хозяйства на Крайнем Севере является удовлетворение местным сельскохозяйственным производством потребностей промышленного и промыслового населения в овощах и молочных продуктах <...>, а также организация кормовой базы для молочно-мясного животноводства и гужевого транспорта и создание тепличного хозяйства для выращивания противоязвенной зелени в наиболее северных промышленных пунктах.

- Повышенные затраты на развитие сельского хозяйства на Крайнем Севере с народнохозяйственной точки зрения рентабельны и совершенно необходимы в течение второй пятилетки (так как, во-первых, их ежегодная транспортировка сюда по сравнению с производством последних на месте вызывает более высокие расходы, а во-вторых, дает громадные преимущества в деле освоения Севера и закрепления для постоянной работы завозной рабочей силы и технических кадров).

- Размещение сельского хозяйства на Крайнем Севере при учете агроклиматических условий отдельных районов определяется размещением промышленных и промысловых предприятий, разворачивается на базе совхозно-колхозного строительства. Создаваемые сельхозпредприятия должны носить преимущественно комплексный характер с направлением молочно-овощным, животноводческо-зерновым, животноводческо-лесьным и т.д.

- При расчетах потребности местного населения в сельскохозяйственных продуктах для определения масштаба развития сельского хозяйства на Крайнем Севере на данный момент надлежит исходить из норм потребления, принятых постановлением СНК СССР от 16 июля 1930 г. В целях уточнения необходимых норм питания промышленного и промыслового населения Крайнего Севера конференция поручает Институту общественного питания на основе решений XVII партконференции об улучшении питания разработать нормативы питания для этой категории населения Крайнего Севера.

- Учитывая крайний недостаток рабочей силы на Севере, конференция считает необходимым самое широкое внедрение механизации как при подготовке земель к освоению, так и в самом процессе сельскохозяйственного производства. При этом должно быть обращено внимание на возможности использования для развития тепличного хозяйства в тундровой зоне ветросиловых установок.

- Конференция подчеркивает необходимость широкого развертывания научно-исследовательской работы по всем вопросам сельскохозяйственного освоения Крайнего Севера, с тем чтобы сельское хозяйство на Крайний Север шло во всеоружии науки и техники, а не ощупью, как это было до сих пор, и могло дать максимальные качественные показатели по растениеводству и животноводству [Проблемы Севера, 1933: 412–415].

Для реализации поставленной задачи участниками конференции были выработаны и адресованы целому ряду научных учреждений и исполнительных органов власти страны необходимые поручения, о чем свидетельствуют следующие данные.

Таблица 3

Поручения научным учреждениям страны, содержащиеся в резолюции
I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Севера
[Проблемы Севера, 1933: 412–415].

Научные учреждения	Возложенные конференцией на них поручения
1	2
Институт общественного питания	Разработать нормативы питания для населения Крайнего Севера
Гидрометкомитет	Усилить работы заполярных метеорологических станций агрометеорологическими наблюдениями и организовать новые станции в районах промышленных строек, где будет разворачиваться сельское хозяйство
Актинометрический институт	Организовать необходимое количество актинометрических пунктов на Крайнем Севере с целью выяснения влияния светового режима на рост культурных растений в открытом грунте и под стеклом.
ВАСХНИЛ	Создание в ее системе НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера с сетью зональных станций (не менее 7-ми, в том числе в Мурманском округе)*, а также отделов Севера в соответствующих областных институтах реконструкции с/х
Отраслевые институты ВАСХНИЛ: • Институты механизации и электрификации с/х • Институт кормов • Институт животноводства • Овощной институт • Картофельный институт • Институт растениеводства • Институт мелиорации • Институт агропочвоведения и удобрений • Совхозный институт • Колхозный институт • Институт льна • Институт по проектированию с/х сооружений	• Изучение путем механизации и электрификации с/х Крайнего Севера на базе местных энергетических ресурсов • Изучение кормовых ресурсов Крайнего Севера • Изучение путей развития и улучшения животноводства на Крайнем Севере • Изучение условий тепличного и грунтового овощеводства на Крайнем Севере • Изучение условий продвижения на Крайний Север культуры картофеля • Изучение вопросов продвижения на север зерновых и технических культур • Изучение вопросов с/х мелиорации на Крайнем Севере • Изучение вопросов применения удобрений в сельском хозяйстве Крайнего Севера • Изучение типов комплексных совхозов на Крайнем Севере • Изучение вопросов коллективизации • Изучение вопросов продвижения льна в районы Крайнего Севера • Разработка типового проекта теплиц для Крайнего Севера

1	2
Всего: 15 отраслевых институтов и ВАСХНИЛ	Результаты работ предлагалось издать в виде сборников для использования их в практике и организационной работы на местах.
Наркоматы земледелия и труда СССР	Проработка вопросов о формах заселения, по развертыванию с/х строительства, об организации особого треста совхозов Крайнего Севера; подготовка сводки материалов по обследованным земфондам и плана работ по выявлению новых земфондов в районах Крайнего Севера в 1932 г.

* Сеть зональных станций, рекомендованных к открытию конференцией: в Мурманском округе – при совхозе «Индустрия»; в Северном крае – в Усть-Цыльме; в Уральской обл. – в районе Нарыкары; в Восточной Сибири – при совхозе Игарка; в Дальневосточном крае – в низовьях Амура, близ Мариинска (на Удильском земфонде); в Якутии – научно-учебно-производственного комбината на базе Мариинского совхоза; на Камчатке – учебно-производственного комбината и зональной станции на базе Петропавловского совхоза.

Как видно из материалов Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Севера, среди затронутых на ней проблем проблема сельского хозяйства рассматривалась в качестве одной из наиважнейших в деле освоения этой территории. Без ее разрешения овладение огромными природными ресурсами Крайнего Севера «практически будет крайне затруднено, а подчас и невозможно» [Проблемы Севера, 1933: 277]. Сельское хозяйство здесь должно явиться обслуживающей возникающие индустриальные центры (народнохозяйственные комплексы) отраслью, которая имеет своей задачей покрыть потребности местного населения преимущественно в овощах, картофеле и молочно-мясных продуктах и создать необходимую кормовую базу для молочно-мясного животноводства и гужевого транспорта [Проблемы Севера, 1933: 279]. Развитие и размещение промышленности на Крайнем Севере увязывалось с единым планом развертывания здесь сельского хозяйства, с учетом сельскохозяйственных возможностей различных агроклиматических зон. Намеченные в представленной выше резолюции конференции основные подходы и положения по вопросам развития полярного земледелия фактически стали для властных структур мобилизационной программой действия в этом направлении на ближайшие годы. Подтверждением сказанному может служить политическая платформа В. И. Межлаука, несомненно отражающая генеральную линию партии и озвученная им на итоговой I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил (в ряду конференций, которыми сопровождалась работа по пятилетнему плану на 1933–1937 гг.), проходившей в Москве осенью 1932 г. В своем выступлении председатель Госплана СССР недвусмысленно заметил, что государство придает большое значение решению проблем Севера и «уже готово наступать по всему фронту». Поэтому во втором пятилетии необходимо поставить «во весь рост проблему освоения советского Севера» [Тимошенко, 2013: 1]. В итоге именно план 1932 г. стал первым сводным планом развития сельского хозяйства Крайнего Севера [Проблемы Севера, 1933: 290–291].

От Хибинского опорного пункта Мурманской железной дороги к Полярному отделению ВИРа

Со свертыванием новой экономической политики страна перешла к форсированному строительству социализма. После десяти лет «отступления» и «маневра» основополагающими обозначениями социального порядка стали понятия «развертывание», «мобилизация», «наступление социализма по всему фронту». Коллективизация рассматривалась не иначе как военная кампания, руководство и победоносное осуществление которой было под силу лишь пролетарскому государству во главе с партией большевиков [Сталин, 1949: 215–216]. Неудивительно, что в таких условиях Мурманскому промышленно-транспортному и колонизационному комбинату в складывающейся системе хозяйственного управления место не нашлось. С его ликвидацией (Постановление СНК СССР от 02 ноября 1930 г. № 602 в) железная дорога, как и до 25 мая 1923 г., стала обычным средством передвижения.

Отныне в структуре дороги сельскохозяйственный опорный пункт в Хибинах, которому в 1920-е гг. отводилась важная роль в переселенческих функциях комбината, оказался лишним звеном. Зато в соответствии с поставленными хозяйственными задачами на вторую пятилетку его научно-практическая деятельность оказалась вполне востребованной в деле развертывания сельского хозяйства на всей огромной полосе Крайнего Севера страны. Хибинским агропунктом к началу 1930-х гг. были получены вполне определенные практические выводы о том, что в Мурманском округе и других близких по природным условиям районах Крайнего Севера можно иметь свои овощи и корма, а следовательно, и молоко. Однако намеченные приемы возделывания растений должны были быть проработаны и уточнены применительно к особенностям каждого отдельного района Крайнего Севера. Для будущей работы в области комплексного освоения Севера Хибинский опытный пункт мог явиться «учителем для других районов в такой скромной области, как сельское хозяйство» [Первая Полярная конференция, 2009: 172].

По постановлению Наркомата земледелия СССР Хибинский опытный пункт с 1 января 1931 г. был передан в систему Всесоюзного института растениеводства ВАСХНИЛ с реорганизацией его в Полярное отделение. В качестве приоритетной перед ПОВИР была поставлена задача изучения вопросов, связанных с продвижением растениеводства на весь Крайний Север СССР, главным образом, в разрезе растительных ресурсов и селекции. Ее выполнение потребовало коренной перестройки работы научно-исследовательского учреждения в Хибинах.

Жизнь требовала от немногочисленного персонала бывшего опытного агропункта разрешения в сжатые сроки сложнейших вопросов, а именно «устранения разрыва между темпами научно-исследовательской работы на Полярном отделении и его материально-технической базой, а также разрывом между обеспеченностью кадрами и возлагаемыми на отделение задачами общесоюзного значения». «Только устранение этих двух коренных недостатков, – резюмировал назначенный на должность директора ПОВИР И. Г. Эйхфельд, – позволит Полярному отделению развить необходимую по интенсивности работу по развитию растениеводства на всем Крайнем Севере и социалистической реконструкции местного хозяйства, к чему имеются предпосылки как в отношении накопленного опыта, так и в отношении наличных растительных ресурсов» [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 3].

О состоянии имеющейся на конец 1920-х гг. материально-технической базы заполярного учреждения можно судить по данным, которые представлены в журнале «Карело-Мурманский край» за 1929 г.: «Хибинский опытный пункт располагает 7 га культурной площади на минеральной почве и 8 га осушенного болота, часть которого находится под опытами. Построено два дома (для музея, лаборатории и жилья персонала), два летних домика на удаленных участках, сушильня, подвал для хранения картофеля и семенников огородных растений, сарай, конюшня и баня. Общими усилиями заинтересованных организаций создана и обслуживается крупнейшая на Кольском полуострове метеорологическая станция, являющаяся первой и единственной агрометеорологической станцией на Мурманском Севере. В нынешнем году заканчивается оборудование агрохимической лаборатории. Кольский филиал Хибинского опытного пункта располагает 3 га культурной площади. Собственных построек не имеет» [Эйхфельд, 1929: 23].

Еще нет здесь электричества и пишущей машинки, недостает теплиц, физиологической и биологической лабораторий, рабочих кабинетов, вегетационных домиков для физиологических работ и работ по растительным ресурсам защищенного грунта, навесов, общежитий и помещений для культурно-бытовых нужд и т.д. Налицо недостаток научно-производственных, жилых и хозяйственных построек и оборудования, что может стать «основным тормозом» в деятельности Полярного отделения. «На эту сторону, – отмечается в «Объяснительной записке к плану и смете ПОВИР на 1933 г.», – придется обратить особое внимание, иначе возможны большие перебои в развитии исследовательской работы и особенно в реализации достижений». Для обеспечения Полярного отделения в соответствии с запросами времени всем необходимым в 1932 г. были предусмотрены следующие средства: строительные кредиты (47 тыс. руб.), по смете ВИРа (95 тыс. руб.) [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3].

И хотя в начале 1930-х гг. возник научный городок ПОВИР: были сданы в эксплуатацию электростанция, химлаборатория, столовая, клуб, дом ИТР, 4 кв. дома для рабочих и другие жилищные и производственно-бытовые постройки [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 35. Л. 47], производственно-техническая и лабораторная база учреждения оставалась явно недостаточной. Так, передовица «Кировского рабочего» по этому поводу замечала: «И, что особенно характерно, вся беда здесь кроется не столько в слабом финансировании, сколько в недостаточном снабжении. Полярной станции нужны дефицитные материалы – стекло, оборудование для отопления теплиц, кирпич, известь, целлюлозная пленка и др. Нужны вагоны, чтобы доставлять этот материал из Ленинграда на место (любопытная деталь – на Полярной станции из-за отсутствия стекла, вот уже три года стоит недостроенной политермостатная теплица). Но ни дефицитные товары, ни вагоны Полярная станция в течение ряда лет не может достать потому, что она приравнена к рядовому опытному учреждению, не имеющему, якобы, никакого отношения к ударным предприятиям социалистической стройки» [Передовица (б. а.), 1935: 1].

Не менее злободневным для ПОВИРа являлся вопрос об обеспеченности стационара квалифицированными кадрами. Согласно приказу № 40 по ВИРу от 6 марта 1931 г. (за подписью директора Ушакова и управделами Астафьева) в связи с созданием его нового подразделения временно до утверждения общего институтского штата устанавливался штат Полярного отделения в количестве 10 единиц в следующем составе:

Таблица 4

Штат Полярного отделения ВИРа (06 марта 1931 г.)
[ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 2. Д. 2. Л. 22]

Должность	Оклад в месяц	Кол-во единиц	Кем занята должность
Директор отделения	300	1	Эйхфельд И. Г.
Научные сотрудники	175	3	Ольховикова Л. А. Хренникова М. М. Ефимов П. Е.
Техник	90	1	Вакансия
Завхоз	120	1	Вакансия
Счетовод	85	1	Вакансия
Ст. рабочий	75	1	Неклюдов Г. Ф.
Рабочий	55	1	Исаков С. М.
Уборщица	50	1	Вакансия

Данные таблицы свидетельствуют о том, что старейшее научное учреждение Хибин в период своей реорганизации столкнулось с кадровой проблемой, которая, безусловно, не ограничивалась на тот момент наличием только четырех штатных вакансий.

В «Объяснительной записке к плану и смете ПОВИР на 1933 г.» Эйхфельд вскрыл всю глубину и пагубные последствия нехватки кадров для станции: «В результате крайней перегруженности научного персонала, состоящего из директора и одного научного сотрудника (к этому времени Л. А. Ольховикова и М.М. Хренникова сменили место работы), страдала не только экспериментальная работа, но и опубликование результатов работы, для устранения этого предусматривается увеличение штата 4 научными работниками и 3 техниками (подготовку последних планировалось осуществлять на месте), а также освобождение двух самых старых научных работников отделения от хозяйственно-организационной работы. Слабость и недостаток хозяйственного аппарата является основным тормозом в работе ПОВИР в течение последних лет. Поэтому намечается значительное усиление хозяйственной части постоянным кадром работников как зав. хозяйством, делопроизводитель, кладовщик, моторист и столяр. Трудность получения сезонной рабочей силы побуждает усилить штат постоянных рабочих, которые находят полное использование в зимнее время на лесо и торфозаготовках и прочих работах [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

В разрешении поставленных задач наметились три основные тенденции:

1. С первых шагов в деятельности Полярного отделения отчетливо проявилась устойчивая динамика роста его кадрового потенциала. Уже на 01 сентября 1932 г. штат ПОВИР насчитывал 21 чел. По неполным данным в 1933 г. его ряды пополнило еще не менее 15 чел., в основном это были производственные рабочие и младший обслуживающий персонал [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 8].

2. Рост трудовых ресурсов учреждения неизбежно сопровождался изменениями в структуре кадров, ее усложнением, дифференциацией и бюрократизацией управленческого аппарата. Примером этому может служить целый ряд архивных документов: тарифное соглашение от 10 января 1932 г., подписанное председателем месткома союза животноводческих совхозов при совхозе «Индустрия» Мурманского округа Масленовым и директором ПОВИР Эйхфельдом и устанавливающее ставки зарплаты для рабочих, научных работников и служащих Полярного отделения с 1 января 1932 г. [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 2. Д. 2. Л. 19], годовые отчеты учреждения, докладные записки местных партийных органов о работе ПОВИРа [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 127. Л. 32–33], акты сдачи и приемки Полярного отделения от выбывшего директора В.В. Лукашевича к вновь назначенному Т. Е. Павленко [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 46. Л. 15–17] и др. Из перечисленных первоисточников, в частности, следует, что с 1 мая 1933 г. с выделением в управленческой структуре ПОВИР должности зам. директора по научной части научное руководство было возложено на И. Г. Эйхфельда (что, впрочем, соответствовало его известным пожеланиям). Обязанности же директора учреждения на протяжении нескольких лет (с 1933 по 1935 гг.) исполняли сначала бывший работник ВИРа В. В. Лукашевич, а затем Т. Е. Павленко. К моменту же возвращения Эйхфельда на прежнюю должность в кадровом составе Полярного отделения, согласно отчетным данным, сложилась следующая система подразделений: научные сотрудники (старшие и младшие), вспомогательный технический персонал, административно-управленческий персонал, производственные рабочие и, наконец, младший обслуживающий персонал.

3. Заметную роль в обеспечении кадрами заполярного стационара ВИРа сыграло его головное учреждение. Так, уже из первого его выпуска аспирантов (1932 г.) согласно приказу по институту за № 184 от 29 сентября 1932 г. Смирнова М.И. была направлена на Полярное отделение ст. Хибинского научным сотрудником по физиологии с 01 октября 1932 г. с установлением оклада на месте [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 2. Д. 4. Л. 17]. Научные исследования в области картофелеводства, физиологии растений и ягодных культур в Хибинах возглавили ученые ВИРа: ученые специалисты И. А. Веселовский, В. И. Разумов и ст. научный сотрудник А. П. Русалеев. На его базе также проходил переподготовку вспомогательный технический персонал Полярного отделения.

Взаимодействие заполярного стационара со своим головным институтом позволило к концу 1933 г. достигнуть положительных результатов в решении кадровой проблемы. Изменения, произошедшие в этом направлении, показаны на таблице 5.

Как показывает таблица 5, а также не включенные в нее архивные сведения по таким категориям работников ПОВИР, как производственные рабочие и младший обслуживающий персонал, перед нами предстает обновленный более чем на 90 % коллектив хибинцев, в большинстве своем прибывших из сельской глубинки. Исключение составляли административный персонал и научные работники, преимущественно являвшиеся посланцами Ленинграда. Притоку и закреплению кадров на Мурмане не в последнюю очередь способствовали установленные здесь льготы. Специалисты, прослужившие свыше 3-х лет в Мурманском округе и в районах, причисленных к отдаленным местностям, получали 10 % доплаты к основной ставке [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 2. Д. 2. Л. 19].

Таблица 5

Персонал Полярного отделения ВИРа (1933 г.)
[ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 2. Д. 4. Л. 8]

Ф.И.О.	Год рождения	Социальное происхождение	Время поступления	Должность
Административно-управленческий персонал				
1. Лукашевич Василий Васильевич	1897	Мещанин	01.05.1933 г.	Директор
2. Эйхфельд Иоганн Гансович	1893	Мещанин	01.04.1923 г.	Научный руководитель
3. Неклюдов Григорий Федорович	1898	Крестьянин	01.12.1926 г.	Завхоз
4. Семеров Николай Федорович	1896	Служащий	01.02.1932 г.	Бухгалтер
5. Кузисерова Таисия Николаевна	1910	Крестьянин	13.07.1933 г.	Делопроизводитель
Научные сотрудники				
6. Ефимов Петр Ефимович	1903	Крестьянин	01.01.1931 г.	Науч. сотrud.
7. Смирнова Мария Ивановна	1904	Рабочий	01.10.1932 г.	Науч. сотrud.
8. Быковский Валентин Яковлевич	1907	Крестьянин	01.06.1933 г.	Науч. сотrud.
Вспомогательный технический персонал				
9. Онохин Данила Федорович	1914	Крестьянин	27.05.1931 г.	Техник
10. Якобсон Юлия Германовна	1902	Служащий	20.08.1931 г.	Техник
11. Бочарова Валентина Ивановна	1906	Крестьянин	01.01.1932 г.	Техник
12. Косицина Параскева Васильевна	1897	Служащий	04.04.1932 г.	Техник
13. Родин Петр Васильевич	1903	Крестьянин	04.05.1932 г.	Техник
14. Скородумов Александр Ефимович	1906	Крестьянин	25.05.1932 г.	Техник

*В таблицу не включены производственные рабочие и младший обслуживающий персонал.

Складывание постоянных кадров на ПОВИРе послужило предпосылкой для развития здесь основных направлений научных исследований и соответствующих им подразделений. С 1932 г. научная часть Полярного отделения приняла следующую организационную структуру:

Таблица 6

Основные направления работ ПОВИР [Эйхфельд, 1933: 28, 39, 45]

Структурные подразделения	Состав	Задачи
1. Сектор растительных ресурсов в составе 4 групп: кормовых, овощных, зерновых культур и картофеля	Руководители: И. Г. Эйхфельд и И. А. Веселовский. В.Я. Быковский, В.И. Бочарова, П.В. Косицына, П.В. Родин	Нахождение и выведение пригодных для возделывания на крайнем севере набора растений как из возделываемых, так и дикорастущих
2. Сектор агрофизиологии	Руководитель: В. И. Разумов. Н. И. Смирнова, Ю. Г. Якобсон	Изучение поведения возделываемых растений в необычных для них условиях приполярной зоны (влияние полярного дня, низких температур), а также изыскание путей активного воздействия на растения в целях повышения скороспелости и урожайности
3. Сектор агротехники	Руководитель: П. Е. Ефимов. А. Е. Скородумов, Д. Ф. Онохин	Изучение вопросов культуры болот. Работы по агротехнике отдельных культур (прежде всего, картофеля) на болотных и минеральных почвах

В плане научно-исследовательской работы Полярного отделения на 1933 г. перед сотрудниками заполярного учреждения была поставлена для разрешения важнейшая народнохозяйственная проблема – «проблема продовольственного обслуживания промыслового и промышленного населения Крайнего Севера, социалистической реконструкции хозяйства северных народностей СССР» [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 25]. Работа над ней осуществлялась по заданию ВИРа по двум направлениям:

1) выведение нового, пригодного к условиям Крайнего Севера сортового материала (5 тем, проработка которых осуществлялась для Наркомзема СССР и Комитета Севера при участии Сектора растительных ресурсов ВИРа, совхозов Хибинского ЗРК и Комсеверпути);

2) изучение методов воздействия на растения и среду в целях продвижения растениеводства на Север (18 тем, проработка которых осуществлялась для Наркомзема СССР при участии Секторов физиологии и агротехники, Отдела генетики и селекции ВИРа) [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–29].

Исследования, выполняемые на Полярном отделении в рамках секторов растительных ресурсов и агрофизиологии, финансировались по госбюджету, ставшему к этому времени основным источником финансирования учреждения. Агротехническая же работа при тогдашней дифференциации научно-

исследовательских институтов не входила в задачи ВИРа. Все возрастающие запросы производства заставили Наркомзем СССР перейти к созданию на Севере зональных опытных станций. Первая такая станция была организована в 1932 г. в Мурманском округе при совхозе «Индустрия» (первоначально научно-исследовательский опорный пункт Наркомзема РСФСР, реорганизованный в 1933 г. в Мурманскую комплексную сельскохозяйственную зональную опытную станцию). Полярным отделением ВИРа, ввиду отсутствия достаточно подготовленных кадров на местной зональной станции и желательности иметь материал по опытам, заложенным в предыдущие годы за более продолжительный период времени, агротехнические опыты в Хибинах не были прекращены и производились вплоть до 1935 г. на средства по линии Ленинградского областного бюджета и ряда хозяйственных организаций. В 1935 г., когда выяснилось, что за отсутствием необходимой материальной базы и кадров Мурманская комплексная станция не справляется со своими задачами, Ленинградскими областными органами было предложено Полярной опытной станции вновь расширить агротехнические исследования. С 1936 г. эти работы были приняты на госбюджет, приглашен квалифицированный работник и исследовательские работы начаты в крупнейших совхозах области [ГОКУ ГАМО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 74. Л. 3–4].

Работами Полярного отделения в первой пятилетке были освещены основные приемы первичного освоения диких северных земель, установлены основные принципы удобрения почв, особенно осушенных болот, выявлен видовой и сортовой состав растений, пригодных для возделывания в суровых условиях Крайнего Севера, и установлены некоторые агротехнические приемы возделывания. Совхоз «Индустрия», руководствуясь данными Полярной станции, уже в начале 1930-х гг. «блестяще доказал на практике возможность широкой культуры за полярным кругом овощей, корнеплодов, клубнеплодов и кормовых трав» [Вавилов, 1936: 11]. Выводы научно-производственной работы Полярного отделения позволили во второй пятилетке социалистического строительства поставить в порядок дня организацию на Севере местной продовольственной базы для развернувшихся к тому времени крупных промысловых и промышленных строек.

ПОВИР активизировало большую консультационную работу по совхозному строительству на Крайнем Севере, особенно в Мурманском округе и на территории Беломорско-Балтийского комбината, начиная с обследования площадей, отводимых под совхозы, и кончая составлением планов освоения и выбора севооборотов. Работники Полярного отделения ВИРа оказывали помощь в работе местным земельным и плановым органам (например, Мурманскому окружному и Ленинградскому областному земельным управлениям, Областной плановой комиссии и т. д.).

Зимой 1932–1933 гг. И. Г. Эйхфельд принял участие в работах конференции по Северу при Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина, где он сделал доклад, по которому были разработаны конкретные мероприятия развития растениеводства в северных условиях. Полярное отделение принимало большое участие в разработке организационных мероприятий по созданию сети сельскохозяйственных опытных учреждений на Крайнем Севере. К середине 1930-х гг. вслед за Кольским полуостровом начали быстро развиваться в хозяйственном отношении и другие арктические районы СССР. В ряде мест

начали работать опытные сельскохозяйственные станции и опорные пункты: Нарьян-Марская станция на Печорском Севере, Салехардская станция на Обском Севере, Игарская станция, Туруханский и Дудинский пункты на Енисейском Севере, Верхоянский и Булунский пункты в Якутии, Марковский пункт на Чукотском п-ове. В начале 1936 г. в ВАСХНИЛ проходило первое совещание работников опытных станций и опорных пунктов районов Крайнего Севера. Уже одно то, что на этом совещании присутствовали представители 19 опытных учреждений, открытых в дальних северных точках, свидетельствовало о том, что идеи Эйхфельда, намеченные в докладе Комиссии при Госплане в 1931 г., получили реальное воплощение. Президиум ВАСХНИЛ вынес постановление о создании при академии Комиссии по Крайнему Северу, председателем которой был избран Эйхфельд [Ложечко, 1969: 85–86]. Неудивительно, что специалисты ПОВИР в дальнейшем принимали деятельное участие в составлении грандиозного плана, намеченного Главным управлением Северного морского пути, по развитию сельского хозяйства в Арктике [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 21. Л. 39].

Вместе с созданием новых промышленных центров на Крайнем Севере страны преобразилось и Полярное отделение ВИРа: крепла его материально-техническая база, здесь появились новые кадры, в разы вырос бюджет (для сравнения, если в 1923 г. он составлял всего 300 руб., то через десять лет уже 200 тыс. руб.) [Эйхфельд, 1933: 46]. Своеобразным признанием заслуг и перспектив развития ПОВИРа стало обращение в 1933 г. Мурманского окружного исполнительного комитета в правительство с ходатайством о реорганизации Полярного отделения ВИРа в самостоятельный Институт полярного земледелия. И хотя этого не случилось, скромному учреждению в Хибинах «суждено было сыграть большую роль в развитии земледелия Крайнего Севера. Работы Полярной станции открыли полную возможность земледелия за полярным кругом» [Вавилов, 1936: 11].

Выводы

1. До начала 1930-х гг. сельскому хозяйству на Крайнем Севере не уделялось достаточного внимания. В плановых проектировках Север особо не выделялся. Работа по общему планированию развития хозяйства Крайнего Севера Наркомземом и Госпланом была начата лишь в 1931 г.

2. Усилиями науки и власти к концу первой пятилетки (1929–1932) была обоснована и поставлена «во весь рост» проблема сельскохозяйственного освоения северных территорий. План 1932 г., по существу, стал первым сводным планом развития сельского хозяйства Крайнего Севера.

3. На рубеже 1920–1930-х гг. Хибинский опытный пункт в связи с планами советского государства по размещению производительных сил на Севере реорганизуется в Полярное отделение ВИРа, развернувшее свои работы по организации на научной основе в районах промышленных новостроек Крайнего Севера местной продовольственной базы.

Список сокращений

ВИР – Всесоюзный институт растениеводства

ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ЗРК – закупочно-снабженческий и распорядительный кооператив

ИТР – инженерно-технический работник
Комсеверпуть – Комбинат Северного морского пути
Наркомзем СССР – Народный комиссариат земледелия Союза Советских Социалистических Республик
Комсеверпуть – Комбинат Северного морского пути
ПОВИР – Полярное отделение ВИР
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
сев. шир. – северная широта
СНК – Совет народных комиссаров
ЦК ВКП (б) – Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии большевиков

Список источников

Архивные материалы

ГОКУ ГАМО. Ф 1-П. Оп. 1. Мурманский обком КПСС.
ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Кировский (до 1934 г. Хибинский) городской (с 1935 г. районный) комитет партии.
ГОКУ ГАМО. Ф Р-177. Оп. 1. Земельное управление исполкома Мурманского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов, г. Мурманск. 1926–1937.
ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 1–2. Полярное отделение Всесоюзного института растениеводства.
ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-194. Оп. 1. Архивная коллекция документов об освоении Кольского полуострова и строительстве города Кировска (Хибинского). 1920–2006.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Президиум Ордена Ленина Кольского научного центра Российской академии наук.

Периодические издания

Передовица [б.а.] // Кировский рабочий. 1935. 20 мая. С. 1.
Эйхфельд И. Г. Сельскохозяйственные возможности на севере Карело-Мурманского края // Карело-Мурманский край. 1929. № 2. С. 23.

Список литературы

Вавилов Н. И. Наука и социалистическое земледелие // Научно-агрономический журнал. 1930. Т. 7, № 5-6. С. 339–344 (а).
Вавилов Н. И. О реконструкции научно-исследовательской работы в соответствии с запросами социалистического сельского хозяйства: Речь на I Пленуме ВАСХНИЛ // Социалистическое земледелие. 1930. 18 мая. С. 1 (б).
Вавилов Н. И. Проблема северного земледелия. Материалы Ленинградской чрезвычайной сессии Академии наук СССР 25–30 ноября 1931 г. / Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 15с.
Вавилов Н. И. Советское научное растениеводство // Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М.: Государственное изд-во колхозной и совхозной литературы «Сельхозгиз», 1936. С. 3–11.

Кирилина А. А. Неизвестный Киров. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 543 с.

Киров С. М. Статьи и речи. Л.: Партиздат, 1934. 192 с.

Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк (в двух томах). Т. 2. (1917–1976). М.: Наука, 1977. 455 с.

Ленинградские большевики между XVI и XVII съездами ВКП (б). Л.: Ленпартиздат. 1934. 413 с.

Ложечко А. Б. Пионер северного земледелия. М.: Политиздат, 1969. 110 с.

На пути к обновлению земли. Сб. статей, посвященный 75-летию И. Г. Эйхфельда. Таллинн: Валгус, 1968. 320 с.

Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1987. 488 с.

Первая Полярная конференция по вопросам комплексного использования Хибинской апатитонефелиновой породы (9–12 апреля 1932 года). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2009. 324 с.

Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись. 1930–2010. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2011. 320 с.

Петров В. П., Макарова Е. И., Токарев А. Д. Кольский Север: к истории взаимоотношений государства и науки // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 3 (31). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2012. С. 45–54.

Проблемы Севера: Сб. ст. Т. 8: Труды первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил СССР. М.: Изд-во общества изучения «Советской Азии», 1933. 421 с.

Сталин И. В. Ответ товарищам колхозникам // Соч. Т. 12. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1949. С. 202–228.

Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б). 26 января 1934 г. // Соч. Т. 13. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 282–379.

Тимошенко А. И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного морского пути в 1930–1950-е гг. // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 1–19.

Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: МГПУ, 2009. 388 с.

Эйхфельд И. Г. Борьба за Крайний Север. Краткие итоги работы ПОВИР. 1923–1933. Л.: Изд-во ВИРа, 1933. 45 с.

Сведения об авторах

Дюжилов Сергей Александрович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Богдан Яна Евгеньевна,

старший лаборант Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Djuzhilov Sergej Aleksandrovich,

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

Bogdan Ya.Ye,

Senior Research Assistant of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 908(470.21)

С. М. Салимова

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В КИРОВСКЕ В 1930-е ГОДЫ

Аннотация

В статье рассмотрены история появления первых учреждений культуры и особенности развития культуры в 1930-е годы в г. Кировске (бывшем Хибиногорске), ставшем местом массового размещения спецпереселенцев.

Ключевые слова:

Кировск, Хибиногорск, городская культура, учреждения культуры, спецпереселенцы, спецпоселение, Хибиногорский горком ВКП (б), Ленинград, национальный состав.

S. M. Salimova

FEATURES OF THE CULTURE IN KIROVSK IN 1930-IES

Abstract

The article describes the history of the first appearances of cultural institutions, the features of the development of culture in Kirovsk (Khibinogorsk) in 1930-ies, due to the fact that the town of Kirovsk was a place of mass properties of special settlers.

Key words:

Kirovsk, Khibinogorsk, urban culture, cultural institutions, the special settlers, the special locality, Khibinogorsk City Committee of VCP (b), Leningrad, the national composition.

Источниковая база рассматриваемой темы представлена документами Кировского городского комитета (горком) КП РСФСР, Кировского районного и городского Советов народных депутатов Мурманской области.

Важные сведения по интересующим нас вопросам имеются также в документах отдела образования Кировского горисполкома, так как до 1945 года культурно-просветительская работа входила в компетенцию органов и учреждений образования.

1930-е годы в истории Кировска – чрезвычайно интересный период, когда закладывались основы социально-экономического развития города, создавались учреждения торговли, общественного питания, медицинского обслуживания, образования, культуры, коммунального хозяйства.

Поразителен размах строительства, развернувшегося в Хибинах: в эти годы был создан рудник, возведена обогатительная фабрика, открыты Нивские ГЭС, обеспечившие энергетическую базу тресту «Апатит», построены жилые дома, больницы, школы.... Впечатляют не только масштабы, но и темпы работ: в Хибинах за недели и месяцы строилось то, на что в других исторических условиях ушли бы годы.

Но осуществлялось не только масштабное промышленное строительство, что, в общем-то, понятно, учитывая те задачи, какие были поставлены

правительством страны перед создателями Хибинского промышленного узла. Обращаясь к архивным документам, читая воспоминания первостроителей города, поражаешься тому, как решались вопросы по созданию условий для полной и содержательной жизни хибингорцев.

В первой половине 1930-х годов, несмотря на нерешенность жилищных условий, когда на каждого проживающего приходилось чуть больше 2 м² жилья, абсолютную бытовую неустроенность, низкий уровень медицинского обслуживания, наблюдается широкий размах культурного строительства. Можно с полной уверенностью сказать, что уже к середине 1930-х годов в Кировске была создана мощная социально-культурная инфраструктура.

Этому, конечно, есть свое объяснение. На наш взгляд, основными факторами, определившими особенности развития сферы городской культуры в эти годы, являются: во-первых, то, что район промышленного строительства в Хибинах оказался в числе регионов, где происходил прием, расселение, хозяйственно-бытовое обустройство и трудовое использование высланных, так называемых спецпереселенцев; во-вторых, тот факт, что строящийся город согласно административно-территориальному делению тех лет входил в состав Ленинградской области, и, как следствие, происходило активное участие ленинградцев в культурной жизни молодого города; и третий фактор – пестрота национального состава населения Кировска.

Рассмотрим подробнее сначала первое обстоятельство, во многом определившее развитие культуры в городе.

Итак, согласно переписи населения, на 25 октября 1931 года в Хибингорске и его поселках было уже 24485 жителей, из них 16814 спецпоселенцев, то есть почти 70 % населения [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–116].

Политика «ликвидации кулачества как класса» в процессе ее осуществления представляла две стороны сложного и противоречивого процесса: репрессивную (разорение крестьянских хозяйств и депортацию раскулаченных семей в регионы спецпоселений) и созидательную (трудовое использование, хозяйственное устройство и социально-культурное «обслуживание» спецпереселенцев).

С момента прибытия раскулаченных семей в места спецпоселений началось осуществление второй, более сложной стороны политики «ликвидации кулачества как класса». Сущность ее состояла в «трудовом, идейно-политическом и социально-культурном перевоспитании бывших кулаков». Как можно прочесть в отчетном докладе Хибингорского горкома ВЛКСМ за 1932 год, «политика ликвидации кулачества как класса не исчерпывается раскулачиванием и выселением кулаков из деревни. Существенной и более трудной частью политики ликвидации кулачества является трудовое и политическое перевоспитание поселенцев в созданных из них в принудительном порядке колонизационных поселках на Апатитовых разработках» [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 6. Л. 5].

Основная цель массово-политической, культурно-просветительской работы среди спецпереселенцев состояла в формировании у них нового социалистического мировоззрения. И поэтому борьба за идейное влияние на спецпереселенцев, за «переделку» их сознания и культурное развитие как важнейшей части переделки сознания находилась в центре внимания работы партийных, советских и комсомольских органов.

Значительная роль государственных, партийных, комсомольских органов в создании культурно-бытовых условий для спецпереселенцев являлась особенностью спецпоселков как на стадии их образования, так и дальнейшего развития.

Для координации работы среди спецпереселенцев в апреле 1932 года при горсовете был создан специальный руководящий центр – политпросветцентр (ППЦ), 15 июля 1932 года при Хибиногорском ГК ВКП (б) – сектор по работе со спецпереселенцами и 1 ноября 1932 года – сектор при ГК ВЛКСМ по работе со спецпоселенческой молодежью [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 59. Л. 12].

Бюро Хибиногорского горкома партии ежегодно заслушивало на своих заседаниях отчеты о культурно-просветительной работе и намечало пути ее дальнейшей активизации.

Важными для развития сферы культуры были вопросы финансирования. На обустройство спецпоселков централизованно выделялись, пусть и небольшие, денежные средства. Кроме того, культпросветучреждения, входившие в систему политпросветцентра, содержались на средства, получаемые от двухпроцентных отчислений из заработной платы спецпереселенцев. Эти обстоятельства, как ни парадоксально, способствовали созданию в спецпоселках культурно-бытовых условий, которые в те годы не всегда были доступны обычным поселениям [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 60. Л. 4об].

Культурно-просветительная работа в первые годы проходила в достаточно сложной морально-политической обстановке. Люди, безжалостно оторванные от родных мест, голодные и полураздетые, преодолевали нечеловеческие трудности и страдания. Трудно было ждать от них лояльности по отношению к власти. В популярной в народе форме песенного творчества, в частушках, отражались мысли и чаяния людей:

«Голубая моя кофта на снегу разостлана,
Я молоденька девчонка в Апатиты сослана.
В Апатитах жить не дома, на печи не полежишь,
Молочка не похлебаешь и домой не убежишь»
[ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 59. Л. 39].

В обстановке острой социальной напряженности партийные, советские, комсомольские органы проводили культурно-просветительную и политико-воспитательную работу.

Первые 3 года закладывалась материально-техническая база культурно-просветительной работы: строились культпросветучреждения, изыскивались помещения для клубов, красных уголков и библиотек.

Кроме клубов и библиотек в первые годы строительства города в Хибиногорске были открыты еще несколько учреждений культуры. Назовем их.

В феврале 1932 года был создан театр рабочей артистической молодежи (ТРАМ), который в первый же год своего существования подготовил несколько политобзрений, кукольное представление к 1 Мая, два больших спектакля [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 26. Л. 7].

В августе того же 1932 года в Хибиногорске была открыта вечерняя рабочая консерватория (ВРК). По своему первоначальному замыслу консерватория мыслилась как «низшее, но профессиональное учебное заведение», то есть должна была готовить музыкантов и исполнителей. Но еще

одна – и более важная – задача стояла перед консерваторией: охват широких масс трудящихся, организация их досуга и повышение их культурного уровня. Для решения этой задачи консерватория была превращена в массовую организацию, и в ней были открыты отделения: хоровое, вокальное, фортепианное, организованы духовой оркестр, оркестры великорусских и неаполитанских инструментов. Из Ленинграда для консерватории был даже привезен рояль, два новых пианино, новый баян, скрипки, виолончель.

Рис. 1. Первый клуб горняков, где в 1932 г. начал работу театр рабочей артистической молодежи

Согласно постановлению Бюро горкома ВКП (б) от 25 января 1932 года состав учащихся необходимо было укомплектовать из рабочих ударников на 75 %, остальные 25 % – из служащих и специалистов. Количество учащихся консерватории из числа поселенцев не должно было превышать 20 % от общего количества [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 26. Л. 8].

Достаточно вспомнить, что в начальный период строительства Хибиногорска, самый трудный и тяжелый, когда люди жили еще в палатках, землянках, шалманах (последняя палатка ликвидирована 4 октября 1932 года), Хибиногорский горсовет 29 сентября 1931 года принял решение о начале строительства кинотеатра [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 13. Л. 17]. И ровно через один год – 7 ноября 1932 года – состоялось открытие кинотеатра «Большевик». Это был настоящий дворец, первый звуковой кинотеатр на Кольском полуострове, на тот период времени – один из крупнейших в Союзе.

Рис. 2. Кинотеатр «Большевик» начал работу 7 ноября 1932 г.

Кинотеатр «Большевик» сразу же превратился в главный центр культурной жизни жителей города. В феврале 1933 года в кинотеатре проходил 1-й общегородской слет по организации рабочего досуга. Здесь проводились все самые важные городские мероприятия, и не только культурного плана. Так, здесь проходила первая конференция специалистов треста, ученых Кольской базы Академии наук и представителей научных учреждений страны по вопросам комплексного использования апатит-нефелиновых руд.

В 1932 году в городе появился Парк культуры и отдыха, в котором проводились различные массовые мероприятия, работала читальня с посещаемостью 200 чел. в день.

Рис. 3. Открытая эстрада в парке культуры и отдыха

В августе 1933 года в г. Хибиногорске был создан детский педагогический театр кукол и игр [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1. Л. 64]. Это был первый на Кольском полуострове профессиональный кукольный театр. Несколько лет, до начала Великой Отечественной войны, кукольники готовили и показывали свои спектакли не только в Хибиногорске-Кировске, но и выезжали в города Мончегорск, Кандалакша и Мурманск. Впоследствии этот театр стал областным кукольным театром.

Следующим этапом в развитии учреждений культуры в Хибинах можно считать открытие в октябре 1934 года Дома художественного воспитания детей (ДХВД). В приказе заведующего Кировским горнозаводом от 25 октября 1934 года № 96 читаем: «Работу Дома художественного воспитания и самодеятельности в 1934–1935 уч. г. организовать в плане двух отделений: детского и взрослого» [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 3. Л. 21]. Здесь не только обучали музыке, но были открыты также классы балета, изобразительного искусства, литературы. Большое внимание педагоги Дома художественного воспитания детей уделяли выявлению одаренных детей и развитию их способностей и талантов. В ДХВД был создан музей детского художественного творчества, где были представлены работы детей и взрослых в области живописи, художественный лепки, вышивки, резьбы, а также литературное творчество детей и т. д.

В 1934 году появилось еще одно учреждение культуры: было сдано в эксплуатацию здание Клуба горняков на 25 км. 6 ноября 1934 года в новом здании проходило торжественное заседание Совета, посвященное 17-й годовщине Октября, а 7 и 8 ноября, как сообщала газета, «горняки будут культурно отдыхать в просторном, залитом электросветом здании, будут смотреть постановку ленинградских артистов» [Хибиногорский рабочий].

Рис. 4. Клуб горняков в поселке Кукисвумчорр. 1934 г.

Таблица 1

Сеть культпросветучреждений г. Хибиногорска-Кировска
в первой половине 1930-х гг.

Наименование	Кол-во	Примечание
Клубы	4	Базовый клуб 20 км; Клуб 23 км; Клуб разъезда Титан; Клуб совхоза «Индустрия»
Клуб Горняков	1	25 км. Здание введено в эксплуатацию 5 ноября 1934 г.
Красные уголки	13	
Библиотеки	17	6 стационарных; 10 передвижек; Читальня в Парке культуры и отдыха
Вечерняя рабочая консерватория	1	18 августа 1932 г. состоялось торжественное открытие
Театр рабочей артистической молодежи (ТРАМ)	1	Создан 1 февраля 1932 г.
Кинотеатр «Большевик»	1	7 ноября 1932 г. Первый звуковой кинотеатр в Мурманской области
Дом-музей С. М. Кирова	1	Открытие состоялось 1 мая 1935 г.
Дом техники	1	1935 г.
Самодетельные кружки при клубах	34	Драматический, хоровой, музыкальный, ИЗО, краеведческий, кройки и шитья

Другой особенностью развития культуры в г. Кировске в рассматриваемый период было влияние ленинградцев на ее развитие. Нельзя не отметить, что атмосфера культурной жизни города была буквально пропитана ленинградским духом и стилем. Именно ленинградские организации помогли создать вечернюю рабочую консерваторию, театр рабочей артистической молодежи, выступления которых пользовались большой популярностью. Из Ленинграда в Хибиногорск приехали Я. Плаксин, режиссер и идейный руководитель ТРАМа, и В. Подобедов, художественный руководитель и режиссер кукольного театра.

Город Ленинград оказывал и большую шефскую помощь в работе учреждений культуры. Старательно обслуживал хибиногорцев ГОМЭЦ – так сокращенно именовалось тогда Государственное объединение музыки, эстрады и цирка. Из воспоминаний ветерана освоения Севера Семячкина Павла Петровича (он был направлен в 1932 году Ленинградским обкомом ВКП (б) в Хибин) мы узнаем, что, например, Выборгский Дом культуры в г. Ленинграде шефствовал над Клубом горняков имени Кирова. В Хибиногорск из Ленинграда приезжали артисты, которые выступали прямо в забоях, на строительных площадках, в цехах.

Можно смело сказать, что ленинградцы в начальный период строительства в Хибингорске составляли ядро не только промышленных, но и культурных учреждений.

Преподаватели в консерватории и Доме художественного воспитания детей в большинстве своем являлись ленинградцами. С большой благодарностью и искренней любовью бывшие ученики детской музыкальной школы г. Кировска и сегодня вспоминают великолепного преподавателя по классу рояля и замечательного человека бывшую петербурженку Анастасию Георгиевну Андрееву. Традиционный конкурс пианистов в Детской школе искусств города Кировска посвящается памяти Анастасии Георгиевны Андреевой.

Следует назвать еще одно имя. Пять лет – с 1937 по 1942 годы – в г. Кировске жил и преподавал в Доме художественного воспитания детей Александр Семенович Розанов. Выпускник Петербургской консерватории, талантливый пианист, композитор, Александр Розанов сразу оказался в центре музыкальной жизни не только города, но и всей Мурманской области. Он активно занимался сочинением музыки, выступал как исполнитель и концертмейстер, как музыкальный просветитель печатал статьи в газете «Кировский рабочий». За годы работы в Кировске А.С. Розанов создал две детские оперы – «Веселый портняжка» и «Сережа Костриков». Силами преподавателей и учащихся музыкальных классов эти оперы были поставлены в ДХВД. В ходе работы над постановкой этих детских опер сложился коллектив первого городского симфонического оркестра под управлением Г. А. Патрашова. С этими постановками коллектив выступал не только в Кировске, но и в поселках и городах Мурманской области.

В знак признания заслуг и выражения благодарности за плодотворный труд педагога и просветителя решением Кировского городского Совета депутатов от 27 января 2004 года муниципальному образовательному учреждению дополнительного образования детей «Детская школа искусств № 1» присвоено имя композитора и искусствоведа Александра Семеновича Розанова [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 43. Л. 74].

Что касается вопроса о влиянии национального состава населения на развитие городской культуры, то, на наш взгляд, вопрос этот надо рассматривать, с одной стороны, в аспекте взаимного влияния народностей друг на друга, взаимопроникновения национальных культур (это происходило неизбежно при той скученности проживания, которая наблюдалась в те годы), а с другой стороны, в аспекте культурного обслуживания представителей национальных меньшинств.

В числе жителей г. Хибингорска в 1931 году кроме русских, украинцев и белорусов проживали болгары, молдаване, литовцы, латыши, немцы, норвежцы, шведы, финны, эстонцы, карелы, лопари, зыряне, вотяки, чуваша, мордва, татары, киргизы, башкиры, узбеки, китайцы, корейцы, греки, евреи, армяне.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы дают основание полагать, что в 1930-е годы проводилась определенная работа с инонациональностями, хотя и не достаточная, она была слабым участком работы ППЦ. Главная причина заключалась в отсутствии работников в аппарате ППЦ, знающих национальные языки, хотя в его структуре и был предусмотрен

сектор по работе с ионациональностями. Основные усилия направлялись на снабжение их представителей книгами, газетами, журналами на национальных языках (это тоже происходило через ленинградские организации) [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 60. Л. 7об.]. Прежде всего проводилась работа по линии политического воспитания, ликвидации неграмотности, обучения русскому языку, незнание которого часто создавало трудности как в процессе производства, строительства, так и в отношениях между рабочими различных национальностей.

Таблица 2

Наиболее многочисленные группы народностей,
проживающих в г. Хибиногорске в 1930-е гг.
[ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–116]

Народность	Количество	% от всего населения	Количество грамотных
Русские	18428	72,27	12244
Украинцы	1750	7,15	1251
Финны	1205	4,92	869
Эстонцы	775	3,17	573
Белорусы	640	2,61	424
Немцы	391	1,6	334
Татары	283	1,14	135

В городе создавались группы по ликвидации неграмотности, занятия в которых велись на национальных языках. Имеются сведения о том, что в ноябре 1931 года приступили к занятиям по ликвидации неграмотности на родном языке 2 группы: финская и татарская.

Представители различных национальностей участвовали и в художественной самодеятельности. Из отчета Хибиногорского горкома ВКП (б) за 1933 год узнаем, что в базовом клубе на 20 км выступали эстонский хор и финский самодеятельный коллектив с ритмическими упражнениями и национальными танцами [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 60. Л. 9].

В отличие от русских представители других национальностей более активно посещали краеведческие кружки.

Многонациональный состав населения вызывал определенные трудности, однако считать их преобладающими во взаимоотношениях нельзя. Приведем отрывок из воспоминаний спецпереселенца Т.И. Хянинен, финна по национальности, опубликованных в сборнике «Спецпереселенцы в Хибинах»: «...Наша семья в 1935 году переехала в барак по улице Строителей, уже в двадцатиметровую комнату. Барак в полном смысле был интернациональным: русские, немцы, эстонцы, латыши, финны, и не было случаев, чтобы между семьями возникали какие-либо конфликты (при одной кухонной плите на 17 семей). Во всех бараках были установлены по одному репродуктору, где обычно по вечерам слушали разного рода информацию, концерты, объявления» [Хянинен, 1997].

Итак, подытоживая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в 1930-е годы наряду с превращением г. Кировска в промышленный центр происходило его становление как культурного центра Кольского Заполярья.

Список сокращений

ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
ВРК – Вечерняя рабочая консерватория
ГОМЭЦ – Государственное объединение музыки, эстрады и цирка г
Горком – городской комитет
ДХВД – Дом художественного воспитания детей
КП РСФСР – Коммунистическая партия Российской Советской
Федеративной Социалистической Республики
ППЦ – Политпросветцентр
ТРАМ – Театр рабочей артистической молодежи

Список источников

ГОКУ ГАМО. П-112. Оп. 1.
ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Р-7. Оп. 1.
ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Р -71. Оп. 1.
ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Р-10. Оп. 1.
ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Р-503. Оп. 1.
Хибиногорский рабочий. 1934, 6 ноября. № 257.

Список литературы

Хянинен Т. И. Пусть не доведется внукам... // Спецпереселенцы в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин: Книга воспоминаний. Апатиты: Мемориал, 1997. С. 136–140.

Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области. Мурманск: Изд-во «Максимум», 2004. 142 с.

Сведения об авторе

Салимова Светлана Михайловна,
директор государственного архива Мурманской области в г. Кировске

Salimova Svetlana Mihailovna,
Director of the State Archive of Murmansk region in Kirovsk

УДК 930.253(985)

О.В. Шабалина

**ЛИТЕРАТУРНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПЕРСОНАЛЬНЫХ ФОНДОВ Г. Д. РИХТЕРА И В. В. ЧАРНОЛУСКОГО
КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ
АРКТИЧЕСКИХ И СУБАРКТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
В АСПЕКТЕ ИХ ФИНАНСОВОГО И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ³**

Аннотация

В статье представлены результаты анализа единиц хранения персональных фондов Г. Д. Рихтера и В. В. Чарнолуцкого Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН (стенгазеты «Кукиш» и экспедиционного альбома с рисунками этнографа) как источников для ретроспективного исследования истории организации и проведения экспедиций по изучению и освоению Арктики и Субарктики, в аспектах их финансового обеспечения и культурно-бытовых практик.

Ключевые слова:

Г. Д. Рихтер, В. В. Чарнолуцкий, арктические и субарктические экспедиции, стенгазета, экспедиционный альбом, культурные и повседневные экспедиционные практики, Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН.

O. V. Shabalina

**LITERARY AND PICTORIAL MATERIALS OF PERSONAL FUNDS G. D. RICHTER
AND V. V. CHARNOLUSKIY OF THE MUSEUM-ARCHIVE OF THE BCH KSC RAS
AS SOURCES ON THE HISTORY OF ORGANIZING AND CONDUCTING ARCTIC
AND SUBARCTIC EXPEDITIONS IN THE ASPECT OF THEIR FINANCIAL
AND PROVISION SECURITY**

Abstract

The paper presents the results of the analysis of the storage units of personal funds of G.D. Richter and V.V. Charnoluskiy of the Museum-Archive of the BCH KSC RAS ("Kukish" wall newspaper and the expedition album with drawings of the ethnographer) as a source for a retrospective study of the history of organizing and conducting expeditions aimed at studying and developing the Arctic and the Subarctic in terms of their financial provision and cultural and domestic practices: the organization of grocery allowances and the search for possible forms of food, establish a mode of life, recreation, creativity.

Key words:

G.D. Richter, V.V. Charnoluskiy, Arctic and Subarctic expeditions, wall newspaper, expedition album, cultural and everyday expeditionary practices, Museum-Archive of History of Studying and Exploration of the European North of the BCH of the KSC RAS.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 17-11-51004_a(p) «Материалы архивов РАН по истории организации и проведения экспедиционных исследований арктических и субарктических зон в конце XIX – п.п. XX вв.».

В период комплексного изучения производительных сил нового государства СССР в 20–30-е гг. XX в. Кольский полуостров благодаря разнообразию местных запасов полезных ископаемых привлекал к себе всеобщее внимание. Этот регион изучался усилиями многочисленных экспедиций, деятельность которых именно в этот исторический период, по мнению академика А. Е. Ферсмана, оценивалась в своей основе как один из важнейших и наиболее актуальных научных методов [Ферман, 1929: 2]. Изыскательская и научно-исследовательская экспедиционная работа в отдаленных районах страны впечатляет своими результатами и масштабом, когда приходит осознание того, что организация, финансирование и проведение этих мероприятий происходили на фоне мирового экономического кризиса, политико-экономической изоляции советской России и наличия продовольственных проблем у молодого социалистического государства.

Именно в это время известный исследователь русской Лапландии ученый-геоморфолог (впоследствии доктор географических наук, заслуженный деятель науки и культуры РСФСР) Гавриил Дмитриевич Рихтер (1899–1985) проводил свои летние полевые сезоны на Кольском полуострове. В 1922 г. по приглашению профессора Н. И. Прохорова он участвовал в качестве топографа в работах Кольского почвенно-ботанического отряда Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ. Далее в разных качествах под эгидой многих учреждений и организаций Гавриил Дмитриевич (рис. 1), работал в экспедициях, во время которых велись разведка полезных ископаемых, оценка водных ресурсов данного региона страны, производились геологические изыскания, необходимые для постройки плотины гидроэлектростанции «Нива ГЭС-2», предусмотренной планом ГОЭЛРО⁴. Во время экспедиции на Кольский полуостров в 1933 г. Г.Д. Рихтер, выполняя поручение Геоморфологического института Академии наук СССР, в составе геоморфологического отряда № 5 Карело-Мурманской комплексной партии экспедиции Ленинградского отделения треста «Гидроэлектропроект» Главэнерго НКТП СССР (ЛОГИДЭП) занимался рекогносцировочным обследованием рек Варзуги и Поноя (рис. 2) «в целях выяснения возможностей использования гидроэнергетических ресурсов этих рек и составления на основании рекогносцировки гипотезы их использования» [Рихтер, 1936: 49].

Отряд № 5 в полном составе (Г. Д. Рихтер, начальник отряда инженер-проектировщик И.П. Стреколовский, топограф-инженер И.Г. Лисюк и научно-технический сотрудник Н.Г. Комаров) вместе с отрядом № 3 выехали из Ленинграда 10 июня 1933 г. и 12 июня прибыли в Кандалакшу, где были вынуждены задержаться из-за возникших проблем с финансированием экспедиции и отсутствием транспорта. Только 24 июня на пароходе «Поморье» отряд № 5 отправился к месту назначения, где успешно справился с поставленными перед экспедицией задачами.

Но именно период вынужденного бездействия чаще всего потенцирует участников любой экспедиции к разнообразному творчеству и бывает особенно плодотворен благодаря большому количеству свободного времени. В процессе ожидания транспорта, по сути – традиционного начала любого «поля»,

⁴ Нива ГЭС-2 – гидроэлектростанция на реке Нива в Мурманской области, построенная по плану ГОЭЛРО в 1930–1938 гг.

в независимости от его научной направленности и от временного контекста, у «полевого» сообщества зарождаются свой язык, свои нарративы. Появляются на свет локальные экспедиционные тексты, облекаемые в различные формы: песни, эпиграммы и т.д. Экспедиционная субкультура достаточно закрыта для постороннего взгляда. Тем ценнее письменные свидетельства, фиксирующие этот разносторонний и богатый мир.

Рис. 1. Географо-разведочный отряд Кольской экспедиции АН СССР. Лагерь у истока р. Нивы. 1930 г. Слева направо стоят: студенты И. В. Максимов, М. К. Карпун, А. И. Мартюшов; сидят: А. И. Филиппов (нач. отряда), Г. Д. Рихтер (нач. отряда), А. М. Архангельский (студент); лежат: студенты В. Хлебников, С. С. Лапин, В. Н. Кошкин [Музей-Архив, ОФ 5а]

Рис. 2. Г. Д. Рихтер. 1930-е гг. [Музей-Архив, НВФ 1140]

Во время «простоя» в июне 1933 г. был создан «печатный орган» геоморфологического отряда №№ 3–5 Ленинградского отделения треста «Гидроэлектропроект» Главэнерго НКТП СССР – стенгазета «Кукиш» (рис. 3), которая в 1970-е гг. вместе с другими материалами была передана Г.Д. Рихтером на хранение в Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН [Музей-Архив, НВФ 1155].

«Кукиш» представляет собой 9 отдельных листов плохого качества зеленой линованной бумаги размером 29,5 см на 20,5 см – удобный формат для транспортировки и «обнародования» на брезентовых стенках палатки. Рисунки сатирического содержания и шаржи, иллюстрирующие текст, выполнены цветными карандашами на разновеликих листках пожелтевшей бумаги, наклеенных на основной лист с текстом (рис. 4). Текст написан печатными буквами крупным шрифтом фиолетовыми чернилами. Вид документа

позиционируется в самом тексте источника как «стенновка», то есть просторечная, разговорная производная форма от «стенной газеты» («стенгазеты») [Ожегов, Шведова, 1992: 792].

Рис. 3. Первый лист стенновки с названием [Музей-Архив, НВФ 1155: 1]

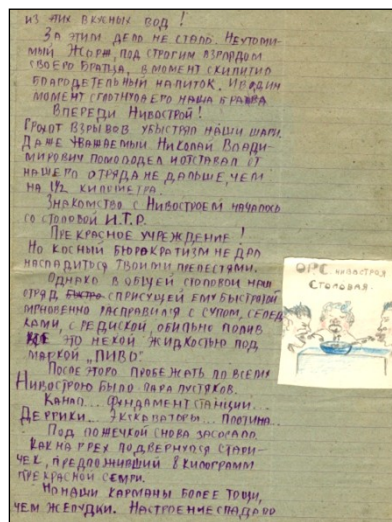

Рис. 4. Страница стенновки «Кукиш» [Музей-Архив, НВФ 1155: 7]

С середины 1920-х гг. в эпоху НЭПа в связи с общей демократизацией прессы стенгазета как новый вид революционной печати приобрела черты массового культурного феномена: ее выпускали на производстве, в образовательных учреждениях, на селе. При отсутствии общих формальных требований к оформлению стенгазета, исходя из определения, должна была являться печатным органом какой-либо общественной организации: комсомольской, пионерской, партийной или профсоюзной и освещать актуальные, злободневные темы. Однако, как мы могли убедиться на примере «органа отряда № 3–5 Л.О.Г.И.Д.Э.П.» Карело-Мурманской комплексной партии с говорящим названием «Кукиш», в действительности иногда выпускались и независимые стенгазеты, отражавшие личную позицию авторов, позволявших себе идеологизированную форму наполнять юмористическим и сатирическим содержанием. Тем самым создавалась тонкая пародия как на официоз «печатного органа», так и на реалии экономической и общественно-политической жизни своего времени. Что, как правило, преследовалось по закону. Именно поэтому проявление такого инакомыслия в образной передаче животрепещущей проблемы отсутствия финансирования экспедиции, оставленной без продовольствия и транспорта, завуалированного иронией и шуткой, стало возможным в 1933 г. в условиях естественной изоляции от «мира» при проведении научных полевых исследований в отдаленном уголке большой страны — на Кольском полуострове — в рамках локального экспедиционного коллектива профессионалов. У этой стенновки, как свидетельствует текст источника, было трое неизвестных автора: два редактора (они же корреспонденты, авторы «аналитических» статей и др.) и художник.

То, что финансирование экспедиции запаздывало и обрекало экспедицию на самообеспечение продовольствием, свидетельствуют как название стенгазеты «Кукиш», так и текст источника: «В Кандалакше мы гадали,/ Денег ждали:/ Л.О.Г.И.Д.Э.П. скорей придет,/ Или с неба свалится?» [Музей-Архив, НВФ 1155: 9]. Вообще, тема еды – это лейтмотив почти всех документальных разделов стенновки «Кукиш». В «Объявлениях»: «...2. Экспедиция Л.О.Г.И.Д.Э.П. ищет хорошего повара, умеющего варить суп из топора» [Музей-Архив, НВФ 1155: 5об]. В «Телеграммах»: «...Примите меры. Тихое помешательство от голода и тоски» [Музей-Архив, НВФ 1155: 5об]. «Карманы более тощи[е], чем желудки» являлись причиной возникновения «гастрономических» ассоциаций в умах участников экспедиции: «...Наконец-то и Плес-озеро! Похожее на нетронутый кусок пролетарской колбасы, раскинуло оно свои воды между двух морен [Музей-Архив, НВФ 1155: 7]. Сколько можно приготовить чаю из этих вкусных вод!» [Музей-Архив, НВФ 1155: 6об–7]; «Ольга Викторовна видела Хибинны очаровательным тортом»; «Уважаемый Николай Владимирович видел их [Хибинны]⁵ огромным куском масла сливочного, довоенного качества» [Музей-Архив, НВФ 1155: 4–4об]. Наличие или отсутствие столовой в месте пребывания, а также качество обслуживания и подаваемых блюд являются главными маркерами маршрута экспедиции для ее участников, испытывавших серьезные проблемы с продовольствием из-за неполучения денежного содержания, но способных шутить по этому поводу.

Текст источника дает некоторое представление о меню столовых Кандалакши и Хибинского района в 1933 г. Оно поражает разнообразием и наличием в нем овощей и корнеплодов, не выращиваемых на этих территориях традиционно – редиски, картофеля [Музей-Архив, НВФ 1155: 6об–7, 4–5]. Все это свидетельствует, по нашему мнению, о своевременном осуществлении в 1930-х гг. селекционной работы и работы по выведению районированных, адаптированных для Крайнего Севера сортов овощных, кормовых, зерновых культур усилиями ученых и специалистов Полярной опытной сельскохозяйственной станции. Она была организована в 1923 г. в районе железнодорожной станции «Хибинны», а впоследствии стала Полярным отделением Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства. Кольские ученые доказали возможность развития приполярного сельского хозяйства. Появившийся в 1930 г. совхоз «Индустрия» с первых дней своего существования создавал местную продовольственную базу для снабжения растущих промышленных центров Кольского полуострова. Разнообразие дичи в лесах, рыбы в озерах и реках данного региона позволяло надеяться научной экспедиции 1933 г. на обеспечение себя мясом и рыбой в местах пребывания по маршруту при условии наличия специальных рыболовных и охотничьих навыков у членов экспедиции и компетентности в этих вопросах рабочих и проводников, набранных из местных жителей: «...Жорж заявил: “Ну, будьте покойны! Если мы найдем там какие-нибудь речки, а в них рыбешку, то уж с ухой мы наверняка будем... будьте покойны...”» [Музей-Архив, НВФ 1155: 6об].

⁵ Здесь и далее текст источников приводится с соблюдением археографических норм. Знак [...] обозначает пометы, примечания, купюры автора статьи.

Представляется необходимым поместить ниже самый «гастрономический» фрагмент источника, который представляет собой рубрику стенновки «По следам строек»:

«Орган отряда № 3–5 Л.О.Г.И.Д.Э.П. “Кукиш” [...]»

№ 4

По следам строек

Утро вечерело. Наш отряд бодро шагал берегом реки Нивы... В двух километрах от Кандалакши юная часть отряда, мучаясь от жажды и голода, требовала привала. Неистовый Гаврила⁶, страстный лапландофилл и неутомимый путешественник сказал:

– Стоп! Надо привыкать к походам. Раньше Плесс-озера⁷ вы не получите ни шиша!

Наконец-то и Плес-озеро! Похожее на нетронутый кусок пролетарской колбасы, раскинуло оно свои воды между двух морен. Сколько можно приготовить чаю из этих вкусных вод! За этим дело не стало. Неутомимый Жорж, под строгим взглядом своего братца, в момент [в]скипятил благотельный напиток. И в один момент сглотнула его наша братва. Впереди Нивастрой! Грохот взрывов убыстрял наши шаги. Даже уважаемый Николай Владимирович помолодел и отставал от нашего отряда не дальше, чем на 142 километра. Знакомство с Нивастроем началось со столовой И[нженерно].Т[ехнических].Р[аботников]. Прекрасное учреждение! Но косный бюрократизм не дал насладиться твоими прелестями. Однако в общей столовой наш отряд с присущей ему быстротой мгновенно справился с супом, селедками, с редиской, обильно полив все это некой жидкостью под маркой “пиво”. После этого пробежать по всему Нивастрою было пара пустяков. Канал... Фундамент станции... Деррики⁸... Экскаваторы... Плотины... Под ложечкой снова засосало. Как на грех подвернулся старичок, предложивший 8 килограмм прекрасной семги. Но наши карманы более тощи, чем желудки. Настроение спадало.

Отряд разбился на две партии. Одна (более благоразумная и деловая) осталась на Нивастрое. Другая (менее благоразумная и совсем не деловая) решила двинуться в Хибины. Прослушав веселенький джаз-банд в оригинальном исполнении маэстро Жоржа и подвергнувшись операции переливания крови в станционных, весьма гостеприимных, клопов неблагоразумные с почтовым примчались в Хибины.

Во сне, под ритмичный стук колес, каждый по-своему, в зависимости от темперамента, склонностей и возраста, наслаждался грандиозной панорамой Хибин. Уважаемый Николай Владимирович видел их огромным куском масла сливочного, довоенного качества. Гавриил Дмитриевич – гигантской роговой

⁶ Гавриил Дмитриевич Рихтер (1899–1985) – сотрудник геоморфологического отряда № 5 «Варзуга-Поной» Карело-Мурманской комплексной партии экспедиции ЛОГИДЭП.

⁷ Имеется в виду озеро Плес, через которое протекает р. Нива, впадающая в Кандалакшский залив.

⁸ Деррик – неподвижный подъемный механизм – кран.

обманкой⁹, Николай Гаврилович [Комаров] неким грандиозным экономическим балансом. Симочка – представил себе Хибины в виде Американских гор[ок], где бесплатно, как мальчишка на трамвайной колбасе¹⁰, он может кататься день и ночь. Ольга Викторовна видела Хибины очаровательным тортом, набивши им полный рот, она проснулась (во рту у ней была добрая половина дорожной резиновой подушки). Но вот и Хибиногорск¹¹. Верные своим традициям, мы начали наше знакомство с городом со столовой. Но и бюрократизм был верен себе. Из первой сто[л]овой, куда мы было направили стопы своя бдительный зав[едующий]. на[с] выставил как “безответственных”. Во второй столовой отряду подвезло. Целую сковороду дичи, копченое мясо, гренки, приготовленные из хлеба и персиковый компот поставил на стол расторопный ресторатор [см. рис. 5, 6]. Но аппетит приходит с едой. Уничтожив дивный завтрак, приготовленный по-синклеровски¹² и не насытившись творогом, чаем и т.н. бутербродами отряд устремился в базу ОПТЭ¹³. Наконец-то мы получили шикарный обед и заслуженный отдых [см. рис. 7]. Однако после короткого сна мы снова захотели есть. Неутомимый Гавриил Дмитриевич потащил всех на горную станцию Академии наук [см. рис. 8]. Нам там показали прекрасную библиотеку и лаборатории, но ужином во всем этом чудном замке ученых и не пахло. Перехватив по скромному блюду жареной картошки на Базе ОПТЭ мы двинулись на станцию Вуд-явр¹⁴ и с ближайшим поездом вернулись в Кандалакшу.

Между прочим, в Хибинах кроме плохих столовых имеется не плохая обогатительная фабрика, горные карьеры, где добывают апатит и молибден¹⁵. Но об этом не плохо пишут в газета[х] и мы не будем повторяться» [Музей-Архив, НВФ 1155: 60б–7, 4–5].

⁹ Роговая обманка (геологич.) – наиболее распространенный порообразующий минерал подкласса цепочечных (ленточных) силикатов сложного химического состава. Темно-зеленые (до черных) удлиненные кристаллы, сплошные зернистые массы.

¹⁰ На старых трамвайных вагонах – рукав (шланг) воздушной магистрали пневматического тормоза. Сзади последнего вагона свободный изогнутый конец рукава закреплялся, отчего приобретал сходство с кольцом колбасы. Держась за «трамвайную колбасу», можно было ехать, находясь вне салона.

¹¹ Хибиногорск (с 1934 г. Кировск) – город (1931–1934) в Мурманской области в отрогах Хибин на берегу о. Большой Вудъявр.

¹² Эптон Билл Синклер (Upton Beall Sinclair) (1878–1968) – американский писатель, автор книги «Лечебное голодание».

¹³ ОПТЭ (1930–1936) – Общество пролетарского туризма и экскурсий – всесоюзное добровольное общество, учрежденное в 1930 г. на базе Общества пролетарского туризма (ОПТ) РСФСР и общества «Советский турист». Деятельность ОПТЭ была направлена на развитие массового туризма (привлечение населения к участию в турпоходах и экскурсиях, создание сети турбаз и туристических маршрутов). В 1932 г. ОПТЭ располагало 92 туристическими базами союзного значения.

¹⁴ Имеется в виду остров Большой Вудъявр, рядом с которым расположен г. Хибиногорск и конечный пункт пассажирского движения по железнодорожной ветке Апатиты – Кировск магистрали Ленинград – Мурманск.

¹⁵ Ковкий переходный металл серебристо-белого цвета. Применяется в металлургии.

Рис. 5. Открытие столовой в Хибиногорске. Ноябрь, 1930 г.
[Музей-Архив, ОФ 22: 606(3)]

Рис. 6. Столовая на 25 км, рядом с Хибиногорском. 1930 г.
[Музей-Архив, ОФ 21]

Рис. 7. Здание базы ОПТЭ,
открывшейся 10 сентября 1932 г.
[Музей-Архив, ОФ 22: 3об(3)]

Рис. 8. Хибинская горная станция АН
СССР «Тигетта» в Хибинах. 1930-е гг.
[Музей-Архив, НВФ 1140а]

Активные социалистические преобразования после октября 1917 г. на национальных окраинах бывшей Российской империи потребовали научного знания их уровня развития и наличия специалистов для практической работы на местах – этнографов, «своеобразных миссионеров новой культуры и советской государственности» [Итс, 1991: 147]. Поэтому в 1918 г. по настоянию Владимира Германовича Богораза (Тана), одного из инициаторов создания Комитета по делам Севера при Президиуме ВЦИК, в Петрограде было организовано первое высшее учебное заведение, готовящее этнографов – Петроградский географический институт (с 1925 г. – географический факультет Ленинградского университета). Для проведения обязательной полевой практики на всех курсах в Географическом институте на этнографическом отделении был введен летний триместр [Гаген-Торн, 1971]. Полученная В. Г. Богоразом денежная субсидия Наркомпроса позволила направить в 1922 и 1923 гг. около 80 студентов на практику в отдаленные районы страны [Зеленин, 1937].

Одним из первых студентов Географического института в 1921–1925 гг. был известный этнограф, исследователь культуры, быта и хозяйства саамов Владимир Владимирович Чарнолуский (1894–1969). В 1922 г. В. В. Чарнолуский работал в студенческой научной экспедиции на полуострове Канин по изучению оленеводства у ненцев. Собранные материалы были обработаны в 1926 г. и представлены в виде «Карты кочевков ненцев на п-ове Канин» в Комиссию по изучению племенного состава населения СССР (КИПС). В этом же году Владимир Владимирович был зачислен старшим научным сотрудником Лопарской экспедиции Государственного географического общества (ГГО), возглавляемой проф. Д. А. Золотаревым, где занимался изучением лопарского оленеводства и быта лопарей (саамов). Впоследствии Лопарская экспедиция стала частью Кольской экспедиции АН СССР, руководимой А. Е. Ферсманом. Во время экспедиции Чарнолуский собрал необходимые ему сведения об этническом составе населения, занятиях, типах жилищ путем личных наблюдений и опроса экспертов – наиболее уважаемых саамов. В 1931–1932 гг. Владимир Владимирович был научным сотрудником Оленеводческого института ВАСХНИЛ. Разделяя твердые убеждения В. Г. Богораза в том, что «этнография не живет в кабинетах [...] Она живет в полевой работе» и что

«каждый этнограф должен быть немного художником, иначе он не поймет чужую культуру», Владимир Владимирович отправлялся в свои многочисленные экспедиции, не выпуская карандаш и фотоаппарат из рук [Гаген-Торн, 1971].

В Музее-Архиве экспонируется альбом с карандашными рисунками В. В. Чарнолуского – графической хроникой экспедиционной жизни. Исполненные юмора и самоиронии своеобразные «комиксы» приоткрывают завесу над экспедиционной субкультурой 1920-х гг., одновременно являясь уникальным ее памятником. Большая часть альбома (94 листа) посвящена Канинско-Чешской студенческой экспедиции 1922 г. Остальные 17 рисунков сделаны в разные годы (судя по датам в авторских подписях): начиная с 1927 г. по 1931 г., во время полевых исследований культуры, быта и хозяйства саамов [Музей-Архив, НВФ 1118]. В данной статье рассмотрены те рисунки из альбома, которые иллюстрируют организационно-бытовые моменты, связанные с финансированием этих экспедиций и, как следствие, с качеством питания их участников¹⁶. В комментариях-толкованиях к источнику предпринята попытка, расшифровывая рисунки, реконструировать некоторые грани экспедиционной жизни 1920–1930-х гг., насколько это возможно сейчас. Энциклопедичность, культурная и психологическая точность рисунков В. В. Чарнолуского – хорошее подспорье для подобной реконструкции.

Маршрут Канинско-Чешской экспедиции прослеживается достаточно определенно из подписей к альбомным рисункам: Петроград – Архангельск – Белое море – Ледовитый океан – Канин нос – Семжа – Мгла – Несь – Снопа – Пеша – Архангельск. Менее основательно можно говорить о датах ее проведения: август–октябрь 1922 г.

Надпись на первом из рисунков (рис. 9), подвергнувшемся иконографическому и ассоциативному анализу, «Выдоив корову он отправился в экспедицию», не стоит понимать буквально. Автор раскидывает в рисунке подсказки к фигуральному прочтению. Корова доится в Петрограде, на ведре написано «экспедиция». Человек, который доит (если судить по другим рисункам), – это В.Я.В. (Володя), начальник экспедиции (узнаваемы и типичная фигура, и – особенно – курносость). Кстати, «лицо» у коровы явно имеет человеческие черты. Не исключаем возможного портретного сходства с кем-либо из руководителей, занимавшихся финансированием экспедиции. В рисунке графически реализован распространенный фразеологизм «дойная корова». Материальное обеспечение экспедиции в 1922 г. вряд ли было беспроblemным. Общая ситуация в стране отнюдь не располагала к субсидированию этнографических исследований, да и непосредственные участники экспедиции, судя по всему, не отличались состоятельностью. Собственно говоря, любая экспедиция во все времена (да и сейчас!) связана с поиском «дойной коровы».

Гостеприимство местных жителей – один из «китов» этнографической экспедиции, участники которой обычно живут не в палатках, как геологи, а по домам. В. В. Чарнолуский создает карикатурную метафору одной из возможных коллизий гостеприимства (рис. 10). Большой дом в девять окон взрывается экспедиционным скарбом. Исконные владельцы «вывешиваются» из окон,

¹⁶ При передаче текстов подписей к рисункам сохранены авторские орфография и пунктуация.

а новые – восседают на крыше на ворохе вещей. Хотя, может быть, В. В. Чарнолуский хотел указать и на несоразмерность возможностей предоставленного ночлега и объема экспедиционного снаряжения.

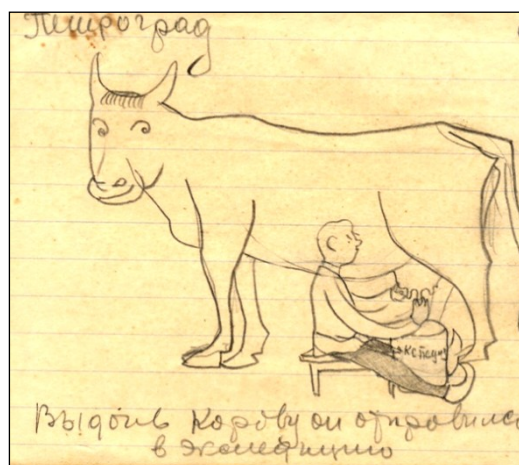

Рис. 9. «Выдоив корову он отправился в экспедицию» (надпись в левом верхнем углу: «Петроград», надпись на ведре: «Экспедиция») [Музей-Архив, НВФ 1118: 27]

Рис. 10. «Наказанное гостеприимство: владельцы дома» (надпись в левом верхнем углу: «Архангельск») [Музей-Архив, НВФ 1118: 1]

Чаепития, доходящие подчас до «безумных», угощения, иногда на грани обжорства, – одна из сквозных тем рисунков В. В. Чарнолуского (рис. 11–15), что вполне соотносимо с экспедиционными воспоминаниями этнографов и фольклористов, работавших на Русском Севере. Б. М. Житков писал в начале XX в. о своих впечатлениях путешественника по Канину Носу: «...крестьяне приморских сел и деревень [...] живут очень достаточно. Просторные избы [...] обилие домашней утвари – самоваров, посуды, пуховиков, ручников – даже в домах крестьян среднего достатка; хорошее платье и прекрасная разнообразная пища при постоянном чаепитии – свидетельствуют о таком материальном положении, которое и сравнимо быть не может с положением крестьян центральной или черноземной полос России» [Житков, 1904: 82].

К 1922 г., судя по рисункам В. В. Чарнолуского, при общем изменении политической и экономической ситуации, такой критерий уровня жизни, как «постоянное чаепитие» по-прежнему был актуален. Кроме того, чаепитие с местными жителями – очень удобная (и продуктивная!) ситуация для работы этнографов-полевиков (профессиональных слушателей). Впрочем, В. В. Чарнолуский, скорее, обращает внимание на другие – материальные – последствия бесконечных угощений. На рисунке 11 наиболее отчетливо представлена экспедиционная пара «толстый и тонкий»; комплекция «толстого» (как результат поедания им шанег целиком) уже не позволяет ему сидеть. Под влиянием ли собственной эрудиции или книжной культуры местных старожилов, В. В. Чарнолуский трактует чаепитие как возрождение «в с. Семже за чайным столом одного из поселян» притчи «о толстой и тощей корове».

В известном библейском сюжете речь идет о том, как Иосиф истолковал странный сон египетского фараона, в котором правитель увидел семь тучных коров и семь тощих, вышедших из Нила. Тощие коровы съели тучных, но от этого ничуть не потолстели. Сон предвещал семь плодородных лет в Египте, за которыми последуют семь неурожайных. С тех пор, «фараоновы тощие коровы» – это те, кому ничто не идет впрок, а также символ положения, не исправимого ни при каких затратах средств и усилий.

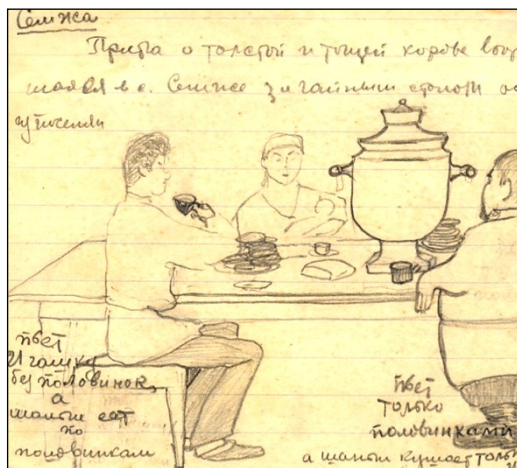

Рис. 11. «Притча о толстой и тощей корове возродившаяся в с. Семже за чайным столом одного из поселян». 16/IX (надпись в левом нижнем углу: «Пьет 21 чашку без половинок, а шаньги ест по половинкам»; в правом нижнем углу: «Пьет только половинками, а шаньги кушает только целыми»; в левом верхнем углу: «Семжа») [Музей-Архив, НВФ 1118: 60]

Рис. 12. «Юные искатели в Семже совсем разопсели, но пыл чисто юношеской мечтательности обезсиливал их все же бодрящиеся существа» (надпись в левом верхнем углу: «Семжа») [Музей-Архив, НВФ 1118: 66]

Рисунок 12 продолжает тему сытной (и явно «бездуховной», по мнению автора) жизни полеви́ков в поморских селах. Состояние обожравшихся, опухших, разомлевших и отупевших этнографов передано глаголом «разопсеть». По словарю В. И. Даля, «псеть» – стать вонять псиной, делаться постепенно вонючим [Даль, ЭР]. Очевидно, «разопсеть» – глагол с переносным значением: обнаглеть до состояния невменяемости. В современном жаргоне ему, скорее всего, соответствует глагол «зажлобеть». Изобразительно это состояние передано открытым ртом зевающего В.Я.В. и с трудом открывающимися глазами В. В. Чарнолуского. Кстати, на этом рисунке оппозиция «толстый и тонкий» явно нивелируется. Скорее, можно говорить о паре: «толстый и еще толще». Какая-то схематичная выпечка с чашкой кофе в верхнем левом углу рисунка – это или девиз существования студентов-этнографов в Семже, или юношеские мечты о петроградских сладостях. Кофе (в отличие от чая) – все-таки знак столичной, а не поморской жизни.

На рисунках 13, 14 окончательно обобщается тема экспедиционного сибаритства и обжорства. Чаепитие явно становится «безумным» и длится с восьми утра до восьми вечера (рис. 14). На ртах этнографов появляются замки, говорящие о невозможности пить чай дальше. На этот случай у русских крестьян всегда было готово присловье «Пей! Вода дырочку найдёт». На рисунке 13 «нравственная гибель» вследствие бесконечных угощений соизмерима с «ужасом физической гибели» в арктических водах. В воспоминаниях В. В. Чарнолуского можно найти описание подобных застолий: «Не прошло и двух минут, как свежий самовар уже стоял на столе и пел свои песни. Хозяйка [...] заполняла стол чашками дулевского производства [...] Одно угощение появлялось вслед за другим. За семь дней перехода, когда питаться приходилось сухарями, да сушеной рыбой, да консервами, я изголодался и теперь с наслаждением следил за появлением на столе традиционных северных блюд: шанежки с творогом или пшенной кашей, сканцы с горохом, соленая щука» [Чарнолуский, 1972: 51–52].

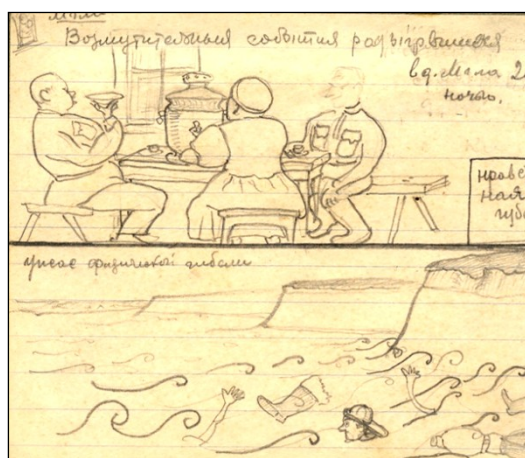

Рис. 13. «Возмутительные события разыгравшиеся в д. Мгла 2 окт. ночью. Нравственная гибель. Ужас физической гибели» (надпись в левом верхнем углу: «Мгла») [Музей-Архив, НВФ 1118: 77]

Рис. 14. «8 утра – 3/16 октября – 8 вечера. 16/X» (надпись в левом верхнем углу: «Несб») [Музей-Архив, НВФ 1118: 76]

Рисунок 15 снова возвращает к теме экспедиционного сибаритства. Участники экспедиции уже не просто принимают угощение, чреватое «нравственной гибелью» (рис. 13), но и сами его организуют. Не случайно для «В.Ч.» (Владимира Чарнолуского) указана должность: «зав. хозяйством». Подпись свидетельствует о том, что «полевики» окончательно усвоили местный диалект и особенности речи: народная форма имени («Августея»), фольклорное обращение («душа красна»), уважительную форму множественного числа глагола вместо единственного («Владимир просят»), уменьшительная форма в отношении к любимой еде («шанежек»), просторечно-диалектное выражение «к завтрему». В экспедиционной повседневности этнографы частенько переходят на диалект в отношениях с местными жителями, но еще чаще его стилизуют в разговорах друг с другом. Экспедиционная словесность всегда изобилует образцами подобных стилизаций.

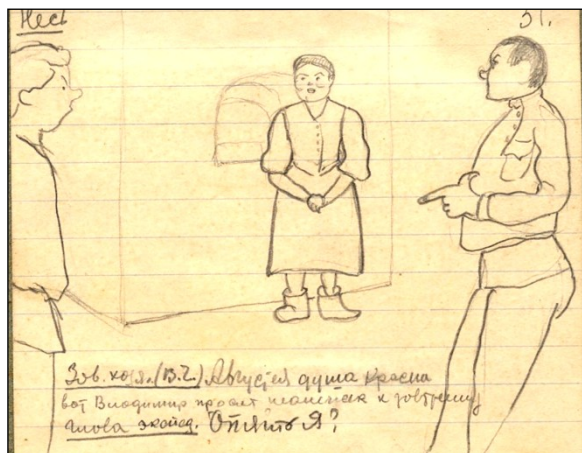

Рис. 15. «Зав. хоз. (В.Ч.): Августей душа красна вот Владимир просит шанежек к завтраму. Глава экспед.: Опять Я?» (надпись в левом верхнем углу: «Несъ»)
[Музей-Архив, НВФ 1118: 90]

Экспедиция благополучно завершилась. Участники добрались до Архангельска, где, «вскусив» практически недоступных в экспедиции благ цивилизации (помылись в бане, подстриглись, сходили в кино, купили папирос), сделали доклад в губисполкоме (рис. 17). Интересна композиция рисунка 16, пародийно использующая построение традиционных житийных икон с клеймами. Сюжет закольцовывается, история экспедиции возвращается к своему началу: участники «требуют денег» (ср. образ «дойной коровы» на рис. 9).

Рис. 16. «Что они сделали на 3. 600. 000 руб.: Помылись в бане, постриглись, “Эдисон”, купили папирос, отправили телеграмму: “Требуем денег. Умираем от шахматной игры”» (надпись в левом верхнем углу: «Архангельск»)
[Музей-Архив, НВФ 1118: 105]

Рис. 17. «Володя припомадился перед докладом в губисполкоме» (надпись в левом верхнем углу: «Архангельск»)
[Музей-Архив, НВФ 1118: 106]

Публикуемые ниже рисунки из той части альбома, которая озаглавлена автором как «Экспедиция на Кольский полуостров в 1927 г. Пр. Золотарев Д. А., д-р Иванов-Дятлов П.Г., этногр. Чарнолуский В. В.». Однако, судя по датам в авторских подписях к изображениям, сделаны они в разные годы, начиная с 1927 г. по 1931 г., во время полевых исследований культуры, быта и хозяйства саамов.

Из этой части альбома в данной статье представлены три рисунка. На рисунке 18 запечатлен момент, когда «с наступлением сумерек общие занятия прекращались» [Чарнолуский, 1972: 11], так как «условия освещения позволяли заниматься измерениями не более 4-5 часов. Около трех часов дня в комнате становилось затруднительным читать цифры инструментов» [Золотарев, 1927: 5]. В свете керосиновой лампы участники экспедиции «подкреплялись» блюдами северной кухни и продолжали совершенствоваться каждый в своей области знания. Надпись на книге, которую читают: «Болезни»; та, что лежит на столе, именуется «Одежда» (рис. 18).

Рис. 18. «Раньше покушаешь – скорей спать ляжешь»
[Музей-Архив, НВФ 1118: 121]

Рисунок 19 представляет приветственные объятия Гавриила Дмитриевича Рихтера, параллельно проводившего большие исследования в бассейне озера Имандра, в Хибинских и Ловозерских тундрах, и Владимира Владимировича Чарнолуского. Их объединяла и совместная работа на Кольском полуострове – она резюмирована в книге «Пастбища и приемы выпаса оленей», изданной в 1932 г. О степени «теплоты» установившихся между ними в экспедициях взаимоотношений можно судить по шуточному рисунку «Встреча» (рис. 19).

Представленный дуэт комбинированных литературно-изобразительных источников стенгазеты «Кукиш» и экспедиционного альбома этнографа рассмотрен в процессе ретроспективного исследования истории организации и проведения арктических и субарктических экспедиций в аспектах их финансового обеспечения и культурно-бытовых практик: организации

продуктового довольствия и поиска возможных форм добывания пропитания, обустройства быта, проведения досуга, творчества. В работе с источниками сочеталась расшифровка вербальной информации, помещенной авторами стенгазеты «Кукиш» и В.В. Чарнолуским в заголовки и маргиналии на рисунках, с попыткой воспринять визуальную информацию как текст, интерпретируя включенную в нее самостоятельную систему уникальных по своему содержанию символов с толкованием характерного только для нее языка, которые были использованы авторами для создания ретроспективных по своему характеру свидетельств. Проблема подлинности подвергшихся анализу источников не рассматривалась, так как не было оснований подвергать сомнению атрибуцию данных музейных объектов. Эти единицы хранения персональных фондов Г. Д. Рихтера и В. В. Чарнолуского Музея-Архива Истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН создают выразительную и очень эмоциональную картину событий прошлого, которая дополняет сведения, содержащиеся в других группах источников, отличающихся во многих случаях значительной формализованностью.

Рис. 19. «Встреча. 1931 г. осень. Рихтер и Чарнолуский»
[Музей-Архив, НВФ 1118: 119]

Список сокращений

- ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина
- ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
- ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ГОЭЛРО – Государственная комиссия по электрификации России
- Губисполком – губернский исполнительный комитет

ЛОГИДЭП Главэнерго НКТП СССР – Ленинградское отделение треста
«Гидроэлектропроект» Главного управления энергетического хозяйства
Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР

Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения РСФСР

Источники

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ № 1155. Л. 1–9.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 5а.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1140.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 22. Л. 60б(3).
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 21.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 22. Л. 30б(3).
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1140а.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1118.

Список литературы

Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134–145.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/dal/dall/>.

Житков Б. М. По Канинской тундре // Отчеты экспедиции Императорского Русского Географического общества на Канин Полуостров в 1902 г. СПб: Типография М. М. Стасюлевича, 1904. 170 с.

Зеленин Д. К. В. Г. Богораз – этнограф и фольклорист // Памяти В. Г. Богораза (1865–1936). М.; Л., 1937. XVIII с. + 382 с.

Золотарев Д.А. Лопарская экспедиция: (11.1 – 11.5 1927-го года) / Гос. русское географическое об-во, Карельско-Мурманская комиссия. Ленинград: Издание Гос. русского географического об-ва, 1927. 48 [2] с.

Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 167 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. И. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1992. 960 с.

Рихтер Г. Д. Результаты геоморфологической рекогносцировки в бассейнах рр. Варзуги и Поноя (Мурманский округ) // Тр. Ин-та физ. географии. Вып. 19. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 140 с.

Ферсман А. Е. Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 38 с.

Чарнолуский В. В. В краю Летучего камня. Записки этнографа. М.: Мысль, 1972. 271 с.

Сведения об авторе

Шабалина Ольга Вячеславовна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Shabalina Olga Vyacheslavovna,

PhD (History), Leading Researcher Fellow of the Barents Centre of Humanities
of the Kola Science Centre, RAS

УДК 394.2(=511.12)(470.21)

О. А. Сулейманова, О. А. Бодрова

**«СААМИ ПРИГЛАШАЮТ»: КУЛЬТУРНО–МАССОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ
КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА**

Аннотация

Проблема сохранения историко-культурного наследия коренных малочисленных народов Севера в перспективе развития арктических территорий приобретает все возрастающую актуальность. В современных условиях особенно уязвимым оказалось нематериальное культурное наследие аборигенов (язык, обычаи, обряды). С целью сохранения материальной и духовной культуры коренных жителей в Мурманской области по инициативе регионального правительства и общественных организаций саамов реализуется довольно большое количество культурно-массовых мероприятий (национальные праздники, фестивали, выставки и т. п.). Однако отсутствуют конкретные исследования, освещающие их структуру, функции и социокультурное значение. В статье на примере одного локального праздника – вечера дружбы «Саами приглашают» (г. Кировск, Мурманская обл.) – обосновывается необходимость изучения современных культурно-массовых мероприятий как одной из эффективных и доступных форм приобщения к этнокультурным традициям.

Ключевые слова:

коренное население, культурно-массовые мероприятия, Международный день саамов, Мурманская область, праздник, традиции.

О. А. Suleymanova, O. A. Bodrova

**"SAAMI INVITE": CULTURAL AND MASS ACTIVITIES AS A FORM
OF CONSERVATION OF THE CULTURAL HERITAGE
OF THE INDIGENOUS PEOPLE OF THE KOLA NORTH**

Abstract

The problem of preservation of historical and cultural heritage of indigenous peoples of the North in the future development of the Arctic territories is acquiring a growing relevance. In modern conditions is particularly vulnerable intangible cultural heritage of the aboriginal people (language, customs, rituals). In the Murmansk region on the initiative of the regional government and public organizations of the Saami implemented quite a large number of cultural events (national holidays, festivals, exhibitions etc.) aimed at preserving the cultural traditions of the indigenous population. However, no specific studies describing their structure, functions and socio-cultural value. In the article on the example of one of the local holiday – the evening of friendship "Sami invited" (Kirovsk, Murmansk region) raises the problem of the need for the study of contemporary cultural events as one of the effective and affordable forms of initiation to cultural traditions.

Key words:

indigenous people, cultural events, International day of the Saami, Murmansk region, holiday, traditions.

К постановке проблемы

С началом промышленного освоения Арктики особенно остро стоит проблема сохранения самобытной культуры коренных народов Севера. Фундаментальность этой проблемы состоит в том, что «давление доминирующей культуры индустриального и постиндустриального общества оставляет все меньше возможностей для сохранения их <коренных народов – О.С., О.Б.> традиционного образа жизни, материальных основ этнической культуры и самих народов как своеобразных этнических общностей» [Попков, 2014: 80]. Кольский Север (Мурманская область) как индустриально развитый и высоко урбанизированный регион в этом отношении не стал исключением.

«Урбанизированный мир создает определенные условия существования и трансформации традиционных этнических культурных моделей» [Разумова, 2016: 175]. Действительно, процесс трансформации традиционной культуры группы кольских саамов – коренного населения Кольского полуострова – был запущен в 1920–1930-е годы в процессе коллективизации и промышленного освоения региона, которые нанесли огромный урон их социальной и хозяйственной моделям жизнедеятельности. Были утрачены многие элементы материально-бытовой и духовной культуры этого немногочисленного (саами составляют лишь 0,2 % от общей численности населения региона [Результаты Всероссийской переписи населения 2010, ЭР]) и уникального народа. Общественно-политические перемены, начавшиеся в стране в конце 1980-х годов (пресловутая «перестройка»), способствовали активизации национального движения финно-угорских народов и появлению интереса к своим культурным традициям [Винокурова, 2010: 6–7]. Активному возрождению подверглась и культура саамов Мурманской области: создается Национальный музей, а затем Национальный культурный центр коренных народов в с. Ловозеро, возобновляется преподавание саамского языка в школах, появляется саамское радио, издаются книги саамских авторов, в том числе на родном языке, образуются национальные фольклорные коллективы. Все это, безусловно, способствует росту национального самосознания коренного населения и влияет на развитие / возрождение их этнической культуры.

Л. Хаховская выделила три уровня проявления аборигенной этничности: обыденный, публичный и профессиональный. «Если обыденные проявления этничности мало кому видны, то публичный уровень – это именно тот регистр, который формирует представления широких слоев горожан о культуре коренных народов региона» [Хаховская, 2014: 43–44]. К публичному уровню автор относит: «участие аборигенов в значимых социальных и культурных мероприятиях как группы с особым статусом (фестивали, первомайские демонстрации, парады); конференции и форумы “под знаком этничности”; выпуск этнически ориентированной литературы и газет» [Там же: 44]. У саамов Мурманской области как раз доминирует «публичный уровень» проявления этничности. В настоящее время коренное население формирует основу культурной политики региона и становится своеобразным «символическим брендом» данной территории. Так, в своем праздничном обращении в честь Международного дня саамов губернатор Мурманской области М. В. Ковтун отмечает: «Кольский край невозможно представить без уникальной саамской культуры, истории и традиций, которые являются одним из главных символов и “визитных карточек” региона. Сохранение и приумножение этого уникального

наследия – задача не только саамов, но и, конечно, государства, и мы всегда с большой ответственностью подходим к этой задаче» [Поздравление Губернатора..., 2017: 2]. Как следствие, коренное население является обязательным «символом» практически на всех мероприятиях, посвященных этнокультурным традициям региона. О сказанном свидетельствует и тот факт, что на таких «несаамских» мероприятиях, как выставка-ярмарка коллекционных минералов и изделий из камня «Каменный цветок» и праздник «Поморской козули», проводимых в г. Апатиты и с. Кузрека Мурманской области, которые мы посетили в феврале и июле 2017 года, также была задействована символика, связанная с саамской культурой, в частности, с выступлением саамских фольклорных коллективов и сюжетами из саамской мифологии. Так, открытие «Каменного цветка» началось с красочного выступления актеров, изображающих существ из саамской мифологии – чакхли (рис. 1) под следующий текст ведущей:

*«Мокрые сугробы съезжились, зачакхли
К сопке крутолобой выбежали чакхли.
Кто они такие, и взялись откуда?
Гномики смешные, сказочное чудо?
Говорили, людям чакхли помогали –
От врагов, от чуди смело защищали.
Только чакхли жили так давно на свете,
Что о них забыли взрослые и дети.
Но в родных Хибинах, у отрогов горных
Еще можно встретить тех волшебных гномов.
Тайны минералов чакхли вам расскажут,
Горные богатства смелому покажут».*

Рис. 1. Каменный цветок-2017. На переднем плане – актеры в образе чакхли

По саамскому преданию «чахкли» или «чакли» – это маленькие существа, которые живут под землей, в лесах и на скалах. О приключениях чаккли увлекательно рассказывает Ирина Ядринцева в книге «Волшебный полуостров» [Ядринцева, 2008]. Из этой же книги организаторы мероприятия и заимствовали данное стихотворение, адаптировав его текст под проводимое мероприятие. Чаккли (или чаклын) описываются и изображаются как «карлики», «маленькие человечки», которые «вели веселый образ жизни, жили как лопари и обладали большими богатствами» [Яценко, 1892: 25]; они «на земле водятся. Голые ходят, деньги есть у них» [Пинегин, 1910: 31]. При этом данные саамского фольклора говорят о том, что чаккли обитали в районе Нотозера, реки Туломы, и не имеют отношения ни к географической территории Хибинского массива, ни к городам Апатиты и Кировск. Однако их образ открывает богатые возможности для создания региональных брендов, легенд, позволяет активно себя использовать во время проведения культурно-массовых мероприятий различного уровня – в частности, применительно к выставке-ярмарке «Каменный цветок» мотив богатства чаккли связывается с богатством природных недр Хибин редкими и красочными минералами.

Что касается собственно саамских культурно-массовых мероприятий, то у саамов насчитывается 11 собственных официальных праздников, которые были утверждены на 15-ой Саамской конференции в Хельсинки (1992 год) и на 16-й Саамской конференции в Мурманске (1996 год). В.Б. Бакула, собрав и проанализировав лексический материал о праздниках саамов Кольского полуострова, классифицировала их по четырем основным тематическим группам: 1. языческие; 2. православные; 3. государственные; 4. национальные праздники [Бакула, 2013: 30]. Объектом нашего исследования являлась последняя группа – национальные праздники, связанные как раз с публичным уровнем проявления аборигенной этничности, выделенным Л. Хаковской, и направленные на «пропаганду» своей культуры в отличие от традиционных этнических (называемых часто этнографическими) праздников, относящихся к обыденному уровню: хозяйственно-календарных, религиозных, семейных и пр.

На Кольском Севере традиционно отмечают следующие саамские праздники: «Международный день саамов» (ежегодный национальный праздник, отмечаемый 6 февраля саамами Норвегии, Швеции, Финляндии и России); «Медвежьи игрища» (праздник связан с культом медведя, возрожден в декабре 1996 года Национальным культурным центром с. Ловозеро); «Праздник Севера» (с 1928 года в с. Ловозеро устраиваются олени бега); «День саамского слова» (проводится с 1989 года «Фестиваль саамской музыки» (с 1996 года в г. Оленегорск); «Летние саамские игры» (народное гулянье на оз. Поповское близ с. Ловозеро (с 1996 года)) [Саамские национальные праздники, ЭР]. Подробно ознакомиться с праздничными мероприятиями, запланированными на 2017 год «Мурманским областным центром коренных малочисленных народов Севера», можно на официальном портале Правительства Мурманской области [Сводный план мероприятий..., ЭР].

По масштабу празднования Международный день саамов заслуживает отдельного рассмотрения. 2017 год – юбилейный: сто лет назад состоялось первое собрание в Тронхейме (Норвегия), на котором решались вопросы объединения и взаимодействия саамов северных стран (Швеции, Норвегии, Великого княжества Финляндского). В 1956 году был создан Союз Саамов,

представляющий интересы саамов этих стран, а с 1992 года в него вошли и российские саамы. В начале февраля уже по сложившейся традиции в рамках празднования Международного дня саамов в населенных пунктах Мурманской области открываются выставки, проходят праздничные концерты, тематические уроки, вечера, конкурсы, информационные часы, виртуальные экскурсии, тематические презентации и многие другие мероприятия. Так, согласно сводному плану, опубликованному на официальном сайте Правительства Мурманской области, в 2017 году в регионе было запланировано более двухсот мероприятий такого рода [Сводный план мероприятий..., ЭР]. Как видно из приведенных данных, в Мурманской области реализуется достаточно обширная культурно-досуговая деятельность. Однако необходимы конкретные эмпирические исследования с целью анализа такого рода мероприятий и выявления их роли в деле сохранения нематериального культурного наследия; подобные работы нам обнаружить не удалось. В целом исследования, посвященные праздничной культуре кольских саамов, немногочисленны [Бакула, 2013; Большакова, 2003, 2005; Картвилишвили, 2004; Кучинский, 2011; Соловьев, 2009; Чарнолуский, 1966], что также обуславливает актуальность их изучения. Тем более актуальными и новыми являются исследования, направленные на изучение современного городского праздника – «своеобразного объекта для исследования, который, в отличие от сельских увеселений и обрядов, изучен недостаточно» [Седакова, 2014: 353].

Для восполнения лакуны в изучении современных культурно-массовых мероприятий на территории Мурманской области, имеющих «этнический колорит», мы проанализировали структуру и функции одного местного городского праздничного мероприятия («Саами приглашают»), проведенного в связи с празднованием Международного дня саамов. Для сбора первичной полевой информации мы использовали метод включенного наблюдения и осуществляли фото-, аудио- и видеофиксацию.

«Саами приглашают»: структура сценария одного локального праздника

В методических пособиях и работах отдельных авторов, в основном культурологов, неоднократно делались попытки построения структуры сценария праздника [Кононович, 1990; Организация народных праздников, ЭР; Требования к оформлению сценария массового мероприятия, ЭР]. При этом речь идет о культурно-массовом празднике. Конечно, у праздника народного, этнического, тоже сложился определенный набор обязательных действий (ритуалов), создающих строгую системную конструкцию. Каждый такой праздник имел свою отмеченную традицией программу при наличии и общих элементов структуры, к которым относились: «зачин» (яркое театрализованное зрелище – объявление о начале торжества), «разгул» и «перелом» (воспроизведение участниками многочисленной череды тех или иных праздничных обрядов, делящих каждый праздник на две половины – «до середины» и «после нее»), наконец, «спад» (организованное завершение праздничного гуляния с соответствующими каждому празднику кульминационными по содержанию ритуалами) [Организация народных праздников, ЭР]. Несмотря на активное использование этнических элементов и отдельных мотивов народного праздника, публичный национальный праздник имеет все же отличную структуру. Опираясь на методические пособия

[Требования к оформлению сценария массового мероприятия, ЭР; Организация народных праздников, ЭР], мы разработали свою условную методику анализа современного национального праздника как разновидности культурно-массового мероприятия.

Схема анализа культурно-массового мероприятия:

1. «Идея» мероприятия (название, цель и задачи, место и время проведения, реклама, форма проведения);

2. Субъекты мероприятия (организаторы, ведущие, участники и их количество (активные участники, зрители, журналисты, представители регионального правительства);

3. Объекты мероприятия (материальные предметы, обладающие важными символическими смыслами: национальные костюмы, национальная пища, национальные музыкальные инструменты; оборудование для проведения мероприятия; призывы).

С учетом данной схемы выделены следующие структурные элементы мероприятия:

Название: вечер-дружбы «Саами приглашают» (рис. 2).

Дата проведения: 11 февраля 2017 года.

Место проведения: Дворец культуры г. Кировска (Мурманская обл.).

Организаторы мероприятия: Клуб национальных культур г. Кировска (при поддержке Министерства по внутренней политике и массовым коммуникациям Мурманской области).

Мероприятие сопровождалось *рекламой* на местных новостных веб-сайтах, откуда мы узнаем, что данное мероприятие проводится уже не в первый раз: «В Кировском городском Дворце культуры уже в пятый раз состоится традиционный праздник «Саами приглашают»» [11 февраля..., ЭР]. 25 января 2017 года информация о предстоящем событии появилась на нескольких новостных веб-сайтах [В Кировске состоится..., ЭР (а); В Кировске состоится..., ЭР (б); 11 февраля..., ЭР], в то время как по итогам прошедшего мероприятия была опубликована всего лишь одна единственная заметка на официальном сайте Министерства по внутренней политике и массовым коммуникациям Мурманской области [В Кировске состоялся вечер дружбы..., ЭР]. Интересен тот факт, что в текущем году данное мероприятие не афишировалось в местных печатных СМИ. Однако в 2015 году в газете «Дважды Два» (городская газета г. Апатиты Мурманской обл.) была опубликована заметка о данном событии [Саами приглашают, ЭР].

Цель мероприятия: празднование Международного дня саамов. Как сообщалось на официальном сайте Министерства по внутренней политике и массовым коммуникациям Мурманской области: «Жить дружно, в гармонии друг с другом – главная цель таких мероприятий» [В Кировске состоялся вечер дружбы..., ЭР]. Любой праздник выполняет, прежде всего, объединяющую функцию. «Как показывает практика и подтверждает теория, праздничное действо – это один из наилучших механизмов культуры, способствующих объединению людей» [Лаврикова, 2012: 209].

Мероприятие началось с *выставки-продажи*. Пока представители фольклорных коллективов готовились к праздничному концерту (настраивали инструменты, наряжались в национальные костюмы), пришедшие на праздник зрители могли посмотреть и приобрести изделия ручного труда саамов. Кроме

того, на выставке была представлена различная литература по саамской тематике (в том числе саамские сказки) (рис. 3, 4). На выставке-продаже были представлены работы мастериц Екатерины Исаевой и Ирины Сысы из Североморска, проводивших мастер-классы по изготовлению саамских сувениров.

Рис. 2. Афиша вечера-дружбы «Саами приглашают»
[В Кировске состоится..., ЭР (а)].

Как отмечает М.Г. Кучинский, в целом для праздников коренных малочисленных народов Севера характерны такие пункты программы, как выступление фольклорных коллективов, проведение традиционных спортивных соревнований, *торговля изделиями народных промыслов* [Кучинский, 2011: 123]. З. И. Строгальщикова отметила такую же традицию на вепских праздниках: «Традиция проведения на вепских праздниках различных выставок изделий декоративно-прикладного народного творчества мастеров из разных вепских деревень, ярмарок народных промыслов и ремесел также началась с первого праздника» [Строгальщикова, 2010: 79]. С одной стороны, это своеобразная

демонстрация специфики декоративно-прикладного искусства того или иного народа, с другой, такие выставки-продажи, безусловно, носят коммерческий характер, и элемент выставки-торговли становится чуть ли не обязательным для структуры национального праздника.

Рис. 3, 4. Выставка-продажа изделий ручного труда саамских мастеров

Перед началом мероприятия нам удалось пообщаться с Валентиной Николаевной Васенковой – ведущей данного мероприятия (организатором Клуба национальных культур, заведующей досуговым отделом МАУК «Кировского городского Дворца культуры»): *«Это уже с 2009 года у нас проходит: у нас и украинский вечер дружбы бывает, и чувашский вечер дружбы бывает. А сегодня праздник саамы, но поскольку они у нас в гостях, то мы такой сценарий составили, что с нашими какими-то концертными русскими номерами, от нашего Дворца культуры»* (В.В.).

Примечательно, что национальный саамский праздник устраивает Клуб национальных культур, а саамы здесь выступают в роли «гостей-именинников». И, учитывая упомянутое высказывание о том, что саамы Мурманской области выступают на культурных мероприятиях в роли «визитной карточки», логичнее было бы говорить, что не саамы приглашают на свой праздник, а саамов приглашают выступить в роли своеобразного регионального бренда.

Следует отметить, что «Демонстрационный зал», в котором проходил данный праздник, был украшен очень торжественно, и гостей уже ждали накрытые столы. Однако в оформлении зала не было отмечено специфических этнических элементов, которые могли бы символизировать данный национальный праздник (допустим, это могли быть плакаты с названием мероприятия или приветствия на саамском языке).

Всего в данном мероприятии приняло участие около 100 человек. Среди участников не было детей и практически отсутствовала молодежь – как основная аудитория по воспроизводству культурных традиций, транслируемых

старшим поколением, на которую и должны быть нацелены такого рода мероприятия. Также отсутствовали представители от органов региональной власти (губернатор, мэр города и т. п.), что, скорее всего, связано с «недостаточным» масштабом проводимого мероприятия.

Торжественная часть мероприятия началась с выступления народного коллектива шоу-балета «Альянс». Затем ведущая вызвала на сцену по одному представителю от каждой национальности и попросила поприветствовать гостей на *национальных языках*. Тем самым осуществилось знакомство с представителями всех присутствующих национальностей, среди которых были саами, украинцы, финны, немцы, чуваша, осетинка, литовцы и др. На протяжении всего праздничного вечера национальные фольклорные коллективы развлекали гостей. В анализе данного мероприятия мы остановимся только на тех элементах праздника, которые воссоздают саамскую культуру и традиции.

Поскольку праздничный вечер был посвящен Международному дню саамов, первыми выступили саамский коллектив «Елле» и театр саамских традиций «Эллмантт» из с. Ловозеро. Их песни были посвящены северной природе, родному краю и традициям своего народа. Кроме того, саамские коллективы исполнили «Саамскую кадрили» – веселый, зажигательный саамский танец, и «Восьмерочку».

На данное мероприятие также была приглашена писательница и представитель Ассоциации кольских саамов г. Апатиты Светлана Егоровна Заборщикова, которая познакомила всех присутствующих с одной из своих сказок. Писательница читала свою сказку на саамском языке, а переводчик Людмила Тюрекова переводила ее на русский.

Как уже было отмечено, основная цель любого национального праздника – продемонстрировать свою культуру и традиции. Прежде всего, это достигается через задействование в празднике различных *материальных объектов: национальной одежды, национальных музыкальных инструментов и т. п.* В настоящее время саамы надевают свою национальную одежду, которая является частью их культурного наследия, преимущественно на праздники. И на анализируемом мероприятии саамы были в традиционных костюмах. Особенно привлекал к себе внимание головной убор одной из участниц праздника – шамшура. Традиционно повседневная и праздничная верхняя одежда различались по качеству ткани и декору. Саамские женщины на Кольском полуострове носили головной убор – шамшуру, а девушки – перевязку. «Шамшура изготавливалась из сукна красного цвета (или кумача) и хлопчатобумажных тканей (подкладка) в виде мягкой шапочки; в шов между очельем и затылочной частью вшивалась прямоугольная деталь — каркас из бересты или картона, обшитый сукном и украшенный бисером. К нижней части затылочной части пришивался позатылень, расшитый бисером и пуговицами. Головной убор украшался разноцветным бисером, пуговицами, тесьмой, позументной лентой, металлическими и перламутровыми пуговками. Декор располагался в строго определенных зонах: края деталей кроя, височная зона, центр затылочной части. Надевали шамшуру таким образом, чтобы не было видно волос. Иногда поверх этого головного убора носили мягкий чепец из ситца или штофа суарак» [Традиционный костюм саамов, ЭР]. Шамшура, как саамский костюм в целом, является национальным символом саами, прописанным в Декларации [Декларация, ЭР].

На празднике присутствовали и иностранные гости из Финляндии. Среди них был мастер, который занимается изготовлением кантеле (*карельский и финский национальный музыкальный инструмент*). Кантеле он привез с собой и даже сыграл на нем, что вызвало оживленный интерес у публики.

Блюда национальной кухни являются одним из важных символов этничности, особенно в праздничных ситуациях. В течение всего праздника на столах было угощение – сладости к чаю, ватрушки, пироги с палтусом. Гостям предложили продегустировать колбасу из оленины. В 2015 году на данном мероприятии в качестве национального блюда подавалась саамская уха. Одним словом, упор в праздничном угощении делался на *традиционной кухне* саамов, имеющей в этническом аспекте символическое значение.

В завершение вечера большая часть гостей пустилась в «хоровод дружбы». Следует отметить, что атмосфера была действительно очень дружеская, эмоциональная и действительно способствовала объединению участников.

Но самое интересное ожидало гостей в самом конце праздника. Из п. Шонгуй (Мурманская обл.) на праздник приехала известная саамская сказочница, художник и поэт Надежда Геннадьевна Фенина (Ляшенко). В Мурманской области ее также знают как нойду. В структуре современного национального саамского праздника выступление (едва ли здесь уместно слово «камлание») нойды является довольно обычным элементом, и нойда все более приобретает функции публичной персоны. Об этом свидетельствует и тот факт, что феномен нойды начинает рассматриваться не только в литературе, посвященной религиозным явлениям в саамской культуре, но и в источниках информации о национальных праздниках: «У саамов имелись служители культа (нойда, нойд, кебун), выполнявшие функции шамана, жреца и колдуна. При камлании они использовали бубен (каннус, кобдас) или специальный пояс (почень)» [Праздники и обряды саамов, ЭР]. У Надежды Фениной при себе имелся «традиционный» шаманский бубен, описанный еще в «Лаппонии» И. Шеффера, – обтянутый оленьей кожей с изображением трехуровневого мира и символическими рисунками [Кошечкин, 2003: 121]., и она предложила гостям провести ритуал на исполнение желания. Последний, если и не является традиционным в этнографическом понимании, то, во всяком случае, в полной мере отражает массовые представления о том, что среди саамов и сегодня наряду с христианством большой популярностью пользуются языческие традиции [Михалева, Клещев, 2016: 103]. Желание следовало написать на листке бумаги и отдать нойде. После написания своих желаний все коллективно вышли на улицу. «Шаманка» достаточно быстро развела костер и велела всем встать в круг и взяться за руки. Ведущая пояснила: «*Чтобы желание исполнилось нужно кричать. <...>. Кричим так, чтобы содрогнулись Хибинские горы! Чтобы исполнилось желание, деньги нельзя, конечно, желать. Надо здоровья себе желать, самые положительные эмоции*» (В.В.). По нашим наблюдениям, все, кто участвовал в исполнении данного ритуала, старались исполнить его на совесть. По завершении ритуала мероприятие было окончено.

Таким образом, программа праздника была достаточно разнообразной, включающей в себя такие важные для сохранения культурного наследия элементы, как фольклор, национальные предметы и даже «шаманский» ритуал. Подобные мероприятия, безусловно, в соответствии со своим назначением способствуют знакомству и приобщению к культуре коренного населения, в том числе актуализации у самих саамов этнического самосознания.

Рис. 5, 6. Выступление фольклорных коллективов
на празднике «Саами приглашают»

Рис. 7. Нойда проводит ритуал на исполнение желаний

В заключение

На сегодняшний день одним из значимых факторов в деле сохранения и популяризации национальной культуры кольских саамов является организация в регионе различных культурно-массовых мероприятий. Действительно, роль такого рода мероприятий невозможно переоценить, особенно когда речь идет о праздничных мероприятиях. Как верно отмечает О. Л. Орлов, «функции праздника как интегратора и стабилизатора общественной системы непосредственно связаны с тем обстоятельством, что он является важнейшим элементом механизма традиции, играет огромную роль в деле сохранения и передачи от поколения к поколению социально значимой информации относительно главных ценностных ориентаций и норм поведения» [Орлов, ЭР].

Исследование показало, что рассмотренный нами локальный праздник коренных жителей Мурманской области способствует воспроизводству и сохранению этнокультурных традиций и выполняет ряд важных функций, среди которых можно выделить следующие: познавательную, коммуникативную, интегративную, развлекательную. Все это, безусловно, способствуют единению и поддержанию национального самосознания саамов, а также приобщению местного населения к культуре аборигенов. Кроме того, поддержка и развитие мероприятий, с акцентом на традиции и культурные особенности региона, способствуют повышению туристической привлекательности Кольского полуострова, что имеет немаловажное значение в перспективе развития арктических территорий.

Конечно, по одному или нескольким мероприятиям достаточно сложно судить об общей картине фестивальной и праздничной культуры в регионе, необходимы дальнейшие полевые исследования в этой области. В данном случае целью нашей статьи являлось наметить перспективы такого рода исследований. «Многообразие современных развлекательных тенденций, влияния извне, попытки восстановления утраченных и подзабытых традиций, креативность, коммерческое и туристическое брендинг и прочее создают яркую картину урбанистической фестивальной жизни и должны подробно изучаться» [Седакова, 2014: 353–354].

Список литературы

11 февраля в Кировске пройдет праздник «Саами приглашают». Туристический информационный сайт г. Кировска. URL: <http://welcomekirovsk.ru/archives/2668>.

Бакула В. Б. Лексика праздников в кильдинском диалекте саамского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25). В 2-х ч. Ч. 1. С. 29–32.

Большакова Н. П. Алхалалалай: роман-эссе. Мурманск: Кн. изд-во, 2003. 384 с.

Большакова Н. П. Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск: Кн. изд-во, 2005. 416 с.

В Кировске состоится вечер дружбы «Саами приглашают» // БЕЗФОРМАТА.RU. URL: <http://murmansk.bezformata.ru/listnews/kirovsk-sostoitsya-vecher-druzhbi/54325633/> (a).

В Кировске состоится вечер дружбы «Саами приглашают» // Официальный сайт Министерства по внутренней политике и массовым коммуникациям Мурманской области. URL: <http://mvpnmk.gov-murman.ru/news/detail/197594> (б).

В Кировске состоялся вечер дружбы «Саами приглашают» // Официальный сайт Министерства по внутренней политике и массовым коммуникациям Мурманской области. URL: <http://mvpmk.gov-murman.ru/news/detail/200006/>.

Винокурова И. Ю. Предисловие // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 3–8.

Декларация. 19-я Саамская конференция, Рованиemi, 29–31.10.2008. URL: http://www.saamicouncil.net/fileadmin/user_upload/Documents/Julgg%C3%A1%C5%A1tusat/SR_mall-Rovaniemi_Declaration_2008_RUS.pdf.

Картвилишвили Т. А. История праздничества саамов Кольского Севера // Природопользование в Евро-Арктическом регионе: опыт XX века и перспективы. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2004. С.80–85.

Конович А. А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М.: Высшая школа, 1990. 208 с.

Кошечкин Б. И. Древние религиозные представления и обряды кольских саамов // Прибалтийско-финские народы России / Отв. Ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 118–124.

Кучинский М. Г. Саами Мурманской области: очерк современного положения // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. Вып. 2. С. 114–128.

Лаврикова И. Н. Система праздничного действа: феномен приобщения // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 1. С. 209–212.

Организация народных праздников. Методический кабинет МБУК БГО «Централизованная клубная система». URL: <http://zvezdnybgo.ru/docs/Metodicheskie%20rekommendacii%20po%20provedeniju%20narodnyh%20prazdnikov.pdf>.

Орлов О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен. Автореф. дисс. на соиск. ст. докт. культурологии. СПб., 2004. URL: https://mipt.ru/education/chair/liberal_arts/courses/history/shemyakin_new.php.

Пинегин Н. В. Из сказок Лапландского Севера: Листки из записной книжки туриста // Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 17. С. 27–33.

Поздравление Губернатора Мурманской области с Международным Днем саамов // Мурманский вестник. 3 февраля 2017. № 20 (6413). С.2.

Попков Ю. В. Коренные малочисленные народы Севера в современном мире: концептуальные вопросы развития // Культура Арктики: коллективная монография / М-во культуры Рос. Федерации, Аркт. гос. ин-т искусств и культуры, М-во культуры и духовного развития Респ. Саха (Якутия). Якутск: ИД СВФУ, 2014. С. 77–87.

Праздники и обряды саамов. URL: http://folkler.ru/skazki/prazdniki_i_obrjady.

Разумова И. А. Региональная научная конференция по антропологии арктического города // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. Вып. 9. С. 173–176.

Результаты Всероссийской Переписи населения 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

Саами приглашают // Официальный сайт газеты Дважды Два. URL: <http://gazeta2x2.ru/?p=55740>.

Саамские национальные праздники. Кольский Север: Энциклопедический лексикон «А–Я». URL: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/саамские_национальные_праздники.

Сводный план мероприятий по празднованию в Мурманской области «Международного дня саамов» в 2017 году // Официальный портал Правительство Мурманской области. URL: <https://gov-murman.ru/upload/iblock/a1d/svodnyy-plan-meropriyatiy-po-prazdnovaniyu-v-murmanskoj-oblasti-mezhdunarodnogo-dnya-saamov-v-2017-godu.pdf>.

Седакова И. А. Городские праздники в эпоху перемен // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 353–365.

Соловьев И. В. Медвежий праздник в традиционной культуре саами // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. Выпуск № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/medvezhiy-prazdnik-v-traditsionnoy-kulture-saami#ixzz4eE6VTEzX>.

Строгальщикова З. И. Вепский праздник «Древо жизни» // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 74–86.

Традиционный костюм саамов // Российский этнографический музей. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/tradicionnyy-kostyum-saamov>.

Требования к оформлению сценария массового мероприятия. URL: ddtks.ru/metod-prod/strukturascenarija.doc.

Хаховская Л. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 39–59.

Чарнолуский В. В. О культе Мяндаша // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти Раомат, 1966. Т. 11. С. 301–314.

Ядринцева И. Ю. Волшебный полуостров. Североморск: Изд-во «Пароход», 2008. 22 с.

Яценко А. Л. Несколько слов о Русской Лапландии (Из поездки) // Этнографическое обозрение. 1892. № 1. С. 10–37.

Сведения об авторах

Сулейманова Олеся Анатольевна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Бодрова Ольга Александровна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Suleymanova Olesya Anatolyevna,

PhD (History), Junior Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

Bodrova Olga Aleksandrovna,

PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 37.014.22(314.925.2)(470.21):(093)

К.С. Казакова

ПРОБЛЕМА ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Аннотация

На основании этнографических источников конца XIX – начала XX вв. предпринята попытка выявить особенности культурно-образовательных процессов среди различных групп населения Кольского Севера. Анализу подвергаются авторские оценки уровня грамотности коренного и пришлого населения, а также авторские позиции о необходимости конкретных мер по подъему народного образования. Вместе с тем многие авторы сходятся во мнении, что повышение грамотности коренного населения приведет к его постепенному «обрусению». Во многих этнографических текстах конца XIX – начала XX вв. развитие образования рассматривается как решающий фактор успешной колонизационной политики на Севере. В ходе анализа этнографических источников был сделан вывод о том, что успех образовательной политики детерминирован этнокультурными особенностями различных групп населения Кольского Севера.

Ключевые слова:

грамотность, коренное, старожильское, пришлое население, Кольский Север, саамы, поморы, этнографические источники.

K.S. Kazakova

THE PROBLEM OF LITERACY OF THE POPULATION OF THE KOLA NORTH IN ETHNOGRAPHIC SOURCES OF THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES

Abstract

Based on ethnographic sources of the late XIX - early XX centuries the features of cultural and educational processes among different population groups on the Kola North are considered. The author's assessments of the level of literacy of the indigenous and newcomers, as well as author's positions on the need for specific measures to raise public education, are analyzed. At the same time, many authors agree that increasing the level of the literacy of the indigenous population will lead to a gradual assimilation of the indigenous and newcomers people. In many ethnographic texts of the late XIX - early XX century the development of education is seen as a decisive factor in the successful colonization policy in the North. Based on the study of ethnographic sources, it is concluded that the success of educational policy is determined by the ethno-cultural characteristics of various groups of the population of the Kola North.

Key words:

literacy, indigenous population, Kola North, Saami, ethnographers.

Особенности культурного развития коренного населения Кольского Севера являются ключевой темой многих этнографических текстов второй половины XIX – начала XX вв. Классические этнографические труды

представлены сочинениями В. И. Немировича-Данченко, Н. Н. Харузина, Н. Дергачева и многих других. Значительная часть сочинений, посвященных описанию культуры кольских саамов, относится к жанру путевых записок – разновидности документального (или публицистического) очерка. Исследователи отмечают, что, несмотря на различный характер научных организаций, командирующих исследователей для этнографического изучения саамов, их объединяют две общие задачи, которые они ставят перед своими агентами: 1) изучить культурное состояние автохтонного населения Кольского полуострова; 2) обосновать необходимость дальнейшей колонизации Севера и создать для него почву [Бодрова, 2009].

В этнографических текстах второй половины XIX – начала XX вв. содержатся как сведения о школах, так и авторские оценки культурных процессов, происходящих в среде коренного населения. В основном авторы, преследуя колониальные интересы, оценивают уровень грамотности саамов как «низкий» и обосновывают необходимость повышения «культурного уровня» коренного населения.

Так, Н. Дергачев отмечает, что лопари не знают ни печатных, ни письменных букв, но употребляют вместо письма клейма. «Во всех лопарских обществах сельских училищ никогда открываемо не было, поэтому грамотности между туземцами почти совершенно нет», – сообщает читателю автор [Дергачев, 1877: 22]. Н. Дергачев приводит данные о том, что в течение 10 лет (до 1867 года) в Кольском приходском училище <единственном учебном заведении на тот момент – К.К.> обучалось всего 3 мальчика и 1 девочка. Причина «жалкого распространения грамотности между лопарями» [Там же], по мнению автора, заключается не в их равнодушии к обучению, а, скорее, в бедности коренного населения. «Несколько лопарских семейств охотно отдали бы своих детей учить грамоте, если бы были открыты школы», – пишет автор [Дергачев, 1877: 22]. Н. Дергачев считает необходимым увеличение числа школ для коренного населения в зимних погостах или около приходских церквей.

Сведения о низком уровне грамотности среди коренного населения мы встречаем и у Н.Н. Харузина (рис. 1). Так, автор отмечает, что «дело образования стояло еще хуже до последнего времени, чем дело проповеди» [Харузин, 1890: 76]. В подтверждение данного высказывания Н.Н. Харузин приводит сведения из сочинения уже упоминавшегося Н. Дергачева о незначительном количестве учеников саамов в школе города Колы. Н. Харузин пишет: «Неохотно отдают лопари своих детей в школу и не оттого, чтобы они чурались грамотности, а вследствие того, что Кольская школа слишком отдалена от лопарских погостов, если не считать Кильдинского, самого близкого к Коле, отстоящего от нее в 13-ти верстах, – и оттого, что, оставив своего сына в Коле, лопарь должен платить за его содержание, что обременительно ложится на постоянно бедствующего и бьющегося в долгах лопаря» [Харузин, 1890: 76]. Таким образом, в тексте Н.Н. Харузина мы имеем дело с продолжением предшествующего сочинения Н. Дергачева. Подобное явление, когда один автор приводит в своем сочинении текст своего предшественника, как отмечает О. А. Бодрова, является типичной чертой этнографической литературы о саамах [Бодрова, 2014: 44].

Многие авторы, доказывая необходимость подъема «дела просвещения» среди коренного населения Кольского Севера, пишут о желании лопарей

учиться. Так, в сочинении Н. Дергачева читаем: «Сами лопари сознают уже потребность грамоты и развития своих детей, следовательно тем легче прививаются начала образования и наверное в скором времени принесут обильные плоды развития, а вместе с тем смягчение нравов и улучшение их быта» [Дергачев, 1877: 23]. Стремление лопарей к грамотности отмечает и В. И. Немирович-Данченко, описывая свое путешествие по Русской Лапландии в 1875 году. «Лопари не только признают пользу грамотности, но и желают учиться. Где бы я ни был, всюду лопари осаждали меня просьбами указать им, как завести свою школу», – сообщает автор [Немирович-Данченко, 1877: 124]. Также о «бесконечных» просьбах лопарей об открытии школ пишет Н. Козмин в путевых заметках «По школам Лапландии» (рис. 2) [Козьмин, 1912: 12].

Авторы многих этнографических текстов, говоря о распространении грамотности среди саамов, сообщают читателю сведения о Пазрецкой лопарской школе. Также в большом количестве этнографических текстов встречаются сведения о К. П. Щеколдине и Г. К. Терентьеве, известных своей широкой просветительской деятельностью. Так, сведения о Пазрецкой школе приводит в своем очерке «Русские лопари» Н. Н. Харузин, являвшийся одним из благотворителей этой школы. Большое количество учеников в этой школе доказывает, по мнению автора, тот факт, что лопари не «чуждаются просвещения», а причина низкой грамотности саамского населения кроется в том, что «для просвещения этого забытого в полярной стране народа ничего не было сделано» [Харузин, 1890: 77]. «Нельзя не пожелать, чтобы столь успешно начатое дело просвещения лопарей развивалось и росло дальше, крепло и пускало все глубже и глубже корни в молодую, оставленную так долго без внимания, почву. Среди мер, который могут послужить к поднятию лопарей из того положения, в котором они находятся, одной из главных является просвещение», – заключает автор [Харузин, 1890: 77]. К. Спасский, отмечая, что только школа способна улучшить быт лопарей, пишет о том, что примером для подражания является священник Константин Щеколдин, который «посвятил себя великому делу – просвещению лопарей и уже более 20 лет работает в глуши Лапландии, обучает грамоте лопарских детей и наставляет взрослых» [Спасский, 1899: 229].

Стоит отметить, что особенностью школы в Пазрецком погосте был сезонный характер обучения, разработанный К. Щеколдиным в соответствии с хозяйственным календарем саамов. Н. Козьмин, совершивший в 1911 году поездку с целью обозрения школ Александровского уезда, в своем сочинении писал о том, что занятия в Пазрецкой школе, в отличие от других погостов, начинались уже с сентября. Для этого в месте летнего становища на средства Училищного совета было устроено общежитие для лопарских детей. В зимние месяцы занятия проходили в здании школы в зимнем погосте. В этнографической литературе Пазрецкая лопарская школа получила название «передвижной школы» Константина Щеколдина.

«Нельзя не отнестись с особенным сочувствием к тому, что место для школы было выбрано именно в Лопарском зимнем погосте, а не около церкви. Представляя большие неудобства для учителя, которому приходится ехать так далеко для обучения лопарей, близость школы к погосту имеет для лопарей огромное преимущество», – писал Н. Харузин [Харузин, 1890: 77].

«При врожденной впечатлительности и восприимчивости лопарей учение идет успешно и бойко. В своих неоднократно опубликованных записках К. П. Щеколдин, вопреки распространенному тогда мнению, постоянно подчеркивал глубокие национальные традиции лопарей, их любовь к своему краю, природе, способность и стремление к учению, своеобразное чувство юмора и нравственную чистоту», – писал в своей книге Е. В. Кочетов, совершивший 23-дневную поездку по Северу России в июне 1894 года [Львов, 1895: 192].

Успех обучения в Пазрецкой школе, по мнению авторов, во многом объяснялся тем, что занятия с учениками К. Щеколдин отчасти вел на родном для них языке. В 1894 году была опубликована первая книга на саамском языке «Евангелия от Матфея», а затем в следующем, 1895 году, издана «Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии» – первый саамский учебник (рис. 3). Книги получили широкое распространение по всему Кольскому Северу. К примеру, заведующий Сонгельской церковно-приходской школой Михаил Терентьев уведомлял Кольское училищное отделение, что «при занятиях с учениками будет это Евангелие познано, а с лопарями, умеющими хорошо говорить по-русски, будет переведена вторая глава» [Ермолаев, 2009: 4].

Несмотря на успешный опыт Пазрецкой школы, говорить о масштабном распространении церковно-приходских школ на Севере в конце XIX века не приходится. Такое положение было связано с рядом факторов, о которых пишет, например, А. С. Розонов. Автор указывает на недостаточность средств, отсутствие специальной подготовки учителей, затруднительность для священников отрывать время от своих прямых обязанностей. Однако одной из главных трудностей обучения в лопарских школах является, по мнению автора, языковой барьер между учителями и учениками. «Ко всем прочим недостаткам церковно-приходских школ присоединяется то обстоятельство, что преподавание ведется на чужом детям языке <...> женщины и дети совершенно не понимают русского языка», – отмечает А.С. Розонов [Розонов, 1903: 122]. В заключение автор пишет о необходимых мерах «культурного подъема» лопарей. Для этого, по его мнению, необходим целый ряд мероприятий, на первое место среди которых автор выдвигает устройство «хорошей школы». «В Лапландии больше, чем где либо, условия жизни требуют энергии, выдержки, способности к неустанному систематическому труду, качества возможные лишь при высоком культурном уровне населения», – заключает А. С. Розонов [Розонов, 1903: 123].

Обучение саамов грамоте осложнялось не только языковым барьером между учителем и учениками, но и коротким периодом обучения, обусловленным сезонным характером хозяйствования коренного населения. Так, во многих саамских школах, расположенных вблизи зимних погостов, учебный год начинался только в ноябре–декабре и заканчивался в марте–апреле. Чтобы сделать более продолжительным учебный год в лопарских школах, в своем сочинении Н. Козьмин обосновывал необходимость устройства при школах общежития для детей-школьников. Стоит отметить, что в данном случае речь идет именно об организации постоянного проживания детей при школе с целью продления учебного периода, то есть отрыве саамских детей от промыслов, что существенно отличается от опыта «передвижной» школы Константина Щеколдина.

С началом активной колонизации края в начале XX века в этнографических текстах все чаще встречаются высказывания о необходимости просвещения коренного населения Кольского Севера. Несмотря на признание несправедливости колониационного процесса по отношению к саамам, большинство авторов отмечает, что Российское государство приносит саамам перспективы для выживания и развития [Бодрова, 2014: 136].

Многие авторы видят в просвещении коренного населения необходимое условие для успешной колонизации края. «Несмотря на природные богатства, край этот остается далеко не использованным, население существует кое-как, остается на самом низком уровне культурного развития. Самая энергичная борьба с безграмотностью, рутинной, возможно большее насаждение школ, вот единственное, по моему убеждению, основанному на многолетнем наблюдении средство как к поднятию промысловой деятельности Мурмана, так и к привлечению сюда пригодных для дела переселенцев и объединению разобщенных национальностей», – пишет в своем сочинении А.А. Мухин [Мухин, 1910: 48].

Вот еще пример. Г.Ф. Гебель, рассматривая особенности колониационного процесса, отмечал: «Далеко важнее вопрос о том, в состоянии ли лопарь воспринять культуру и сделаться оседлым, представляет ли он из себя годный материал для колонизации собственной страны. На этот вопрос кажется можно ответить утвердительно» [Гебель, 1909: 84]. Главным институтом, способным обрусить и ассимилировать лопарей и русских, по мнению автора, должны были стать русские школы.

Таким образом, во всех рассмотренных этнографических сочинениях лейтмотивом является необходимость поднять «культурный уровень» коренного населения. Авторы пишут о стремлении саамов к грамотности, положительном опыте деятелей просвещения, отмечают объективные трудности в развитии саамских школ. Однако во всех проанализированных этнографических текстах школе отводится особая роль в успехе колониационного процесса на Кольском Севере.

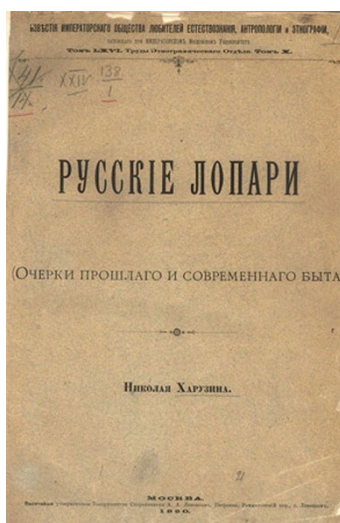

Рис. 1. Н. Н. Харузин.
Русские лопари. 1890 г.

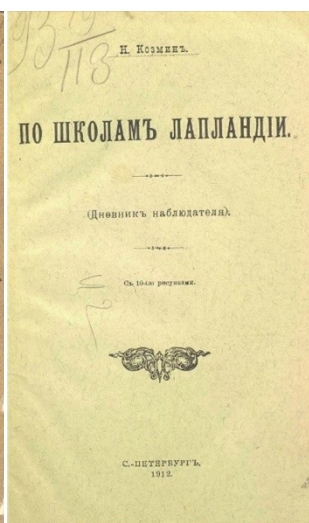

Рис. 2. Н. Козмин.
По школам
Лапландии. 1912 г.

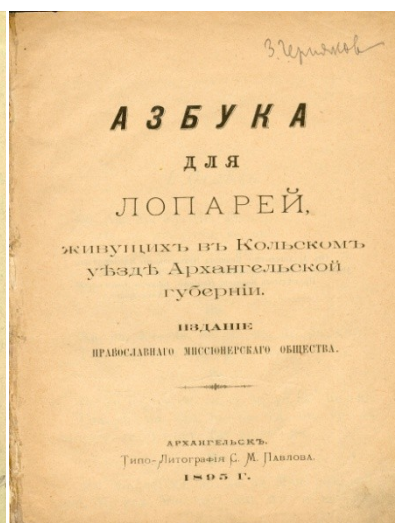

Рис. 3. Азбука для лопарей.
1895 г.

Немного иная образовательная ситуация, согласно этнографическим описаниям, наблюдалась в поморских селах. В отличие от саамских, в поморских школах учеников было больше, а учителями были, как правило, выпускники Архангельского епархиального училища. Так, например, в Понойской школе существовало три отделения: младшее, среднее и старшее, с общим количеством учащихся около 30 человек, а учеба начиналась с начала сентября, – сообщал в своем обзоре Н. Козьмин. [Козьмин, 1912: 24] Понойская школа была открыта в 1884 году и помещалась сначала в доме священника, а потом в собственном здании, приобретенном путем пожертвования. Надо отметить, что во всех поморских селах крестьяне исправно платили добровольные взносы, которые расходовались на содержание школьных зданий и жалование учителю.

На Терском берегу были расположены Чапомская, Пялицкая, Тетринская начальные церковно-приходские школы, также школы были в селах Кузомень, Варзуга, Кашкаранцы и Умба. В «Архангельских епархиальных ведомостях» нередко помещались очерки о школах Кольского уезда, написанные местными священниками. В одном из них, посвященном Варзугской церковно-приходской школе, отмечается, что грамотность в приходе традиционно поддерживалась самими крестьянами: у грамотного отца был грамотный сын. Священник Николай Попов в заключение очерка пишет о том, что крестьяне села Варзуга относятся к школе сочувственно, выделяя средства на ее содержание и даже часть средств на вознаграждение учительницы. «Школа оказывает благотворное влияние не только на учащихся, но и на семейства их: в воскресные и праздничные дни нередко встретишь бывших учащихся за книгою среди семьи: при отлучках на промыслы крестьяне запасаются книгами для чтения и наконец усвоение крестьянским населением истин веры и нравственности христианской с большей сознательностью теперь чем прежде свидетельствует о том же», – резюмирует автор [Попов, 1904: 461]

Нередко небольшие школы в поморских селах оказывались на грани закрытия. Так, например, из очерка неизвестного автора видно, что жители села Пялица, не имеющие в течение нескольких лет прибыли от промыслов, оказались не в состоянии содержать здание школы и платить дополнительное жалование учительнице. Автор считает необходимым обратить на это внимание епархиального начальства и найти возможность «освободить обедневшее общество от непосильного для него участия в содержании школы» [Пялицкая школа, 1908: 173].

Иная ситуация наблюдалась в Кандалакшской церковно-приходской школе. Из очерка священника В. Рябова следует, что школа почти полностью содержалась за счет церковных сумм, а жители села почти не оказывали никакой финансовой помощи школе. «При недостаточно сочувственном теперь отношении к школе взрослого крестьянского населения и недостаток средств на ее содержание, учащие убеждены, что молодое поколение крестьян, пройдя школу, поймет значение школьного обучения и оценит школу», – отмечает в своем очерке священник [Рябов, 1904: 714].

Таким образом, на основании анализа сочинений, посвященных состоянию школьного образования среди старожильского населения, можно сделать вывод о том, что уровень грамотности населения Терского берега был также невысок, однако с повсеместным учреждением церковно-приходских

школ в поморских селах в последней трети XIX века ситуация менялась. Заинтересованность крестьян в развитии грамотности проявлялась в финансовой поддержке школ, наполняемости классов, приглашении квалифицированных учителей.

В последней трети XIX в. активизировался процесс колонизации Мурманского берега. Этнографические источники, которые содержат информацию о быте колонистов, по целевому назначению и жанру относятся к литературе путешествий или представляют «путеводители», включающие описание средств и обстоятельств передвижения, картин природы и жизни колонистов. Объектом авторских наблюдений часто оказывались представители разных культур: норвежцы, финны, поморы, восточные саамы. Так, например, А. П. Энгельгардт в своих очерках подробно описывал колонию Ура, заселенную финнами. Автор подчеркивал опрятность домов и внутреннего устройства жилища. «В каждом доме мы находили шкаф с книгами и даже газеты, дети обучаются самими родителями грамоте», – писал автор [Энгельгардт, 1895: 114]. Вместе с тем А. П. Энгельгардт отмечал, что ни одна из женщин не владеет русским языком. «Спрашивали мы, почему они не выучатся русскому языку ... На это они отвечали – устройте нам русскую школу, мы охотно будем учиться по-русски, пошлем в школу всех наших детей, теперь мы учим их сами и конечно только тому, что сами знаем, ведь на всем Мурмане нет ни одной школы», – пишет автор [Энгельгардт, 1895: 114]. Тем не менее существуют и другие источники, указывающие на нежелание иностранных колонистов изучать русский язык. Так, Е. А. Орехова пишет о том, что среди населения финских и норвежских колоний часто грамотными были все жители старше 6–7 лет, однако там детей обучали только финской или норвежской грамоте [Орехова, 2009: 178]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в различных колониях существовали разнонаправленные языковые стратегии.

Значительный интерес представляют сведения о Мурманском побережье контр-адмирала А. К. Сиденснера. В своем труде он не только дал всестороннюю характеристику региона, показал перспективы его развития, но и уделил внимание вопросам колонизации побережья, а также описал финские колонии. В частности, А. К. Сиденснер отмечал, что финские колонисты отличаются всеобщей грамотностью, трудолюбием, трезвостью и бережливостью, при этом они абсолютно не знали русского языка и традиций [Сиденснер, 1909: 41, 99]. «Самой существенной мерой для развития нашего Северного края, как в экономическом, так и в государственном отношении должна явиться прежде всего забота о самом широком распространении в Северном крае грамотности», – подчеркивал А.К. Сиденснер [Сиденснер, 1909: 91].

После поездки по Мурманскому берегу летом 1889 года священник Архангельской епархии, подписавший свой труд лишь инициалами П. И., опубликовал в Архангельских епархиальных ведомостях статью, в которой отмечал низкий уровень грамотности населения Кольского Севера. По его наблюдениям, грамотных среди колонистов было мало, в основном мужчины, получившие образование еще до переселения на Мурман. «Колонисты желали бы иметь в Гаврилове самостоятельный причт и школу. Их учреждение могло бы предупредить в колонии развитие раскола, последователи которого есть между колонистами, переселенцами из Кемского уезда», – считает автор [Из дневника, 1890: 185].

О необходимости развития грамотности среди колонистов пишет Г. Ф. Гебель. Так, автор полагает, что каждая колония должна иметь свою школу, при которой должны быть устроены пансионаты, где за небольшую плату могли бы учиться дети из соседних колоний. «Только при помощи русской школы может состояться сближение инородческих элементов с русским, только при помощи школы могут из детей русских колонистов выйти полезные люди. Без школы и те родители, которые вполне сознают важность школьного воспитания, не в состоянии давать его своим детям, как это они могли бы сделать в тех местах, откуда они переселились на Мурман» [Гебель, 1909: 196]. После устройства русских школ в инородческих колониях автор считает возможным установить правило о недопуске к конфирмации колонистов, не умеющих читать и писать по-русски.

Исключительно ценную информацию, касающуюся первых этапов колонизационного процесса, содержат материалы статистического описания Мурмана, осуществленного в 1899 году [Материалы, 1902]. Описание проводилось группой исследователей по обширной программе, включающей этнографические сведения, и в течение двух с половиной месяцев охватило весь берег. Государственное значение таких предприятий было связано с изучением экономического потенциала территории, фактические же результаты были гораздо шире. В данном случае были описаны все колонии по комплексу показателей, что позволяет делать выводы относительно численности колонистов, их культурного уровня, включая показатель грамотности. В целом, проанализировав представленные сведения, можно сказать, что во многих колониях Мурманского берега школы попросту отсутствовали. Самым распространенным типом школ были церковно-приходские, где преподавали начальные знания либо священник, либо члены причты. Общей проблемой становилось размещение школ, отсутствие для этого необходимых помещений.

Второе статистико-экономическое обследование Мурмана было осуществлено в 1920–1922 годах благодаря деятельности Северной научно-промысловой экспедиции. Проводились ревизия состояния промыслов и сплошная похозяйственная перепись [Воленс, 1926]. В материалах содержится информация о типах хозяйств на Западном и Восточном Мурмане, сведения об этнической ситуации на побережье (ассимиляционном процессе), общей «культурности» разных категорий жителей и т.п. Так, в отчете приводятся данные о грамотности отдельных национальных групп на Мурмане. Наиболее грамотными, по данным наблюдателей, были норвежцы и финны. Тем не менее Н. В. Воленс отмечала, что ассимиляционные процессы происходили таким образом, что «затерянность среди чуждых национальностей уменьшает потребность в русской школе, не подчиняя однако культурному влиянию достаточно сильному, чтобы послать детей в чужую школу» [Воленс, 1926: 17]. Еще одним важным наблюдением, на которое обращает внимание автор, является «одичание» Западного Мурмана, особенно финской части населения, вследствие его культурной оторванности от привычной среды и правительственного отношения к иноязычной школе [Воленс, 1926: 16–17].

Таким образом, на основании анализа этнографических сочинений конца XIX – начала XX веков можно сделать вывод о том, что именно в этот период на Кольском Севере начинается процесс становления начального образования. Многие авторы отмечали, что уровень грамотности населения региона к этому

времени был достаточно низкий. Тем не менее процесс развития школьного образования среди отдельных групп населения имел свою специфику. Так, особенности хозяйственной деятельности коренного населения, низкая заинтересованность в процессе обучения обуславливали определенные трудности в развитии школьного дела среди саамского населения. Жители поморских сел, напротив, были активно вовлечены в процесс обучения, оказывая финансовую поддержку открывающимся школам. Становление системы начального образования в северных колониях также сопровождалось определенными трудностями. В целом многие авторы этнографических текстов полагали, что просвещение должно стать основой всего колонизационного процесса на Кольском Севере, а школа – центром социальной инфраструктуры развивающегося региона.

Список источников и литературы

Бодрова О. А. В поисках отражения: саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половины XIX – начала XX вв. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2014. 168 с.

Бодрова О. А. Саамы в русской этнографической литературе второй половины XIX – начала XX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Апатиты, 2009.

Воленс Н. В. Колонисты Мурмана и их хозяйство: Материалы стат.-экон. исслед. 1921–1922 гг. М.: Тип. Химтехиздата, 1926. 112 с.

Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. СПб.: [б.и.], 1909. 314 с.

Дергачев Н. Русская Лапландия. Архангельск, 1877. [2], 108, 132, 61 с., 2 л. табл.

Ермолаев Д. Русский священник: просветитель, полицейский и медик // Мурманский вестник. 2009. 13 октября. С. 4.

Из дневника миссионера. Наблюдения и заметки во время поездки на Мурманский берег летом 1889 г. Священник П.И. // Архангельские епархиальные ведомости. 1890. № 11. С. 178–193.

Козмин Н. По школам Лапландии (Дневник наблюдателя). С-Петербург, 1912. 31с.

Львов Е. По Студеному морю. Поездка на Север. М., 1895. 249 с.

Материалы по статистическому исследованию Мурмана. В 4 т. Т. 2. Вып. 1. Описание колоний Восточного берега и Кольской губы / Ком. для помощи поморам Рус. Севера / под общ. ред. Н. В. Романова. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1902. 273 с.

Мухин А. А. О Мурмане и Лопландии. Записки Чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда А.А. Мухина. Архангельск: Губкрнская тип., 1910. 50 с.

Немирович-Данченко В.И. Лапландия и лапландцы: Публичные лекции, читанные в 1875 г. в Санкт-Петербургском педагогическом музее. СПб.: тип. В. А. Тушнова, 1877. 228 с.

Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX вв.: спец. 07.00.02 Отечественная история: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2009. 311 с.

Попов Н. Варзугская церковно-приходская школа Александровского уезда Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. № 11. С. 457–462.

Пялицкая школа Александровского уезда [б.а.] // Архангельские епархиальные ведомости. 1908. № 6. С. 170–174.

Розонов А. С. Лапландия и лапландцы. СПб.: тип. И. Усманова, 1903. 116 с.

Рябов В. Кандалакшская церковно-приходская школа Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. № 18. С. 710–714.

Сиденснер А. Описание Мурманского побережья. М.; СПб.: Тип. Морского Министерства, 1909. 272 с.

Спасский К. Лопари // Русская земля (Природа страны, население и его промыслы): Сборник для народного чтения. СПб.: типо-литография М. П. Фроловой, 1899. Т.1. С. 22–231.

Харузин Н. Н. Русские лопари: Очерки прошлого и современного быта. М.: т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. 472 с.

Энгельгардт А. П. Очерк путешествия архангельского губернатора А. П. Энгельгардта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск: Губернская типография, 1895. 128 с.

Сведения об авторе

Казакова Ксения Сергеевна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Kazakova Ksenia Sergeevna,

PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 34.023+34.096

Т.Р. Полищук-Молодожена

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация

Исследуются проблемы, связанные с правовым статусом коренных малочисленных народов России, на примере саамов, проживающих на территории Мурманской области. Анализируются коллизии терминологии действующего российского законодательства о защите прав коренных малочисленных народов, а также неопределенность порядка наделения статусом лиц, относящих себя к коренным малочисленным народам.

Ключевые слова:

правовой статус, коренные народы, малочисленные народы, национальная принадлежность.

**LEGAL PROBLEMS OF DEFINING THE STATUS
OF THE NORTHERN INDIGENOUS PEOPLES IN RUSSIA
(ON THE EXAMPLE OF MURMANSK REGION)**

Abstract

This article studies problems related to the legal status of indigenous minor peoples of Russia on the example of the Saami in Murmansk region. Analyzes the conflict of terms in the current Russian legislation on the protection of the indigenous peoples rights, and the procedure of acquirement special status of indigenous persons.

Keywords:

legal status, indigenous peoples, minor peoples, national identity.

Россия является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира. На ее территории по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан, проживают представители 193 национальностей. В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666) заявлено, что она принята в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России; многообразие национального состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации (п. 12). При этом коренные малочисленные народы Российской Федерации, особенно северные, представляют собой отдельную группу населения, нуждающуюся в особой государственной защите и государственной поддержке. Для того чтобы государство слышало и реагировало на проблемы малых народностей, и для их защиты еще в 1990 году была организована общественная организация «Ассоциация коренных малочисленных народов РФ».

Актуальность темы связана с тем, что в соответствии с действующим законодательством наличие особого статуса коренных малочисленных народов требуется для предоставления различного рода льгот их представителям, однако в связи с законодательными пробелами возникают вопросы о порядке и способах определения национальной идентичности данных народов.

Составляющими элементами понятия «коренной малочисленный народ» являются коллективные субъекты этнических (национальных) отношений, однако содержательная сторона этих понятий представляется неоднозначной. Для определения правового статуса коренных малочисленных народов Севера необходимо изначально определиться с терминологией, поскольку в силу специфики российского права наш законодатель счел возможным использовать

термины «народ», «этнос», «национальность», «народность» в различных контекстах. Например, в п. 19 «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» основным принципом государственной национальной политики Российской Федерации названо, в том числе, обеспечение гарантий прав коренных малочисленных народов (малочисленных этнических общностей), включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни. В связи с этим необходимо провести более углубленный анализ категории «коренные малочисленные народы» с раскрытием всех ее элементов.

Под правовым статусом понимается совокупность прав и свобод, обязанностей и ответственности, которыми наделяется лицо как субъект правоотношений, возникающих в процессе реализации норм различных отраслей права [Конюхова, 2017: 9]. Законодательство Российской Федерации в части регулирования правового статуса коренных малочисленных народов в целом представляется весьма разрозненным в связи с отсутствием более-менее комплексного законодательного акта (специальное законодательство основано на ФЗ от 30.04.1999 г. «О гарантиях коренных малочисленных народов Российской Федерации», ФЗ от 07.05.2001 г. «О территориях традиционного природопользования коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», а также ФЗ от 20.07.2000 г. «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»). Данный факт, скорее всего, связан не с низким уровнем законодательной техники, а, скорее, с отсутствием общего понимания специфики правового статуса коренных малочисленных народов в современных условиях.

Проблемы коренных малочисленных народов поднимаются в отечественной литературе уже многие десятилетия, начиная с советских времен и попыток навязать этим народам ценности цивилизации, прикрепляя их к конкретным поселениям, коллективным хозяйствам, школам. Так, саамы – это сравнительно небольшой народ Севера Европы численностью около 31 тыс. чел. Основная масса саамов населяет север Норвегии, Швеции и Финляндии, а небольшая часть живет в России, на Кольском полуострове. Саамы Кольского полуострова представляют собой совершенно самостоятельную этнографическую группу, которую называют кольскими саамами (лопарями). Их образ жизни определяется сочетанием оленеводства, рыболовства и охоты и считается полукочевым либо оседлым. Советский период ознаменован попыткой «окультурить» саамское население [Смирнова, ЭР]: происходит перемещение людей из мест традиционного поселения, если это мешает индустриализации, централизация поселений при ликвидации традиционных саамских деревень, а также перевод населения страны на оседлость с едиными культурными, медицинскими и образовательными учреждениями.

Что включает в себя современное юридическое понятие «коренной»? Российское право не знает определения «коренной народ», но используется комплексный термин «коренной малочисленный народ». Обратимся для начала к Конституции РФ. Согласно статье 69 установлена общая норма, что Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного

права и международными договорами РФ. В Конституции употребляется также понятие «малочисленные этнические общности» (п. «м» статьи 72). Согласно статье 1 ФЗ от 30.04.1999 года «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» коренные малочисленные народы РФ – это «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями».

В подзаконных актах также встречается данное понятие, например: «коренные народы Российской Федерации – народы, исторически проживающие в Российской Федерации, внесшие свой вклад в становление российской государственности» (Приказ Минрегиона России от 14.10.2013 г. № 444 «Об утверждении Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений, их предупреждения и действиях, направленных на ликвидацию их последствий»).

Получается, что согласно российскому праву в основе этого термина лежит признак проживания на местах традиционного обитания своих предков; но значит ли это, что народы изначально занимали данную территорию и не имели другой этнической родины? Тогда из понятия коренные народы исключается большое количество народов, мигрировавших в поисках ресурсов, уходящих от военных конфликтов и пр., но ведущих традиционный образ жизни наравне с «местными» коренными народами (например, коми-ижемцы мигрировали в 1883 году на Колькой полуостров и были приняты в 1897 году официально в местное общество Ловозерского погоста). Зная историю России, можно четко отметить, что северные (и не только) территории были местом постоянных переселений. И может возникнуть коллизия при установлении адресата, целевой группы законодателя: либо это местное этническое население с собственной идентичностью, уникальностью социального и культурного облика, либо исконная привязанность населения к какой-либо территории.

С определением «коренной» в русском языке возникают и смысловые коллизии. К слову, в международных документах на английском языке используется понятие «indigenous people» (местный, аборигенный). Однако, например, в русском языке согласно словарю В. И. Даля «коренной житель» означает «исконный, не переселенец» [Даль, 1904]. В толковом словаре Д. Н. Ушакова это значит «исконный, основной, постоянный» [Ушаков, ЭР]. Очевидны расхождения языковых значений понятия, поскольку следует отметить, что в международном праве коренной народ противопоставляется тому народу, который исторически осуществил по отношению к этому «коренному народу» завоевание и колонизацию его территории. То есть на одной и той же территории одни народы могут иметь статус коренных, а для остальных (не коренных) народов законодатель не предусматривает иной правовой категории с собственным статусом. Например, Конституция Якутии отражает, что «Республика Саха (Якутия) является демократическим правовым государством, основанным на праве народа на самоопределение», и положение, что ее титульный народ обладает собственной государственностью и одновременно является «коренным», невозможно. Следовательно, если якутский этнос провозглашается в Якутии коренным, то в понимании международного

права он должен быть в оппозиции русскому этносу в масштабах всей Федерации, а не только Якутии [Семушин, ЭР]. С позиции международного права якуты перестанут быть коренным народом, если Якутия получит полный суверенитет и станет независимым государством.

Если анализировать положение северных малочисленных народов России, то значительное большинство коренного населения Сибири и Дальнего Востока традиционно селится в тех местах, в которых ранее проживали их предки. Поэтому на карте страны можно встретить целые населенные пункты, в которых абсолютное большинство населения принадлежит к коренным народностям.

Однако одного признака «коренной» недостаточно, так как необходимо подпадать под категорию «малочисленный». Некоторые народности настолько незначительны, что само их существование ставится под угрозу, и государство должно применять такие механизмы, которые помогают сохранить их аутентичность и способствуют развитию их самоидентичности. Критерий малочисленности установлен в ст. 1 ФЗ от 30.04.1999 г. № 82 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации»: «...народы, <...> насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек <...>», то есть данный критерий является весьма условным применительно к сложившейся ситуации в Российской Федерации. Получается, что, для того чтобы государство обратило внимание на народ, принимало дополнительные меры к его сохранению, он должен быть достаточно малым и находиться под угрозой исчезновения. Но как тогда оценивать народы, которые в целом приняли городской образ жизни в целом и ассимилировались с русским населением, но отдельные семьи которого, общины остаются жить в тайге или тундре и ведут коренной образ жизни? Например, такие вопросы возникают у якутов, отвечающих критерию «сохраняющие традиционный образ жизни», но не отвечающих критерию «насчитывающие менее 50 тысяч человек». В Республике Саха (Якутия) их больше половины ее населения, и они являются титульным этносом Саха (Якутии). По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года в России проживало 478,85 тыс. якутов, из которых 466,5 тыс. – на территории самой Якутии. Очевидно, что на данный момент только часть якутов ведет в Якутии «традиционный образ жизни и хозяйствование», то есть занимается традиционными скотоводством, рыболовством и охотой. Следовательно, несмотря на то что эти люди живут на своей этнической родине, они не могут претендовать на государственную поддержку в контексте помощи слабым, исчезающим этносам. Иная ситуация на Кольском полуострове: из малых народов в пределах территории Мурманской области по результатам переписи 2010 года проживало 1599 саамов (1771 по России в целом), из которых 947 – в сельской местности, что дает возможность получать положенные льготы и преференции. Кроме саамов к малочисленным народам в Мурманской области отнесены 82 чел. вепсов, 149 чел. ненцев, однако они не могут претендовать на статус «коренных». Присутствие на территории представителей коми, не наделенных правами коренных малочисленных народов, создает определенную социальную напряженность в местных сообществах, хотя в действительности оно не влияет на их индивидуальные или групповые права на экономические ресурсы. Так, в региональном законодательстве представители этнических общностей, не относящиеся к малочисленным

народам, но постоянно населяющие районы проживания этих народов и осуществляющие традиционное хозяйствование малочисленных народов, приравниваются к коренным малочисленным народам [Владимирова, 2015: 24].

Кроме того, можно согласиться с Р.Ш. Гариповым в том, что наличие численного критерия малочисленности «носит дискриминационный характер и никак не соответствует планам правительства по демографическому росту населения», поскольку таким образом не стимулируется рост численности малого народа, который в обмен на «малочисленность» получает защиту своих прав, что порождает своего рода «иждивенческое» поведение целого народа, не заинтересованного в превышении своей численности выше порогового значения под угрозой лишения особых прав [Гарипов, 2012: 70].

Следующее понятие, требующее конкретизации, – «народ». Поскольку происходит использование различных терминов: «народ», «народность», «этнос», «национальность», следует установить их смысловые рамки.

Многие международно-правовые документы упоминают термин «народ», но ни один из них не дает развернутого определения данному понятию. Например, Устав ООН 1945 года начинается словами: «Мы, народы...». Выработке определения понятия «народ» посвящен специальный доклад, выполненный в рамках ЮНЕСКО. В нем отмечалось, что «народ» есть группа людей, которые обладают многими или всеми следующими характеристиками: а) общими историческими традициями, б) расовой или этнической общностью, в) культурной однородностью, г) языковой общностью, д) территориальными связями, е) общей экономической жизнью [Журек, 1990: 997].

В отечественной юридической литературе встречается ряд специальных исследований, посвященных данному понятию. Так, по мнению Е. А. Казьминой, категория «народ» является самостоятельной конституционно-правовой категорией. В современном российском праве ее можно определить как совокупность граждан Российской Федерации вне зависимости от места их проживания, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории РФ, обладающих политическими правами и выражающими свою политическую волю в отношении РФ. Под категорией «нация» автор понимает этническую общность, представляющую собой совокупность людей, обладающих общей культурой, как правило, одним языком, общим самоназванием и осознанием общности своего происхождения [Казьмина, 2011: 13].

Национальность связана с понятием нации как социальной структуры общества. По мнению П. А. Оля, социальные общности как потенциальные носители субъективных прав (т.е. как субъекты права) для участия в правоотношениях как субъекты должны получить фактическую возможность реализовывать свои права в правовых отношениях. Это возможно только через персонифицирующие их организационные формы (организации). Таким образом, нация как сложная этносоциальная общность в правовых отношениях может выступать только как общественное образование с формально юридически закрепленным статусом [Оль, 2000: 7].

Таким образом, в отечественной политической науке выделяется три основных понимания термина «народ» как главного субъекта самоопределения. Во-первых, народ как совокупность граждан определенного государства.

В Российской Федерации это конституционная категория – «многонациональный народ России», который в соответствии с Основным законом является источником власти. Во-вторых, народ как совокупность людей, объединенных какими-либо кроме этнических и близких к ним характеристиками (население определенной территории, группа лиц, социальная страта, класс и т.п.). И, в-третьих, народ как этническая группа (нация), провозглашаемый некоторыми учеными и политиками как субъект права на самоопределение (суверенитет) [Тиунчик, 2012: 216].

По мнению Н. А. Силантьевой и А. П. Сунцова, сущностные характеристики, выявленные в результате анализа различных трактовок понятий «коренной народ», позволяют сформулировать следующее определение: «коренной народ» – это совокупность граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, исторически проживающих на территориях расселения своих предков, сохранившие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, а также обладающие политическими правами и внесшие свой вклад в становление российской государственности [Силантьева, Сунцов, 2016]. Но вот статья 69 Конституции Российской Федерации направляет нас к коренным малочисленным народам как субъектам права, а пункт «м» статьи 72 уже указывает на малочисленные этнические общности. В данной ситуации С. О. Иванов считает, что фактически ни один федеральный нормативный акт не дает четкого толкования этих терминов, хотя в соответствии с Конституцией Российской Федерации именно последняя должна регулировать и защищать права этнических коллективов [Иванов, 2004: 88]. С правовой точки зрения группа населения, получающая определенный статус в силу своего рождения, становится сословием. Районы Крайнего Севера весьма не простое место для проживания, и в сельском хозяйстве работают люди различного этнического происхождения. Они используют те же технологии, преодолевают те же трудности, сталкиваются с теми же вызовами, что и коренное население. Но получается, что Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» выделяется своим подходом из всей российской правовой системы, так как рассматривает народ как субъект права и допускает тем самым дискриминацию по этническому признаку. А как же Конституция, которая гласит, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от национальности, происхождения, места жительства и т.д. (ч. 2 статьи 19)?

Этносом в современном понимании является устойчивая исторически сложившаяся группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой, жизненным укладом, самосознанием и самоназванием. Само слово «этнос» в переводе с греческого языка означает «народ». С. М. Широкогоров еще в 20-е годы прошлого века предложил следующее определение этноса: «Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ей от таковых и других» [Широкогоров, 1923: 13]. Теория этноса отражена в трудах Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева 1960–1980-х годов в ответ на развитие теории нации в Европе в конце XVIII – начале XIX веков, где «нация» стала конструироваться как этническая общность

в правовом поле и давала право на самоопределение. У нас в стране данное право было трансформировано в создание административно-территориальных единиц по «национальному принципу» (республики, края, области). Таким образом, эта теория предполагает возможность выделения четко очерченных групп населения с помощью внешнего анализа, что было использовано в идеологических целях. Поэтому в антропологии принято использовать термин «идентичность». Этнические общности динамичны – меняются их численность, род занятий, место расселения, вероисповедание, язык семейного общения, самоидентификация в результате смешанных браков и пр., то есть в различных ситуациях в жизни человека может меняться приоритет идентичности. Таким образом, понятие «этнос» в российской системе права не имеет определенного легального содержания.

Термин «народность» используется в качестве синонимов для слов «этнос», «народ», «национальность», но также не имеет определенного законодательного содержания. Считается, что народность – исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации [Ушаков, ЭР].

В Преамбуле Конституции Российской Федерации употребляется термин «многонациональный народ РФ» и устанавливается принцип «самоопределения народов». Что же такое национальность и как она соотносится с понятиями «этнос» и «народ»? Вероятно, что для этого нужно обратиться к нашей недавней истории, показывающей, что в СССР практиковался беспрецедентный в мировой практике учет граждан по их этнической принадлежности, то есть «национальности». «Национальность» в обязательном порядке указывалась в паспорте, в различных видах персональных анкет, в переписях населения, при планировании и распределении ресурсов страны. Аналоги такому тотальному контролю за этносами сейчас в мировой практике сложно найти. Как правило, учитываются лишь носители языков и вероисповедания. Если на основе «больших» по численности этнических идентичностей были созданы республики и районы, то «малым» народам Севера были предоставлены льготы.

Несколько лет назад широко обсуждался проект ФЗ «О российской нации» (автор инициативы – заведующий одной из кафедр Российской академии народного хозяйства и государственной службы В. Михайлов; позже ФЗ был переименован в ФЗ «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации»), который потребовал бы даже изменения соответствующей трактовки преамбулы Конституции: «Мы, многонациональный народ (российская нация)».

Сейчас тема прав коренных малочисленных народов особенно злободневна в свете защиты интересов малочисленных народов Севера России; в приоритет входит защита их прав на традиционный уклад, на предоставление им возможности жить так, как жили их предки. Хотя здесь также следует отметить, что в результате научно-технического прогресса и развития техники неизменно происходит изменение традиций, их трансформация с учетом информационных технологий (например, доставка грузов и людей в отдаленные поселения на вертолетах, а не на оленях, возможность использовать электронные средства, мобильную связь при реализации традиционного уклада жизни т.д.). Факт наличия у коренных малочисленных народов (в том числе и северных) исторических прав на земли и биоресурсы получил всеобщее

признание, которое, тем не менее, зависит от политики конкретной страны в этом отношении. В отечественном законодательстве предусмотрен вполне конкретный ряд преференций представителям коренных малочисленных народов Севера, что требует от них формального подтверждения своего статуса.

В частности, льготы на добычу биоресурсов, на традиционное землепользование предусмотрены Земельным кодексом РФ (2001), Водным кодексом РФ (2006), Лесным кодексом (2006), ФЗ от 24.04.1995 г. «О животном мире», ФЗ от 20.12.2004 г. «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», иные льготы – в налоговой, социальной, образовательной, культурной сфере – также иными нормативными правовыми актами (Закон РФ от 25.03.1993 г. «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ», Налоговый кодекс, часть вторая от 05.08.2000 г., ФЗ от 28.12.2013 г. «О страховых пенсиях» и др. законами и подзаконными актами).

Вот здесь и кроется главная загвоздка – как сейчас указать (определить) национальную принадлежность. После отмены графы «национальность» в паспорте единственный официальный документ, где может быть указана этническая принадлежность гражданина, – свидетельство о рождении. Единого документа, удостоверяющего статус коренного малочисленного народа, не существует. Учреждения на местах руководствуются различными подтверждениями. К примеру, Комитет по рыболовству Мурманской области (сейчас – Министерство природных ресурсов и экологии Мурманской области) раньше использовал информацию, указанную и в свидетельстве о рождении или в старом советском паспорте. В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре – выдается справка соответствующего департамента о принадлежности к коренным малочисленным народам Севера. Министерство рыбного и сельского хозяйства Мурманской области в принятых Административных регламентах № 29 от 19.04.2012 г. «Выделение водных биоресурсов для обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера (саами), проживающих на территории Мурманской области» и № 83 от 02.06.2014 г. «Предоставление в пользование рыбопромысловых участков для осуществления рыболовства в целях обеспечения и ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации в отношении водных биологических ресурсов внутренних вод Российской Федерации, за исключением водных биологических ресурсов внутренних вод Российской Федерации и территориального моря Российской Федерации, а также анадромных, катадромных и трансграничных видов рыб» не указывает, какими документами должны подтвердить свой статус заявители – физические лица из числа саамов. Для общин это сделать проще в связи с наличием подтвержденного в установленном порядке статуса. Таких саамских общин в Мурманской области на данный момент зарегистрировано 34 (родовые и территориально-соседские). Выдача так называемого «вкладыша» в паспорт гражданина РФ регулировалась Постановлением Правительства РФ от 9 декабря 1992 г. № 950 «О временных документах, удостоверяющих гражданство Российской Федерации» (утратило силу). В регионах была попытка применить свои «вкладыши» – например, Постановление Правительства РС(Я)

от 10.06.2000 г. № 319 «Об утверждении Положения о вкладыше к паспорту гражданина Российской Федерации со сведениями о национальной принадлежности» (документ утратил силу – постановление Правительства РС(Я) от 19.04.2016 г. № 116).

Очевидно, что для получения льгот нужен основной документ, подтверждающий статус лица, претендующего на льготу. Организации, предоставляющие льготы, также заинтересованы в учете количества льготников, для чего создаются базы данных или реестры. Так, в регионах существуют реестры инвалидов, малоимущих, многодетных семей. Однако нет общего списка представителей коренных малочисленных народов Севера, и любое лицо потенциально может заявить о том, что относится к данной группе. Иногда граждане вынуждены обращаться в суд за установлением своей принадлежности к коренным малочисленным народам Севера, но данную процедуру нельзя признать подходящей для нуждающихся в особой защите граждан в силу ее недоступности для удаленно проживающих и относительной затратности в финансовом и временном плане. Кроме того, требуется знание юридических аспектов прохождения судебных инстанций и правил собирания доказательств.

Статус коренных малочисленных народов даже с учетом регистрации по месту жительства фактически является федеральным. То есть статус должен предоставляться региональными отделениями федерального ведомства. Среди льгот, которые получают северяне, есть такие, которые не зависят от места их проживания (например, квоты для представителей коренных малочисленных народов в ряде вузов осуществляются независимо от места проживания абитуриента, относящегося к малочисленному этносу). Но проблема еще и в том, что этническая идентичность не обязательно имеет строгое определение. Очевидно, что люди могут в течение жизни по разным обстоятельствам менять несколько раз свою идентичность. Особенно это характерно для детей, родившихся в смешанных браках. В выборе идентичности работают разные факторы: и престижность, и государственные льготы, и карьерные перспективы и так далее. Исследователями зафиксированы случаи, когда в течение десятилетия население таежных поселков сменяло принадлежность к одному коренному малочисленному народу на другую. Подобный выбор мог быть сделан под влиянием более популярного лидера [Кучинский, ЭР]. Есть и весьма интересные прецеденты. Так, например, в Мурманской области гражданин, родившийся в г. Кировске, но проживавший в Терском районе, а затем переехавший в г. Апатиты, в суде отстаивал свое право причислять себя к коренным малочисленным народам Севера в силу фактического проживания в местах традиционного расселения саамов и ведения такого же образа жизни. Согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 27 «лицо <...> вправе самостоятельно определить свою национальную принадлежность к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Однако заявление указанным лицом о своей принадлежности к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ само по себе не может повлечь предоставление ему прав на осуществление традиционного рыболовства, если будет установлено, что это лицо не восприняло язык, национальную культуру, традиционные образ жизни и хозяйственную деятельность данной этнической общности. Не вполне ясным становится способ и степень такого восприятия (как можно проверить знание языка, культуры).

На данный момент действуют три реестра по вопросу отнесения лиц к коренным малочисленным народам Севера: «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации», утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 года № 255, «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 года № 536-р и «Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 года № 631-р. В соответствии с данным перечнем в Мурманской области районами проживания коренных малочисленных народов Севера являются: Ковдорский район, Кольский район, Ловозерский район, Терский район. В районах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера саамов насчитывалось 1196 человек, в том числе в Ковдорском районе – 112 человек, в Кольском районе – 201 человек, в Ловозерском районе – 873 человека, в Терском районе – 10 человек. Получается, что территории, где традиционно расселены малые народности, сейчас официально утверждены Правительством России. При этом государство гарантирует, что представители коренных малых народов имеют полную возможность вести культурный быт и заниматься теми видами деятельности, которые считаются традиционными для них. В частности, перечень традиционных видов занятий для малых народов включает: кочевое животноводство (разведение оленей) и переработку продуктов животноводческого комплекса; охоту на пушных зверей и изготовление меховых изделий; растениеводство, в частности земледелие, выращивание сельхозкультур, лекарственных растений и ягод; собирательство (заготовку, переработку и реализацию продукции лесного происхождения); народные ремесла и художественные промыслы (вышивку, плетение из трав и кожи, обработку меха, костей и прочих материалов). Но формальная фиксация того, что именно такими видами деятельности представители коренных малых народов и занимаются, свойственна не физическим, а юридическим лицам (общинам, сельскохозяйственным производственным кооперативам), поскольку только для них необходимо указывать это в учредительных и иных документах. Значит опять остается не ясным механизм реализации гарантии такой деятельности для обычного представителя малочисленного народа, так как по нашему законодательству систематическое извлечение прибыли без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя может повлечь негативные последствия незаконной предпринимательской деятельности (п. 1 статьи 2 и статья 23 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Территории традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности федерального, регионального и местного значения образуются на основании решений соответственно Правительства Российской Федерации, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления на основании статей 6, 7 и 8 ФЗ от 7 мая 2001 года «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Но районы проживания и хозяйственной деятельности и районы природопользования (как особо охраняемые территории – статья 1 данного ФЗ) не одно и то же!

Сейчас обсуждаются возможные варианты создания реестра лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, проживающих в местах традиционного проживания и ведущих традиционный образ жизни [Якель, ЭР]. Считается, что факт включения в данный Реестр будет являться основанием для обращения за соответствующими льготами, предусмотренными действующим законодательством. Так, Г. Ледков предлагает регламентировать данную деятельность и наделить органы местного самоуправления соответствующими полномочиями, что требует внесения изменений в Федеральный закон от 6.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» с тем, чтобы это было не просто правом, а обязанностью местных органов [Ледков, ЭР].

Проект создания реестра коренных малочисленных народов Севера потребует внесения соответствующих изменений в ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов России», поскольку он определяет общую российскую политику касательно коренных малочисленных народов и является базой федерального и регионального законодательства в этих вопросах. Однако следует отметить определенные внутренние противоречия, присущие данному закону, связанные с осуществляемой политикой в отношении малых народов. Прежде всего, обращает внимание то, что в статьях закона подчеркивается, что он призван сохранить исконную среду обитания, традиционный образ жизни, хозяйственной деятельности и промыслов в том числе и тех, кто проживает в определенных районах и ведет специфический образ жизни. Но при этом субъектом права предстает не группа лиц, проживающая в этих районах и ведущая традиционный образ жизни, а народ в целом. Народы России и другие аналогичные общности по этническому признаку, как уже было указано выше, не являются субъектами права. В законодательстве России субъектами права выступают физические или юридические лица. И хотя статья 69 Конституции РФ говорит о том, что государство гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с международными договорами, однако, международных договоров, ратифицированных Россией, в которых народы выступали бы субъектами, не имеется.

Далее, в законе говорится, что народы имеют некие права (статья 8 «Права малочисленных народов, объединений малочисленных народов и лиц, относящихся к малочисленным народам, на защиту их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов»), но правами могут обладать именно субъекты права, круг которых зависит от регулируемого правоотношения. Статья 14 «Судебная защита прав малочисленных народов» предполагает, что право на судебную защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов осуществляют лица, относящиеся к малочисленным народам, а также объединения малочисленных народов и их представители. То есть в названиях статей и их текста смешаны права народов и лиц, относящихся к этим народам.

Еще одно противоречие содержится в категориях лиц, на которых распространяется его действие: быть из числа коренных малочисленных народов, постоянно проживать в районах традиционного проживания и хозяйственной деятельности, вести традиционный образ жизни и заниматься традиционным хозяйствованием (статья 3). Для реализации данных условий эти

три критерия из теоретических подходов превратились в официальные перечни: перечень народов, перечень мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности; перечень видов традиционной хозяйственной деятельности. В указанной статье также дается поправка, что действие закона распространяется также на лиц, которые относятся к малочисленным народам, постоянно проживают в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов и для которых традиционное хозяйствование и занятие традиционными промыслами являются подсобными видами деятельности по отношению к основному виду деятельности в других отраслях народного хозяйства, социально-культурной сфере, органах государственной власти или органах местного самоуправления, то есть заниматься традиционным промыслом достаточно лишь иногда. Каким же образом определить, занимается житель г. Апатиты рыболовством и охотой постоянно или изредка, если он самоопределился по национальности как саами? Жители Мурманской области, например, могут заниматься традиционными для малых народов видами деятельности в качестве подсобного хозяйства и при этом относить себя к числу малочисленных народов, даже не коренных. Это означает, что распространение действия закона на локальные группы «больших» этнических общностей обусловлено исторически, поскольку они ведут такой же «традиционный» образ жизни.

Поскольку п. «м» ст. 72 Конституции РФ защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей относит к совместному ведению РФ и ее субъектов, в Мурманской области принят Закон от 30.06.2008 г «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Севера в Мурманской области, осуществляющих виды традиционной хозяйственной деятельности». Данный закон основан также на положениях ст.ст. 21, 24 Устава Мурманской области (органы государственной власти Мурманской области содействуют коренному народу Кольского Севера – саамам в реализации их прав на сохранение и развитие родного языка, национальной культуры, традиций и обычаев). В п. 3 статьи 21 Устава Мурманской области установлено, что «в исторически сложившихся районах проживания саамы, представители других коренных народов Севера Российской Федерации пользуются правами на традиционные виды природопользования и промыслов». Данные привилегии не случайны, преференциальный правовой статус распространяется не только собственно на представителей коренных малочисленных народов, но и на лиц, к ним не относящихся, но состоящих в браке с лицом из числа данных народов, а также на детей, рожденных в этом браке или усыновленных (удочеренных). В определенной части законодательство о коренных малочисленных народах может распространяться и на лиц, которые не относятся к этим народам, но постоянно проживают в местах их жизнедеятельности [Кряжков, 2010: 5, 139, 141].

Механизмы защиты прав коренных малочисленных народов в Мурманской области основаны также на иных законодательных актах, к которым относятся Закон Мурманской области от 14.01.2003 г. «О северном оленеводстве в Мурманской области», Закон Мурманской области от 30.06.2008 г. № 984-01-ЗМО «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Севера в Мурманской области, осуществляющих виды традиционной хозяйственной деятельности». В регионе действуют государственные и

общественные организации, например, Совет представителей коренных малочисленных народов Севера (создан согласно Постановлению Правительства Мурманской области от 11 февраля 2009 года № 57-ПП), а также Мурманский центр народов Севера (Государственное областное учреждение «Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера» было образовано в соответствии с Постановлением Правительства Мурманской области от 08.07.2004 г. № 232-ПП/7).

Итак, главной обязанностью любого государства является защита всех граждан, которые проживают на его территории. Учитывая тот факт, что в России существует огромное количество народов с разнообразием культурных и языковых традиций, государство должно охранять их аутентичность и способствовать развитию их самосознания. В современных условиях не приходится говорить о предоставлении им «абсолютного права на распоряжение собственной землей, ресурсами и политических прав, связанных с самоуправлением» [Виноградова, 2005: 434]. Однако необходимо отметить, что дальнейшее развитие отечественного законодательства должно быть направлено на:

1. Унификацию понятийного аппарата, которая должна затронуть все нормативные правовые акты по вопросам правового статуса коренных малочисленных народов, начиная с Конституции России, иных федеральных законов, заканчивая региональным законодательством.

2. Определение критериев отнесения лица к представителям коренных малочисленных народов, что особенно актуально для северных народов.

3. Решение вопроса о том, какой порядок должен применяться при установлении принадлежности к коренным малочисленным народам. Должна ли существовать общефедеральная процедура, или это вопрос субъекта РФ либо конкретного муниципального образования.

4. В связи с тем, что представители коренных малочисленных народов нуждаются в дополнительной государственной поддержке, необходима систематизация льгот и привилегий представителей коренных малочисленных народов Севера с целью недопущения дискриминации по территориальному (географическому) признаку. Возможно, требуется создание реестра (каталога) прав с целью их анализа с экономической и юридической точек зрения.

Источники

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Раздел 19. Размещение коренных малочисленных народов на территории РФ. URL: www.gks.ru.

Решение Апатитского городского суда по гражданскому делу от 03.05.2005 № 2-207/05 // Архив Апатитского городского суда Мурманской области.

Консультативный совет Северо-Западного федерального округа по вопросам коренных народов при полпреде Президента в Северо-Западном ФО. URL: <http://szfo.gov.ru/>.

Краткая информация об общественных организациях, общинах и национальных предприятиях правительства Мурманской области. URL: https://gov-murman.ru/region/saami/short_info/.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 27 «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов и иных правил, регламентирующих осуществление промышленного, прибрежного и других видов рыболовства»// Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

Этнос. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2010–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7136>.

Final Report and Recommendations of an International Meeting of Experts on the Further Study of the Concept of the Right of the People for Unesco, SNS–89/CONF. 602/7 22. February 1990. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000851/085152eo.pdf>.

Список литературы

Виноградова С. Н. Саамы Кольского полуострова: основные тенденции современной жизни // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-Арктическом регионе. Раздел 5: Исследование экономических и этнокультурных процессов в Баренц регионе. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2005. С. 424–434.

Владимирова В. Транснациональные индигенные организации, либеральный мультикультурализм и нарративы об «индигенном сепаратизме» на севере России // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 23–56.

Гарипов Р. Ш. Коренные малочисленные народы в России: гарантии прав и свобод // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 67–73.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб., М., 1904. 414 с.

Журек О. Н. Самоопределение народов в международном праве // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 98–107.

Иванов С. О. Проблемы правовой защиты отдельных народов Российской Федерации // Право и политика. 2004. № 6. С. 88–99.

Казьмина Е. А. Народ как субъект конституционного права Российской Федерации: автореферат дисс. на соиск. степени канд. юрид. наук. Специальность 12.00.02; науч. рук. Ю.И. Скуратов. М., 2011. 24 с.

Конюхова И. А. Конституционно-правовой статус личности в Российской Федерации: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / И. А. Конюхова, И. А. Алешкова, Л.В. Андриченко. М.: Юрайт, 2017. 200 с.

Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 560 с.

Кучинский М. Коренные малочисленные народы Севера: реестр несуразностей // REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2108784.html>.

Ледков Г. Создание реестра – это срочная мера, помощь тем, кто занят в традиционных отраслях хозяйствования. URL: www.gairon.info.

Оль П. А. Нация как субъект права: автореферат дисс. на соиск. степени канд. юрид. наук. Специальность 12.00.01; науч. рук. Р. А. Ромашов; МВД России; Санкт-Петербургский университет. СПб., 2000. 22 с.

Семушин Д. Якутский прецедент: в праве Российской Федерации нет «коренных народов» // Вся правда. URL: www.allpravda.info.

Силантьева Н. А., Сунцов А. П. К вопросу о понятии «коренные малочисленные народы» // Образование и наука: современные тренды: коллективная монография / Гл. ред. О. Н. Широков. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 29–42.

Смирнова Т. Неправильный народ // Невское время. 2000. № 20 (2143). URL: <http://www.vottovaara.ru/saami.html>.

Тиунчик И. В. Понятие народа как субъекта права на самоопределение // Социология власти. 2012. № 1. С. 212–216.

Ушаков Д. Н. Электронная энциклопедия: URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10529869>.

Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М.: Либроком, 2012. 138 с.

Якель Ю. Я. Кто относится к коренным малочисленным народам? Президент РФ дал указание решить проблему. URL: <http://anohraniteli.ru/about-us/other/>.

Сведения об авторе

Полищук-Молодоженя Татьяна Романовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и управления, социологии и юриспруденции МАГУ

Polishchuk-Molodozhenya Tatiana Romanovna,

PhD (law), associate Professor of the Department of Economics and Management, Sociology and Law

УДК 316.48

И. В. Вицентий, В. В. Стрельников

РЕЛИГИОЗНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

Статья посвящена вопросам межрелигиозных отношений жителей Мурманской области в контексте религиозной толерантности. Приводятся результаты пилотажного эмпирического исследования религиозной толерантности жителей провинциального города на примере г. Апатиты Мурманской обл.

Ключевые слова:

религия, религиозная толерантность, религиозная идентичность.

I. V. Vicentiy, V. V. Strelnikov

RELIGIOUS TOLERANCE OF THE MURMANSK REGION POPULATION

Abstract

This paper is devoted to the issues of interreligious relations of the inhabitants of the Murmansk region in the context of religious tolerance. The results of a

pilot empirical research of the religious tolerance of a provincial city inhabitants are presented. (on the example of the Apatity city in Murmansk region, Russia).

Keywords:

religion, religious tolerance, religious identity.

Современная социальная практика, к сожалению, время от времени демонстрирует примеры экстремизма. Факты экстремистских деяний относятся к крайним формам проявления интолерантности в обществе. Эта проблема имеет глобальный характер и актуализируется сегодня для всех субъектов международных отношений. Россия здесь не исключение. Так, анализ данных информационно-аналитического портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ за период с 2010 по декабрь 2016 гг. показал, что число преступлений в Российской Федерации на экстремистской почве выросло с 656 до 1410, то есть более чем в 2 раза (рис. 1). Сравнительный анализ динамики преступлений экстремистской направленности в Мурманской области показал следование общероссийским тенденциям к увеличению [Портал правовой статистики, ЭР]. Так, если в 2011 г. на долю Мурманской области таковых приходилось 3 случая, то в декабре 2016 г. их насчитывается уже 16. Несмотря на то что эти данные не отражают исключительно экстремистских преступлений религиозной направленности, поскольку статистика правонарушений не дифференцирует их из общей совокупности, тем не менее, качественный анализ публикаций региональных СМИ за последние 5 лет обнаруживает примеры нетерпимости в Мурманской области на религиозной почве.

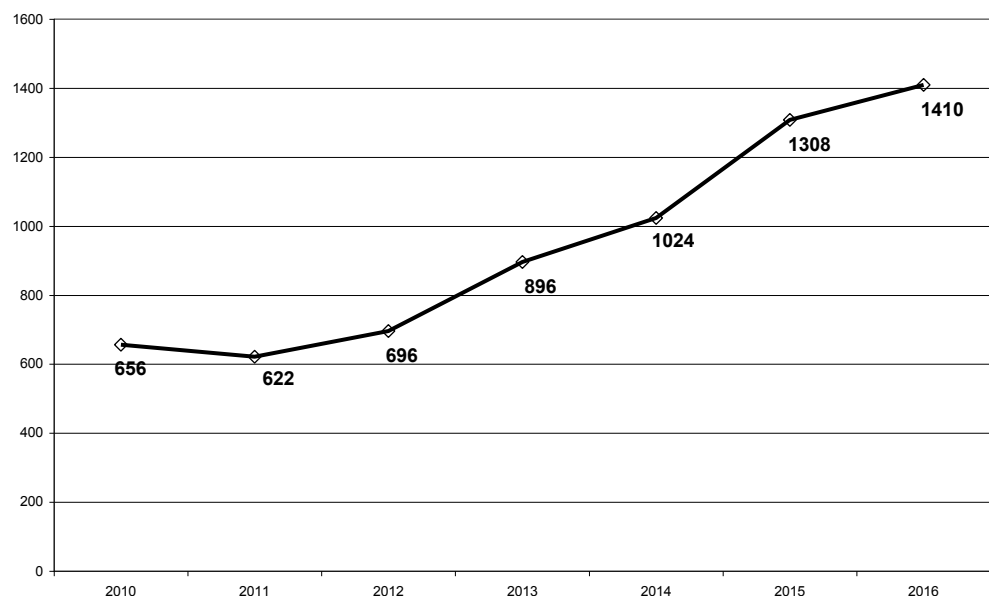

Рис. 1. Динамика зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации, в абсолютных величинах [По данным Портала правовой статистики, ЭР]

Согласно сведениям Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2016 г. на территории России только зарегистрированными являются 28462 религиозные организации, среди которых специалисты выделяют централизованные религиозные организации – 568, местные религиозные организации – 26789, духовные образовательные учреждения – 170, монастыри – 481, религиозные учреждения – 457 [Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, ЭР]. Религиозное пространство Мурманской области, как и российское в целом, чрезвычайно гетерогенно и представлено, как минимум, зарегистрированными религиозными организациями. Количество зарегистрированных в Мурманской области религиозных объединений по состоянию на 15 февраля 2017 г. составило 137. В их состав входят такие конфессии и религиозные группы, как Русская православная церковь, Христиане веры евангельской-пятидесятники, Свидетели Иеговы, Церковь адвентистов седьмого дня и многие другие [Число религиозных организаций, зарегистрированных в Мурманской области, ЭР]. При этом следует учитывать, что религиозное пространство России не исчерпывается только этими субъектами, а включает значительную совокупность религиозных объединений граждан, которые не имеют легализованной основы. Существование и легальных, и нелегальных религиозных объединений граждан задает сложную структуру социальных отношений. Неконструктивной формой здесь является религиозная интолерантность, крайняя форма проявления которой – религиозный экстремизм.

В современной российской криминологии разработаны индикаторы экстремизма, которые служат практическим целям классификации преступных деяний. Преступлением экстремистской направленности «... считается преступное деяние, если оно является проявлением экстремизма, а именно:

1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности России;
- подрыв безопасности России;
- захват или присвоение властных полномочий;
- создание незаконных вооруженных формирований;
- осуществление террористической деятельности;
- возбуждение расовой, национальной, или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
- унижение национального достоинства;
- осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики (символики) либо атрибутики (символики), сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств [Паспорт показателя «Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности», ЭР].

В контексте статистики экстремизма значение приобретают методы профилактики интолерантности во всех ее видах, в том числе профилактика религиозной нетерпимости. Научную основу профилактических мероприятий составляет их социологическое сопровождение по выявлению в обществе очагов нетерпимости – так называемых групп рисков интолерантности, которые являются, в свою очередь, целевыми группами для специалистов разного профиля: психологов, социальных педагогов, представителей правоохранительных органов и других.

Религиозная толерантность в этом контексте рассматривается как средство бесконфликтного сосуществования представителей разнообразных религиозных групп. По аналогии с классическим определением толерантности Николсона [Николсон, 2001: 134] религиозную толерантность можно интерпретировать как добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства во мнение или действия другого, принадлежащего к иной религиозной культуре, хотя бы они и отклоняются в чем-то важном от мнения или действия субъекта толерантности и последний морально не был бы согласен с ними.

Теоретико-методологическая и эмпирическая основа исследования

Проблема религиозной толерантности на сегодняшний день является одной из самых разработанных, в сравнении с остальными видами толерантности, как в теоретико-методологическом, так и в методическом и эмпирическом отношении. Как отмечают исследователи возникновения идеи толерантности и терпимости, это связано с тем, что изначально проблема толерантности была поставлена в рамках либеральной парадигмы как проблема веротерпимости. Начало дискуссии положил Дж. Локк в своем трактате «Послание о веротерпимости». Также среди первых, кто начал заниматься осмыслением вопросов толерантности, были такие представители либерального направления социально-философской мысли в рамках концепции веротерпимости, как И. Кант и Дж. Ст. Милль. Среди современных авторов весомый вклад в развитие теории толерантности внесли Г. Маркузе, М. Хомяков, М. Уолцер, К. Лорсен, К. Нидерман, П. Николсон, М. Мацковский, А. Зик, Б. Куппа, А. Хюфформан, И. Бочарникова и А. Волкова и другие. Большое значение для социологического осмысления функционирования института религии имели концепции Э. Дюркгейма и М. Вебера.

В контексте исследования толерантности также имеют значение социологические работы, посвященные изучению социальной идентичности.

Среди социологических теорий, в которых представлены исследования проблемы социальной идентичности, можно выделить следующие подходы: функционализм и структурный функционализм, связанный с именами Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, символический интеракционизм Ч. Кули, Дж. Мида, Г. Блумера и И. Гоффмана, феноменологическую социологию П. Бергера и Т. Лукмана, интегративный подход П. Бурдьё и Э. Гидденса. Среди отечественных авторов, занимающихся религиозной идентичностью, можно отдельно упомянуть работы Н. Сергиенко, Н. Круглик, А. Еманова, С. Домашова и других.

Также следует отметить многообразие методик, созданных на сегодняшний момент времени, которые позволяют фиксировать на уровне эмпирического исследования различные аспекты межрелигиозных отношений. Их использование имеет практическое значение и служит задачам ранней диагностики религиозной нетерпимости в различных социальных слоях. Часть из них была использована в рамках эмпирического исследования, результаты которого частично представлены в настоящей статье.

Эмпирическую основу статьи составили материалы пилотажного социологического исследования религиозной толерантности жителей Мурманской области (на примере жителей города Апатиты). Также результаты исследования были дополнены с привлечением статистических данных Федеральной службы государственной статистики и правовой статистики Министерства юстиции РФ.

Цель исследования состояла в том, чтобы изучить религиозную толерантность в различных социально-демографических группах и получить первичное представление о ее показателях, а также о структуре факторов, способствующих религиозной толерантности, и, что еще более важно, религиозной интолерантности индивидов. Объектом эмпирического исследования выступило население города Апатиты старше 18 лет, а предметом – их религиозная толерантность. В результате анкетирования было опрошено 100 человек. В процессе формирования выборки учитывались такие контрольные параметры, как пол, возраст, уровень образования и профессиональный статус респондентов.

В целях измерения разных аспектов религиозной толерантности было использовано несколько социологических и социально-психологических методик: методика социальной идентичности (В. Ядов, Е. Данилова, С. Климова), «шкала социальной дистанции» (Э. Богардус), «интолерантность – толерантность (ИНТОЛ)» (Л.Г. Почебут), «Виды и компоненты толерантности (ВИКТИ)» (Г.Л. Бардьер), «Индекс религиозной толерантности» (модификация ВЦИОМ).

Полевой этап охватил период с апреля по май 2016 г. Эмпирические данные были формализованы и в дальнейшем обработаны с использованием компьютерной программы IBM SPSS Statistics 22. Формализованные первичные социологические данные анализировались с привлечением методов математической статистики, среди которых использовались частотный анализ, среднее арифметическое, вычисление хи-квадрат и некоторые другие.

Далее представлены результаты описательного анализа по основным группам показателей. Несмотря на пилотажный характер исследования, его результаты позволяют сформировать первичное представление о сложившейся ситуации в контексте межрелигиозных отношений в условиях российских северных территорий и наметить направления для дальнейших научных исследований уже на репрезентативных выборках.

Результаты исследования

При социологическом рассмотрении социальных взаимодействий в контексте толерантности важно ответить на следующие вопросы:

- кто является субъектом социального действия (в качестве которого могут выступать как отдельный индивид, так и их группа);
- кто является объектом социального действия (это индивиды, их объединения, но, что важно, дифференцированные по категориям «другой», «чужой» субъектом социального действия) [Вицентий, 2015: 138].

Описывая механизмы интолерантности, следует отметить ее важный фактор, когда в основе явления толерантности или интолерантности личности лежат процессы социальной идентификации и социальной категоризации. Толерантность всегда имеет смысл только применительно к группам «других», «иных», «инаковых», только по отношению к тем лицам, с групповой принадлежностью которых индивид себя не идентифицирует. Если в процессе социальной идентификации не актуализируется значимый «другой», в этом случае о толерантности или интолерантности говорить некорректно. В соответствии с этим положением одна из задач исследования состояла в том, чтобы изучить религиозную идентичность апатитчан.

Институт религии, участвуя в процессе формирования личности, транслирует священные ценности и нормы, определяет границы должного и запрещенного (то есть греховного) в поведении верующего. В этом проявляется его социализирующая функция. Однако институт религии в качестве агента социализации имеет значение только для тех, кто включен в религиозные практики и, так или иначе, имеет религиозную идентичность. Значение института религии состоит в том, что она в значительной мере может определять ценностные ориентации и мировоззрение личности, а также модели поведения. Как показывают исследования на общероссийских выборках, христианство в его православном течении является наиболее сильной религией в условиях российских реалий. Исследование религиозной идентичности апатитчан в нашем исследовании показало, что большинство из них идентифицируют себя как христиан и исповедуют преимущественно его православное течение (более 80 % от числа участвующих в опросе). Религиозная идентичность проверялась вопросом о том, верующим или неверующим считает себя респондент, и дополнялась вопросами о том, посещает ли он церковь и соблюдает ли обряды, которые предписывает его религия. Последние уточнения особенно важны, так как современные социологические исследования показывают, что количество тех, кто посещает церковь и соблюдает обряды, значительно сокращается в сравнении с тем количеством, кто считает себя верующим, но не соблюдает соответствующие религиозному канону предписания. Это, собственно, вопрос о степени интегрированности в систему религиозных отношений. Исследование показало, что среди верующих апатитчан процент тех, кто реализует практики, связанные с религиозными отправлениями, очень мал. Большинство опрошенных не соблюдает обряды и не посещает церковь (таб. 1–3).

Вопрос о религиозной идентичности респондентов дополнялся изучением роли религии в их жизни. Были исследованы экзистенциальные ценности апатитчан. Среди всех сфер жизнедеятельности индивидов религия оказалось на периферии в рейтинге ценностей (таб. 4 и рис. 2).

Таблица 1

Религиозная идентичность апатитчан, в %

	%
Православие	77
Атеизм	19
Христианство	4
Итого	100

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Ходите ли вы в места совершения религиозных обрядов (церковь, мечеть и т.д.)?», в %

	%
Постоянно хожу	0
Часто хожу	12
Редко хожу	60
Не хожу вообще	28
Итого	100

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Соблюдаете ли вы религиозные посты?», в %

	%
Да, соблюдаю	0
Скорее соблюдаю	20
Скорее не соблюдаю	34
Нет, не соблюдаю	46
Затрудняюсь ответить	0
Итого	100

Таблица 4

Рейтинг ценностей апатитчан, %*

Сфера жизнедеятельности	Не важна	Затрудняюсь ответить	Важна
Семья	4	7	89
Досуг	4	31	65
Работа	17	20	63
Образование	19	40	41
Экономика	31	39	30
Политика	39	32	29
Религия	51	25	24
Итого	165	194	341

*Сумма по столбцам превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

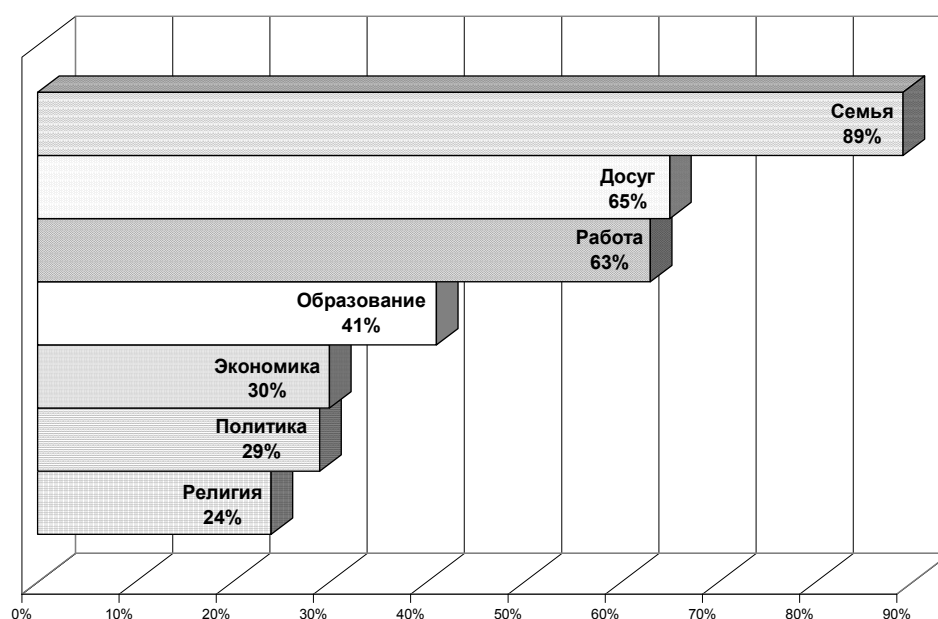

Рис. 2. Рейтинг ценностей апатитчан, в %

Возможно, этим объясняется и такой эмпирический факт, что критерий религиозной принадлежности не определяет процессы социальной категоризации апатитчан. Социальная категоризация – один из видов категоризации, то есть способ познания с помощью классификации и типизации окружающих людей. Социальная категоризация, – считает Г. Тэджфел, – может быть понята как упорядочивание социального окружения в терминах распределения людей по группам. Это помогает индивиду структурировать причинное понимание своего социального окружения [Агеев, 1990: 33]. Социальная категоризация в исследовании понимается как процесс структурирования окружения в терминах «мы – они»; «свой – чужие». Основные положения концепции социальной категоризации можно свести к следующему: 1) человек рассматривает себя как представителя определенной категории (расы, нации, этнической или религиозной группы и т. д.); 2) в основе самокатегоризации лежит самоидентификация; 3) самый древний способ социальной категоризации основан на делении людей на группы «свой – чужие», «мы – они»; 4) «мы-группа» признается предсказуемой, безопасной в отличие от «они – группы» – неизвестной, а значит, и непредсказуемой, опасной» [Устинова, 2009: 125]. Религия объединяет большое количество людей, то есть реализует интегральную функцию в обществе. Но в то же время очень сильна и дезинтегративная функция религии. Тут как раз и срабатывает матрица «свой – чужой».

В исследовании применялась методика социальной идентичности, разработанная В. Ядовым, Е. Даниловой, С. Климовой. Суть методики состоит в том, что респонденту предлагается решить два задания. Вначале респондент должен ответить на открытый вопрос: кого он считает «своей» группой, просто «своими» людьми, а затем оценить их характеристики по серии атрибутивных

шкал. Затем следуют два таких же задания относительно тех, кого респондент не относит к «своим». Он должен завершить фразу: «Для меня “чужие” – это...» и ответить на серию аналогичных атрибутивных шкал. Изучение процессов социальной категоризации не выявили актуализации религиозного критерия. Это вполне коррелирует с периферийным характером ценности религии в структуре ценностей апатитчан. Критерий религиозности не актуализировался ни при определении круга «своих», ни при определении круга «чужих» (таб. 5 и 6). Подводя итог, можно сказать, что «своими» респонденты называют тех, с кем находятся в постоянном взаимодействии и общении. И напротив, «чужими» для респондентов являются те, с кем прямого взаимодействия нет, или оно ограничено редкими контактами. Тем не менее нельзя сказать, что процессы социальной категоризации по критерию религии отсутствуют. Хочется акцентировать внимание на том факте, что апатитчане имеют представление о сложившейся религиозной ситуации в условиях города и дифференцируют инорелигиозных субъектов, образующих структуру религиозных отношений. Так, ответы на вопрос о том, о каких религиозных объединениях вашего города вам известно, свидетельствуют о существующей рефлексии по поводу объективной религиозной ситуации в городе. Несмотря на то что в некоторых случаях произошло смешение организаций и религиозных общностей, тем не менее, ответы респондентов свидетельствуют о том, что в представлениях респондентов складывается образ гетерогенного религиозного пространства города, представленного разнообразными религиозными субъектами, что соответствует объективным реалиям (таб. 7).

Таблица 5

«Свои» в представлениях апатитчан, в %*

Круг «своих»	Частота, %
Семья	82
Друзья	47
Родственники	32
Знакомые	25
Русские	1
Итого	187

*Сумма по столбцам превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

Таблица 6

«Чужие» в представлениях апатитчан, в %*

Круг «чужих»	Частота, %
Незнакомцы	70
Враги	28
Американцы	4
Итого	102

*Сумма по столбцам превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «О каких религиозных объединениях вашего города вам известно?», в %*

Религиозные объединения	Частота, %
Свидетели Иеговы	57
Буддисты	35
Мусульмане	20
Сатанисты	13
Баптисты	10
Иудаисты	8
Христиане	8
Православные	4
Все перечисленные	4
Итого	159

*Сумма по столбцам превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

Следующий исследовательский блок реализовывал задачу измерения религиозной толерантности в контексте общей толерантности индивидов. Измерялась общая толерантность индивида на уровне ценностей и установок, а также отдельно религиозная толерантность.

Изучение ценностного аспекта толерантности апатитчан с использованием явных индикаторов показало, что практически все опрошенные разделяют принципы толерантности (таб. 8).

Таблица 8

Ценность толерантности в субкультуре апатитчан, в %

Оценка суждения: «толерантность важна для существования общества»	Частота, %
Согласен	68
Скорее согласен	28
Затрудняюсь ответить	4
Скорее не согласен	0
Не согласен	0
Итого	100

Измерение установок толерантности осуществлялось с использованием методики «Интолерантность – толерантность (ИНТОЛ)», разработанной Л. Г. Почебут для исследования уровня толерантности личности. Методика состоит из 16 утверждений, содержащих эмпирические индикаторы, позволяющие выявить толерантное и интолерантное отношение. Теоретико-методологическую основу исследования установок толерантности составляют традиционно идеи о структуре социальной установки У. И. Томаса, Ф. Знанецкого, Р. Лайкерта, Л. Терстоуна, В. Парка, Г. Олпорта, Р. Лапьера, В. А. Ядова и ряда других авторов. Социальная установка в исследовании понималась как предрасположенность действовать определенным образом. Индекс ИНТОЛ по группе опрошенных составил 13 баллов, что описывает средний уровень толерантности апатитчан.

Религиозная толерантность измерялась на уровне социальной установки, а также через показатели социальной дистанции между апатитчанами и представителями религиозных групп. Была использована методика «виды и компоненты толерантности – интолерантности» (ВИКТИ), разработанная Г. Л. Бардиер. Вообще, методика позволяет измерить толерантность по разнообразным критериям и дифференцирует, например, следующие виды толерантности: межпоколенческую, межличностную, межэтническую, профессиональную, управленческую, гендерную, межконфессиональную, межкультурную, социально-экономическую, политическую. Ввиду тематики исследования мы ограничились использованием только тех эмпирических индикаторов, которые описывают межконфессиональные отношения. Индекс толерантности по методике ВИКТИ составил 46,2 балла, что описывает средний уровень межконфессиональной толерантности.

Одновременно исследовательский интерес составлял вопрос о том, как изменится толерантность индивидов, если варьировать объект установки – «религиозный другой». В этих целях была использована шкала социальной дистанции Э. Богардуса в модифицированном варианте Л. Г. Почебут. С помощью данной шкалы оценивается степень социально-психологического принятия людьми друг друга, степень психологической близости людей, способствующей легкости их взаимодействия. Социальная дистанция между апатитчанами и представителями определенных религий представлена в таблице 9.

Таблица 9

Социальная дистанция апатитчан

Религия	Индекс социальной дистанции
Иудаизм	2,78
Шиизм	2,78
Суннизм	2,63
Буддизм	2,56
Протестантизм	2,26
Католицизм	2,19
Православие	1,40

Меньше всего социальная дистанция в отношении представителей православия, то есть «своих» (поскольку основу опрошенных в исследовании составили представители именно этой религиозной группы). Максимальная социальная дистанция (религиозная интолерантность) наблюдается в отношении представителей шиизма (ислам) (2,78) и иудаизма (2,78).

Результаты изучения статистики и данных эмпирических исследований позволили сделать вывод о том, что в целом Мурманская область и город Апатиты в частности в контексте межрелигиозных отношений могут быть охарактеризованы как пространство относительно спокойное: исследование показало, что конфликты на религиозной почве, как в явной, так и в латентной форме, практически отсутствуют. Ценности толерантности свойственны населению, но они иногда имеют декларативный характер, поскольку не всегда актуализируются в условиях взаимодействия с конкретным «религиозным другим». На уровне установки респонденты демонстрируют средние показатели общей и религиозной толерантности. Среди возможных форм религиозной интолерантности была обнаружена лишь такая, как отсутствие установки к интеграции, взаимодействию с представителями некоторых религий. Была

зафиксирована определенная дистанцированность от религиозных общностей в лице представителей ислама и иудаизма.

Экстраполяция толерантности с ценностного уровня на уровень установок, с уровня личности на уровень социальных институтов (в том числе институт религии) составляет в условиях современных обществ прикладную научно-исследовательскую проблему. Преодоление интолерантности в обществе должно учитывать факторы микроуровня и макроуровня, где речь идет о процессах формирования культуры индивидов, а также институциональных преобразованиях.

Список литературы

Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. 240 с.

Вицентий И. В. Соотношение ценностей и установок политической толерантности студенческой молодежи // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. № 1 (27). С. 136–145.

Николсон П. П. Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Исследования. Переводы. Информация. О книгах / науч. ред. М.Б. Хомяков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 129–146.

Паспорт показателя «Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности» // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/indicator_passport.

Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/>.

Устинова И. В. Социальная категоризация в свете глобализационных процессов: интенсификация конфликтности идентичностей // Мультикультуральная современность: Урал – Россия – Мир: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) Гуманитарного университета, 2–3 апреля 2009 года: Доклады / Редкол.: Л. А. Закс и др.: В 2 т. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. Т. 1. С. 125–129.

Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_11/IssWWW.exe/Stg/d01/11-03.doc.

Число религиозных организаций, зарегистрированных в Мурманской области // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx>.

Сведения об авторах

Вицентий Ирина Викторовна,

кандидат социологических наук; старший преподаватель кафедры экономики и управления, социологии и юриспруденции филиала Мурманского арктического государственного университета в городе Апатиты

Стрельников Владимир Валерьевич,

бакалавр 4 курса направления подготовки «39.03.01 Социология» кафедры экономики и управления, социологии и юриспруденции филиала Мурманского арктического государственного университета в городе Апатиты

Vicentiy Irina Viktorovna,

PhD in Sociology; Senior Lecturer, Department of Economics and Management, Sociology and Law of the Murmansk Arctic State University branch in the Apatity city

Strelnikov Vladimir Valerevich,

fourth year bachelor of the direction of training «39.03.01 Sociology». Department of Economics and Management, Sociology and Law of the Murmansk Arctic State University branch in the Apatity city

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

А. С. Давыдова

О XII КОНГРЕССЕ АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ

A. S. Davydova

THE XII CONGRESS OF ANTHROPOLOGISTS AND ETHNOLOGISTS OF RUSSIA

Конгресс антропологов и этнологов России (КАЭР) является крупнейшим научным форумом для профессионального научного сообщества упомянутых ученых. С 1995 года КАЭР традиционно проходит в разных городах страны раз в два года. В организации XII Конгресса, который состоялся 3–6 июля этого года в г. Ижевске, приняли участие Ассоциация антропологов и этнологов России, Институт им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН и Удмуртский госуниверситет при поддержке федеральных агентств по делам национальностей, научных организаций, правительства Удмуртии и Фонда фундаментальных исследований. Основным преимуществом Конгресса является, безусловно, большое количество участников из разных городов, что создает хорошую площадку для обмена опытом и общения. В ходе работы более 50 секций рассматривали вопросы и проблемы, актуальные для современной этнологической науки: этнографическое краеведение и этномузеологическое наследие России и стран СНГ, традиционные методики и вызовы времени в полевой этнографии, мобильности в культуре, взаимодействие религиозных институтов и общин в Российской империи и в современной России, миграции и культурная среда, человек и его деятельность в Арктике и многое-многое другое [См.: XII Конгресс антропологов и этнологов России, ЭР].

Открылся Конгресс пленарной сессией, на которой выступили с докладами ведущие ученые-этнографы (рис. 1). В их числе академик РАН, бывший министр по делам национальностей России Валерий Александрович Тишков. Он затронул в своем выступлении очень важные и весьма злободневные проблемы: закрытие гуманитарных кафедр и институтов, сокращение числа аспирантов и студентов, специализирующихся в направлении этнологии и антропологии, падение престижа профессии. В. А. Тишков призывал усилить внимание к качеству статей, отказаться от публикаций за деньги.

А. В. Головнев, член-корреспондент РАН, также поднимал важные вопросы, связанные в основном с функционированием и судьбой Ассоциации антропологов и этнологов России.

После пленарной сессии дискуссии развернулись в различных частях Ижевска. На мой взгляд, самым примечательным стало место работы секции «Этнографическое краеведение и этномузеологическое наследие России и стран

СНГ». Заседания данной секции проходили на базе архитектурно-этнографического музея-заповедника «Лудорвай» [См.: Конгресс как место для дискуссий, ЭР]. Для остальных участников конгресса в «Лудорвай» организовывались экскурсионные маршруты.

Рис. 1. КАЭР, г. Ижевск, 3 июля 2017 г. Пленарное заседание

Представить обзор и оценить работу всех заседаний, проходивших на Конгрессе невозможно. Хочется отметить, что, с одной стороны, такое большое количество заявленных тем для обсуждения дает выбор, но, с другой стороны, одновременно является и лимитирующим – желание послушать тот или иной доклад вынуждает участников бегать из секции в секцию, которые могут находиться в отдаленных друг от друга помещениях. Получается, в секциях нет постоянного состава и в конце заседания весьма проблематично подвести какие-либо итоги или устроить общую дискуссию. Еще одной из проблем такого масштабного мероприятия является то, что мало где соблюдается регламент. Во многом это связано с отсутствием самих докладчиков, соответственно с вытекающим отсюда нарушением последовательности выступлений, а также с несоблюдением докладчиками отпущенного времени и / или неумением и нежеланием руководителей секций остановить выступающего. Таким образом, попасть на интересующий доклад в секцию, непосредственного участия в которой ты не принимаешь, оказывается проблематично.

Мне удалось побывать на нескольких секциях. По сложившейся традиции и опыту предыдущего Конгресса я участвовала в работе полюбившейся секции «Устная история как источник и метод этнографических исследований». Заседание было посвящено судьбам этнических сообществ в контексте исторических событий, явлений и процессов, путям и формам развития их этнических культур. На секции помимо традиционных устных форм исторической памяти обсуждались создаваемые с помощью методов устной истории тексты, их источники и возможности и т.д. Соглашусь

со словами руководителя секции Татьяны Кирилловны Щегловой о том, что особый интерес имело обобщение опыта работы в России и за рубежом в области устной истории в прошлом и настоящем. Запомнились выступления коллег из Армении. Харатян Грануш Сергеевна в своем докладе «Политика покорения памяти, или “приказано забыть”»: превращение памяти в социальную и семейную “тайну” (на примере армянского геноцида)» на материалах устных историй показала, что при политике «приказано забыть» память о «тайных собственных случаях» сохраняет мельчайшие детали случившегося даже в третьем поколении.

Вторая секция, в которой мне посчастливилось работать, называлась «Образы территорий: “переживания” пространства» (рис. 2). Секция была одной из самых многочисленных и по количеству участников, и по числу присланных заявок. В дни ее работы с докладами выступили 46 авторов. В ежедневных заседаниях, обсуждениях и дискуссиях участвовало большое количество ученых этнографов, антропологов и специалистов из других областей гуманитарных наук. Необходимо отметить вклад модераторов заседания Миссоновой Людмилы Ивановны и Романовой Екатерины Назаровны. Благодаря их трепетному и ответственному отношению к организации работы на всех стадиях (начиная от организационных писем и заканчивая прощальным фото) атмосфера была дружелюбной, а дискуссии получились исключительно плодотворными и интересными. Среди прочих выступлений запомнился доклад Юлии Игоревны Козиоровой «Стена Цоя на Арбате» (РГГУ, Москва). Посвящен он был неофициальному туристическому объекту под названием «Стена Цоя», расположенному на Старом Арбате в Москве. В докладе рассказывалось о единственном в Москве культовом месте, связанном с именем известного рок-музыканта Виктора Цоя. Были описаны практики, относящиеся к данному месту, его статус. Данный доклад вызвал резонансные мнения в аудитории. Основной вопрос, который интересовал собравшихся, касался актуальности и целесообразности тематики. Пресловутый вопрос «А зачем вы это делаете?» во многом связан, на мой взгляд, с тем, что на Конгрессе в одной аудитории собираются люди разных гуманитарных специальностей. Важным ли является изучение «значимого» для той или иной части населения локуса и практик, связанных с ним? Мне кажется – да. Вопросы об актуальности всегда были злободневными. Даже само слово «актуальность» меняет свое значение [См., напр.: Левонтина, 2016]. В данной связи вспоминается еще одно выступление, связанное с глобализацией и «утратой» национального языка. Извечный спор о сохранении и чистоте языка мне на сегодняшний момент кажется неуместным или даже неинтересным именно в данном аспекте. А вот как раз разговор о толерантности, как писал о ней А. Новик [IX Конгресс этнографов и антропологов России, ЭР], должен превалировать. Очень хорошо вопросы, касающиеся Конгресса, поднимаются в выпусках журнала «Антропологический форум» (АФ). В опросах, проведенных АФ, видно, что точки зрения участников КАЭР разные. Сомневаться не приходится в том, что основная функция Конгресса – коммуникативная. И я соглашусь с мнением редакции АФ, что Конгресс – это «прежде всего встреча с коллегами» [X Конгресс этнографов и антропологов России, ЭР], предоставляющая возможность общения, и интеграция, происходящая в период работы Конгресса не менее важна, чем научная составляющая этого мероприятия. Ведь именно она позволяет нам сохранять профессиональную идентичность.

Рис. 2. Заседание секции «Образы территорий: переживания пространства»,
5 июля 2017 г.

Список литературы

IX Конгресс этнографов и антропологов России: впечатления участников
// Антропологический форум. 2011. № 15 online. URL:
<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/congress2.pdf>.

X Конгресс этнографов и антропологов России: впечатления участников
// Антропологический форум. 2013. № 19 online. URL:
<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/congress.pdf>.

XII Конгресс антропологов и этнологов России: Миссия антропологии и
этнологии: научные традиции и современные вызовы. Программа (Ижевск,
3–6 июля 2017 г.). URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=Ethno&in=cat&id=9>.

Конгресс как место для дискуссий // Удмурдская правда. 2017, 23 июля.
URL: <http://udmpravda.ru/articles/kongress-kak-mesto-dlya-diskussiy>.

Левонтина И.Б. Русский со словарем. М.: Corpus, 2016. 464 с.

Сведения об авторе

Давыдова Алена Сергеевна,

Младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона
Кольского научного центра РАН

Davydova Alyona Sergeyevna,

Junior Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

